

Василий БЕТАКИ

В РИТМЕ ХЛОПАЮЩИХ КРЫЛЬЕВ

2012

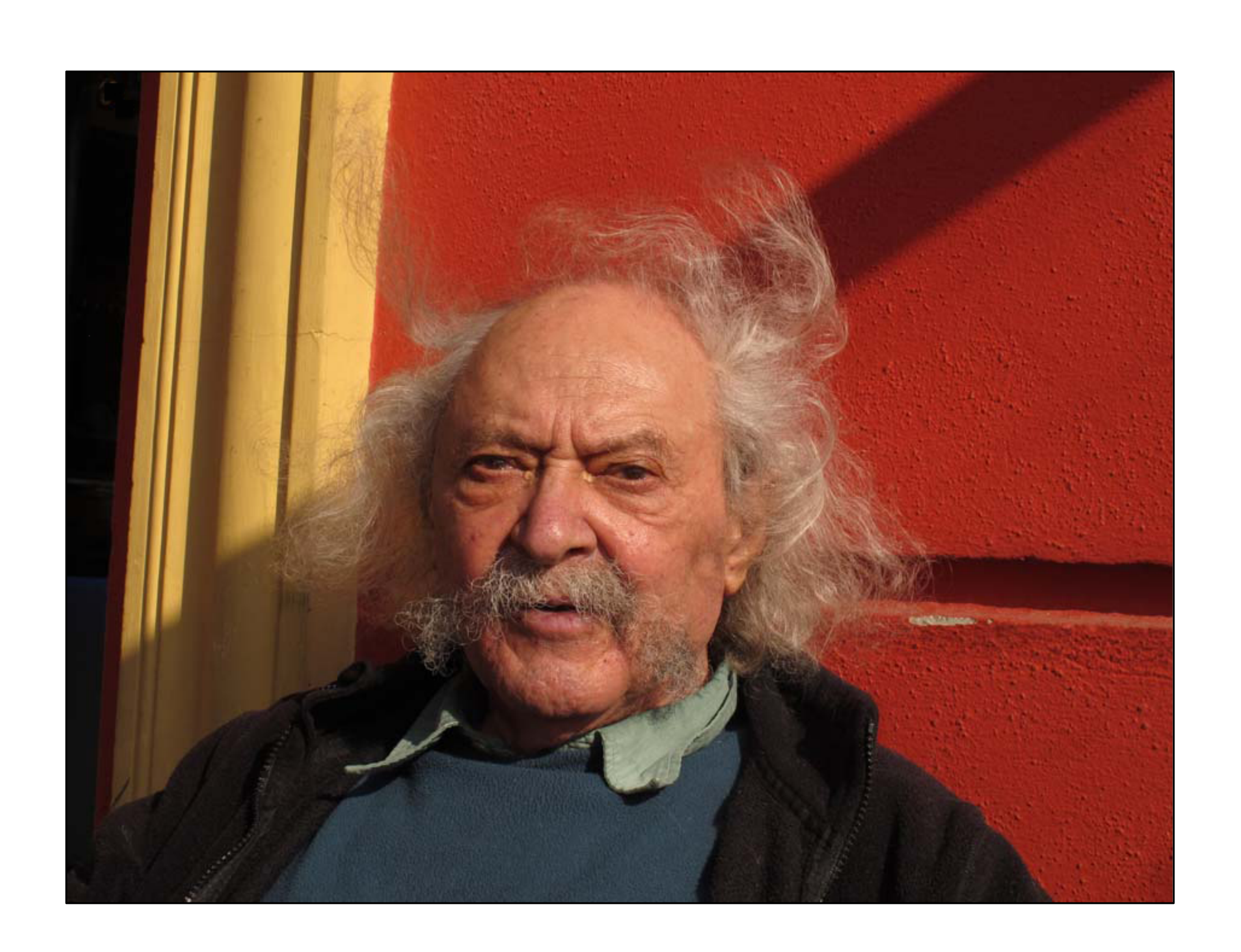
Salamandra P.V.V.

Бетаки В. П.

В ритме хлопающих крыльев: Стихи с картинками. Фот. Е. Кассель, М. Кассель, С. Швец. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2012. – 320 с., илл. – PDF.

В новую книгу известного поэта и переводчика Василия Бетаки вошли стихи последних лет. И не только стихи – ведь книга эта не совсем обычна: помещенные в ней фотографии неразрывно связаны со стихотворениями, а иногда становились и их поводом. Эти фотографии нельзя воспринимать как иллюстрации – в книге изображения и поэтические тексты не иллюстрируют, а дополняют друг друга, составляя неразрывное единство.

Венеция, Флоренция, Париж, Дордонь, Луара, Прованс, Средиземное море и снова Италия, Рим классический и современный, пейзажи лесов и полей сельской Франции, города и ландшафты памяти – такова география сборника «В ритме хлопающих крыльев», который мы с радостью представляем читателям.

Василий Бетаки

В РИТМЕ ХЛОПАЮЩИХ КРЫЛЬЕВ

Стихи с картинками

Фотографии Елены Кассель
Марии Кассель
Славы Швец

Salamandra P.V.V.

I

ВЗГЛЯД НА НЕЧТО

***

Если время стреляет как птицу влёт,
Если время стекает с морщин как пот,
Как стекают остатки дождя на капот –
И ветер сметает их на скоростях,
Как приставшие к стёклам листья,
Как снежинки первые, как пустяк,
Не замеченный в рощах предместья, –

Торопись:
Из групповой фотографии с надписью «Время»
Вырезают ножницами одного за другим,
И дырки, в плотной бумаге зрея,
Пропускают не память – фигурный дым.

И несолнечный день, и туман как сметана
Сквозь него – только мутного солнца глазок…
Это – время пожухлой листвой платана
Улетает за ветреный горизонт,
Это время вертится возле вечных вещей
Вроде Сириуса, Любви, и того же Рима,
Обтекая их, как скалу ручей,
И опять вырастает новый мир, тот, ничей –
Не из глины, брёвен или кирпичей –
Из ничего сотворённый рифмой.

КАЛЕЙДОСКОП

Трубка. Горстка мелких стёкол. Зеркала.
А увидеть все узоры – жизнь мала.
Поверти – разбудишь пёструю метель...

Осыпается рождественская ель,
Но, как свежая, игрушками полна
Древа Мира примитивная модель.

Мне сквозь ёлку вдруг привидится весна,
Мне аукнется в лесу собачий лай,
А кому-то не игрушки – ордена...

Что ж, играй, трубач предвечный, ты играй,
Дуй, архангел, в ту дурацкую трубу,
Нагуди-ка разным – разную судьбу!

Сам не зная, как звучать какой судьбе,
Предназначит ли он Штрауса тебе,

Или Верди вдруг завертит пёстрый сон,
Или Вагнеру ты тяжко обречён?

....

Но юргой – из азиатской пестроты –
Чьи-то судьбы, да спалённые мосты,
Но случайность на случайность, – лоб об лоб –
И встряхнёт, и повернёт калейдоскоп,
И со звоном полетят стекляшки дней,
Как шестёрка перепуганных коней...

Что ж, крути, но гнать карету не спеши:
Ну а вдруг мелькнёт портрет моей души?

И хоть век ищи, стекляшками звеня,
Не вернуть тебе вчерашнего меня...

***

На Большом Канале, где выстроились палаццо в стиле нечистого,
кичащегося мавританской примесью, барокко,
над чёрным лаком гондол, которые безнадёжно ждут туристов,
над полосатыми причальными столбиками от пристани сбоку –

Рыбный рынок.
Он опустел: в полдень всё закрывают.
Кончен бал. В ящики со льдом – непроданное добро.
Уборщики змеящимися шлангами смывают
с прилавков чешую – карнавальное серебро.

По мрамору, ещё грязному, базарно крича,
бродят, клюют что-то чайки – все, какие бывают на свете.
Но занятые уборщики чаек не замечают,
Впрочем, это взаимно, надо отметить.

Одна громадная переваливающаяся чайка
в пижонском сером жилете
гоняет, оставляя красный след, большущую голову тунца,
другие – помельче – веселятся, не завидуя, или эти
только делают вид, что не завидуют, чтоб не терять лица?

Но где же тельняшки, соломенные шляпы,
квадратные плечи весёлых продавцов?
Фартуки кокетливых торговок, тяжёлые, жёлтые?
Только валяются хвосты скумбрий, головы лососей и тунцов,
да кое-где потроха цвета крови и жёлчи.

Чудовищная чайка – единственная хозяйка
базарного праздника без ненужных людей,
а может даже, на краткий час, и Хозяйка
Канала. А может – и Венеции всей.

VIVANEAU
PECHE EN ATLANTIQUE CENTRE EST
24 €.90
33 €.75

ФЛОРЕНЦИЯ

1.

Развалясь, задыхаясь, старея,
День лежит у холмов на плечах.
Возвышается Синьория
Как пожарная каланча.
Тяжелы её флагов полотна,
Высока сетка окон пчелиных,
Зноем дышит ирис болотный
Над чернейшей бронзой Челлини.

У времен – своя картотека,
У истории – свои качели.
Черный привкус XX века
У иронии Макиавелли...

В пыльный полдень гляди с Понто Веккио
Как ползут желтоватые воды.
Одиночество человека
Есть последняя степень свободы.

Разморённый скукой и ленью,
Просиди хоть весь день на ступенях
В переулке у дома Данте –
Не дождёшься его возвращенья...

День уйдёт. Будет вечер длинный.
Окружат тебя жаром стены.
Резкий бег облаков старинных,
Перепутав лунные тени,
Превратит дома в гобелены,
Бесконечно сменяя картины...

Почему же ты сел на ступени
В переулке у дома Данте?

. . . .

У Челлини – чеканке учиться,
У Макиавелли – как издеваться,
А у этого флорентийца
Научиться не возвращаться...

2.

Всё сдвинуто, всё не на месте…
Тоску подавляя строкой,
Опять – то ли нет, то ли есть он –
Дрожит ненадежный покой,
Опять не в гостях и не дома
В пустых переулках кружу,
Опять никому не знакомый
На темную площадь вхожу,
Где серые стены под утро
Тяжелый туман холодит,
Где с фрески спустившийся отрок
На камне со мной посидит –
И вся галерея Уффици
На площадь выходит за ним
И лица, знакомые лица
Проходят одно за одним…
А горы, лиловые горы,
Флоренцию спрячут в кольцо,
И глянет с вершины на город
Усталой Мадонны лицо.

ЭЛЬЗАС

Июльский городок совсем пустой.
Тут даже ветер с голоду не гложет
Те разноцветные дома с резьбой…
Со стен глядят с упрёком на прохожих
Солидные в старинных шляпах рожи,
Но ни собак, ни кошек, ни ворон.
Провинциальный деревянный сон,
На шпиле аист – деревянный тоже –

На крыши сверху смотрит… Ну, и пусть.
И показалось, я не удивлюсь,
Что городка раскрашенное тело

Из почвы выдернет дома свои!
Вот аист расправляет крылья, и…
Но больше ничего не улетело.

ВЗГЛЯД НА НЕЧТО

1.

Ох, как завален стол передо мной!
Обилие предметов обосновано,
Но всё же ограничено стеной,
А замкнутость пространства продиктована
Причиной неотвязно возрастной…

Привычно всё своё, как чашка чая –
Хоть ближний лес, хоть стулья вкруг стола,
И что мой стих, меня не замечая,
Подсовывает к носу зеркала…

2.

Вот шкаф – альбомы, книги и кассеты –
Ну, белый потолок над головой
А вот интересуют нас предметы
И времена, поросшие травой.
Тот быт, которого давно уж нету,
Чужой – нам интереснее, чем свой.

Чуть отодвинешь чашку из-под чая –
История, качаясь и тощая,
Капризно нас подталкивает в путь.
Куда, зачем зовёт, сама не зная…
К примеру, на Алезию взглянуть.

3.

И словно ты пакет с прошедшим взрезал:
Так что ж там смутной памятью дано? –
Мечи. Щиты. Верцингеторикс. Цезарь…
Крошёный камень, ржавое железо,
Банальное фалернское вино…
Хоть амфоры пусты давным-давно….

4.

И хулиганит память: всё, что скрыто,
Вдруг явится откуда ни возьмись.
Между археологией и бытом
Нет пропасти, – есть только взгляд и мысль?

Вот миска, из которой к Пацюку
Вареники скакали в рот той ночью,
Под Рождество, и видим мы воочью
Сквозь время и весёлую строку,
Что миска стать должна музейной миской…
Неважно, что колдун набил живот –
Всё дело в слове Гоголя – и вот
Вареники веками не прокиснут!

5.

Своя географическая карта
У каждого, отлична от других.
Порой апрель случится прежде марта
И серой прозой обернётся стих…

Предмет ещё не текст, но текст за ним
Выходит неминуемо из тени.
Как только вдруг его мы проясним,
И сам он прыгнет в рот, как тот вареник:
Так Гоголю перо, так ведьме веник,
А памяти предмет необходим!

6.

Глухая неизменная крапива…
Въезжаешь – деревенька тут была –
Меж домиков пятиэтажка криво,
Да рядом три каштановых ствола…

Среди булыжников – остатки рельс
Когдатошнего давнего трамвая…
Нередко заглушая голос месс,
Полвека тут ходил он, огибая
Округлый пруд… А над прудом ветла
И церковка (от времени кривая)
Из жёлтого песчаника – цела.

У церковки почти тысячелетней
Неистово магнолии цветут,
И одуванчики, чтоб стать заметней,
Всей желтизной заглядывают в пруд.
Всё, как тысячелетие назад,
И вдруг… нет, не колокола звонят:
Но что-то тут играет с тишиной?
Давно минули времена трамвая…

Откуда ж, маску с времени срывая,
Он возродился, хоть слегка иной?

А в церковке рядок старинных книг…
Они – не рельсы, возвратишь ли их?!
И в стороне две нитки новых рельс…

Пусть не Христос – так хоть трамвай воскрес!

7.

Асфальт – он серый, гладкий и пустой.
Заменены асфальтом – и недаром –
Панели по старинным тротуарам,
Те, что звались лещадною плитой,
Или пеньки торцовой мостовой
(Их плашками тогда именовали)
И молотами их в песок вбивали,
Плотнее подогнав одну к другой.
Любая восьмигранником затейным
Смотрелась… Их убрали. На Литейном –
Последнюю в тот год, в тридцать седьмой…

8.

«Я и пейзаж» сменяются с годами
на «я и интерьер»… Почти в любой
Квартире неизменно правит память
Всей археологичной чепухой.
Вот фотография в старинной раме –
Прочти-ка, что таит за слоем слой…
Так археологичны интерьеры –
Превыше всяких мер и всякой веры.

9.

Тюльпаны в вазе – вовсе не предметы,
Им выдан статус временных жильцов.
А впрочем, и на нас есть та же мета,
Поскольку их судьба в конце концов…
Как для кого – мир комнаты – таков.
Но и пейзажу ведь не чуждо это:
Не настоящим остаётся лето,
Пока его листва не влезла в стих.
И существуют вечно – не предметы,
А то, что было сказано про них.

***

Есть причастность в срыванье
Хоть грибов, хоть кизила,
Вот и в строчках копанье –
Непонятная сила.

Дух причастности – вот он,
Языковая стая,
Слово в слово вливая,
Стебли слов заплетая…
Так язык обормота
Не до Киева, – что там –
Доведёт до Китая…

Будь хоть дельно, хоть вздорно –
(Но ещё ведь не вечер!)
Слово сводит упорно
Несводимые вещи,

И хоть справа, хоть слева
Меж предметов и флоры –
Тут – не яблоко Евы
И не ящик Пандоры:
Ни загадок, ни сказок –
Всё реально, как свёкла.
Всё подвластно хоть глазу,
Всё – живые страницы!
Так две трубки бинокля –
Застеклённые дыры –
Раздвигают границы
Недоступного мира,
И ничто не иссохло,
И ничто не промокло…

Там за озером где-то –
Фонари или звёзды?
Ненадёжное лето
Пусть хоть слева, хоть справа
Все оттенки изловит,
И меж пальцев – пусть поздно –
Протечёт прямо в травы,
И останется в слове.

***

Полутёмные натюрморты Хеды,
Или портреты Вермеера
Были бы даже и веселы,
Когда бы не колорит…
Да и длинная бутылка о чём-то ведь говорит…

И не скатерть Снайдерса с фазаном и лимонами,
И не задумчивые лица Хальса,
Это воздух, огонь, земля и вода –
Квартет стихий читает мне стихи
Четырёхголосо, но в ритме вальса –

Это звуки всех улиц –
У каждой из них свой оркестр,
Это многонотные голоса городов:
Гудки и собаки,
Часы и ветра,
Сороки и трамваи…
И над этажами, скверами, проводами
Бесконечный голубиный рёв!
И никто не услышал,
Что упал не жёлудь, – что дуб упал,
Но куда?

А в будущие года…
Потому что симфония состоит из диссонансов,
Как строчки из слов…
И это – всегда.

ЧАСЫ

Над часами башни
гномы танец начали,
Вкрадчивы и медленны их шаги…
Вот как стражи времени
время растрачивают,
И вокруг красавицы вьют круги!

Фаты хлыщеватые – похоть, гармония,
Фески да тюрбаны (а шаги – всё длинней),
Праздничный гротеск, пантомима иронии –
Гномы-басурманы прекраснее людей…

Как тут не мешают они
проповеднику?
И ведь вылезают каждый божий час!
Как не превращают
в ярмарку обедню?
Как тут прихожане
не пускаются в пляс?

А в Везле́ на капителях –
черти с мужиками,
И свиные хари – добрым людям на страх,
В Нотр-Дам химеры – матерящийся камень…
Славное кощунство есть в готических церквах.

НЕЗАВЕШЕННОЕ ОКНО

Проходя переулками незнакомого города, кривыми и длинными,
Особенно к вечеру, когда становится полутемно,
И каждый твой шаг удивлён зыбкими, сменяющимися картинами, –
Вдруг останавливаться перед домами, красивыми и старинными,
Спугивая дроздов за узорными решётками палисадника –
Это ведь всё равно,
Что пользуясь книгами, или даже статуями и руинами
Подглядывать за древними греками, как в чужое окно.

Или – в пещере, где живопись аж семнадцати тысячелетий,
Рассматривать портреты животных, из которых порой одно
Нарисовано на другом... Быки и лошади эти
Тоже подсмотрены через чужое окно!

Невелика разница – разглядывать ли соседку, развалившуюся на диване
(мимоходом, в распахнутое окошко, на доступном для глаз этаже),
Или кариатиду принять за прохожую в вечернем тумане,
Или стоять перед Венерой Джорджоне, виденной не однажды уже?

Истории, кажется, нет.... А, возможно, и быть не может:
Хоть в камне, хоть на бумаге – так немного запечатлено!
Ну, предположим, что с улицы вечером случайный прохожий
Просто от делать нечего заглядывает к тебе в окно...

Что он видит? Случайный миг...
И не по чьей-то воле
Тень от прошедшей жизни – в застеклённых отрывках дана...
А вот когда быки или лошади просто пасутся в поле,
Или дрозды перед носом скачут –
Нет чужого окна!

***

Поперёк автострады – тени тополей, изображая шпалы,
Превращают асфальтовую полосу в две стальных,
А над обочиной на склоне – корова, сбежавшая с картины Шагала,
Наклоняет башку, будто хочет пробиться в этот стих!

Она отгребает копытом кучки октябрьских листьев,
Пытаясь упрямо добраться до упрятанной свежей травы.
И разлетаются листья – над землёю как что-то лисье,
А иные ветер заносит аж выше её головы…

Так на что мне тени, да и корова эта?
Поздней осени никак не к лицу газон,
Но корова мне помогает при нехватке зелёного цвета,
Обнажая яркость травы, которой давно не сезон.

Потому что нужны живописцу и белила, и охра, и сажа,
Не считая тех многоцветий, о которых я тут не сказал.
И если вздумаю я в стихах обойтись без пейзажа,
То буду похож на актёра, играющего на пустой зал.

***

Тем, кто в чащах готических не был,
Трудно даже вообразить,
Что готика колет небо,
Чтобы совесть его пробудить…
Да? И только-то?
Ведь, едва ли –
Чтоб у неба совесть была…
Но от всех, кто тут прежде бывали,
Остаются частички тепла…

Где-то новенький замок строят,
Так, как строили некогда их:
Каждый камень отёсан рукою,
Возят лошади что-то такое,
Да и рвы там – лопатами роют,
Известь гасят… Машин – никаких!
Только всё-таки замок этот –
(Ни следа в нём, ни памяти нет!) –
Лишь театр, где актёров нету,
Декорация давних лет.

Можно выстроить хоть Нотр-Дам,
Даже вообразить себя «теми»,
Но никак не пройти по следам
Тех, кто там оставлял свои тени.
Но зато – вдруг представишь едва,
А уж память приводит к тебе их
(Ну, как рифма приводит слова,
Но отчётливее и грубее).

Будь то Прага, Париж или Рим –
Ни концов, ни начал не найдёшь ты
Тут важнее приметы того, что
Всякий век перемешан с другим…

Хоть конечно, Адаму и Еве
До Джульетты и дела-то нет,
Но мерцают в фонтане ди Треви
Серебристые рыбки монет.

***

Витражи, витражи, витражи –
Пестрый хаос людей и вещей –
Дай увидеть прозрачную жизнь
Сквозь безумие алых плащей.

Закружи, закружи, закружи
В голубом и зеленом огне,
Отличить бы искусство от лжи
На прозрачной, неверной стене.

Расскажи, расскажи, расскажи –
Как прошел он, тот сумрачный год,
Как сбылось, что остался он жив
И окончил крестовый поход?

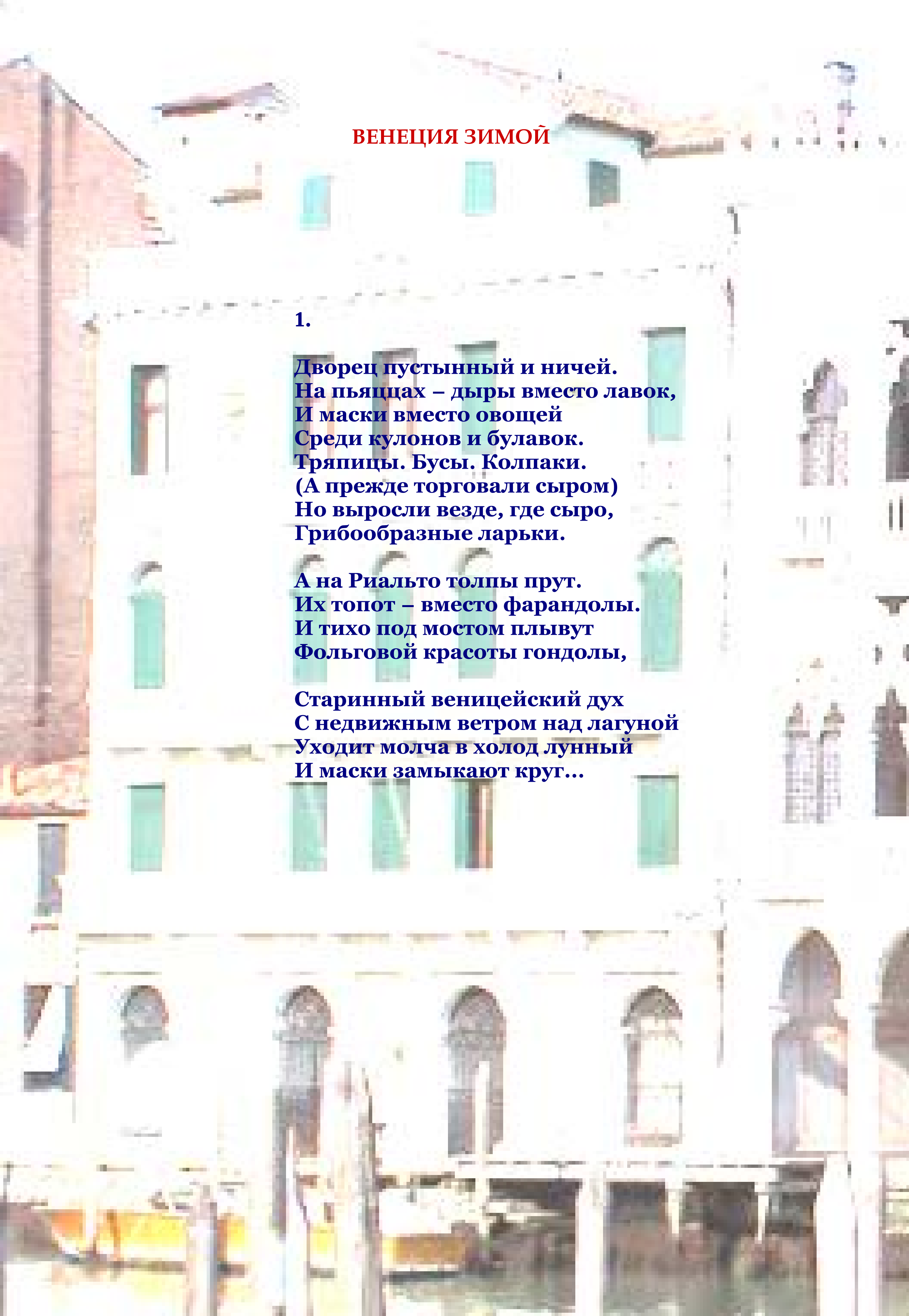
Удержи, удержи, удержи
Скакуна своего на краю,
Отчего до сих пор он дрожит,
Как тогда, в той пустыне, в бою?

В хаотическом беге огней,
Пестрых солнечных бликов ножи –
И неверья и веры сильней
Витражи, витражи, витражи...

* * *

Обрывая меж листвы кизил,
Ветку отпустила вдруг рука
И рывком, как только отпустил
Ветка, отпружинив – в облака.
Ну, кому он нужен там, кизил?
Как же до него добраться мне,
Если ветка дважды далека:
Если небо – в озере, на дне.
(И казалось настоящим дно)
Но когда вгляделся я – оно
Оказалось где-то в глубине
Тёмного окна… Ну а в окне…
Так теперь, не скажешь ли, окно…
В скольких ты ещё
Отражено?

ВЕНЕЦИЯ ЗИМОЙ

1.

Дворец пустынный и ничей.
На пьяццах – дыры вместо лавок,
И маски вместо овощей
Среди кулонов и булавок.
Тряпицы. Бусы. Колпаки.
(А прежде торговали сыром)
Но выросли везде, где сыро,
Грибообразные ларьки.

А на Риальто толпы прут.
Их топот – вместо фарандолы.
И тихо под мостом плывут
Фольговой красоты гондолы,

Старинный веницейский дух
С недвижным ветром над лагуной
Уходит молча в холод лунный
И маски замыкают круг…

2.

Блик солнца съёжился в углу.
Сполз незаметно по стене,
Ему на мраморном полу
Так неуютно… Вот и мне.
Пустой венецианский дом.
Тоскливо прячась от туристов,
Тут на диване я с котом.
И за стеной играют Листа…

– Нет, чтоб Вивальди, чёрт возьми! –
Мурчит мне полосатый кот –
Морока с этими людьми,
Ну, всё у них наоборот…
Не знаю уж, какой властитель
Наляпал тысячи мостов,
Но город на воде, простите,
Не предназначен для котов!

3.

Я зимой купил в Венеции
шутовской колпак с бубенчиками,
Карнавал недавно кончился,
но остались колпаки…
Да и маски не распроданы,
хоть давно в них делать нечего:
Все баутты по домам сидят
и сдыхают от тоски.

Я вернулся из Венеции.
и пристроил шапку пёструю
Где-то рядом с книжной полкою
и теперь уж навсегда
Между полкой и компьютером
дребезжат его бубенчики,
И колпак сидит на глобусе –
там ему и место. Да!

AMERIQUE
DU NORD
Новелла Матвеева

4.

«Холодный ветер от лагуны...»
А. Блок

Ветра не слышно. Не воздух, а холод.
Зеркало чёрных каналов. И там,
В злой тишине, есть единственный голос:
Только шаги по своим же следам...

Где-то огни над лагуной пасутся.
Не отлипает от холода плит
Воздух недвижный... И города блюдце
Только твоими шагами звенит,
Их повторяя над холодом плит...

Воздух недвижен. Не воздух, а холод.
И в пустоте – всё от тех же шагов –
Где ни пройдёшь, остаётся осколок:
Звук, отражённый от всех берегов.

СЕГОДНЯ

Ненужные книги толпятся
В шкафах, таких же никчёмных,
И край 21-ого века
Уже успел приподняться
Над этажами переполненных полок,
Лакированных, пыльных и тёмных.

Когда-то в Кириллово-Белозерском монастыре
В писарской опустелой палате
Письмо в Печоры собратьям своим
На сером бумажном квадрате
Писал отец Никодим:

«Вот и кончилось наше искусство,
С досок делают дюжинами книги,
Будто пряники печатные пекутся!
И по почерку теперь не узнаешь,
Кто писал-переписывал ту книгу,
Ибо все одинаковы, ну точно
Как подрясники в ризнице ночью!
Нет на буквицах ни золота, ни киновари
Даже имени того, кто годами...»

А на этом письмо и обрывается...

Прошли пять веков Гутенберга.
А ещё – бесписьменной кучею
Времена до Гомера, когда-то...
От всего остаётся в лучшем случае
Обломок музейного экспоната,
А порой – лишь вторая дата!

Но по книжным магазинам народ всё толпится,
Будто претендуя на очевидное знанье,
И никто ни клочка прошлому не отдаёт:
Ни желтизну бумаги, ни её шуршанье...
Так цепляются хоть за шорох полутёмной страницы,
Хоть за растресканный кожаный переплёт,

Даже за невнятные запахи пыли...
И кажется, всё так просто,
Ну как будто курткой заменили пальто,
И о нём давно позабыли...

А вот что потеряли и что получили –
На самом деле не знает никто…

II

ВРЕМЕНА ГОДА

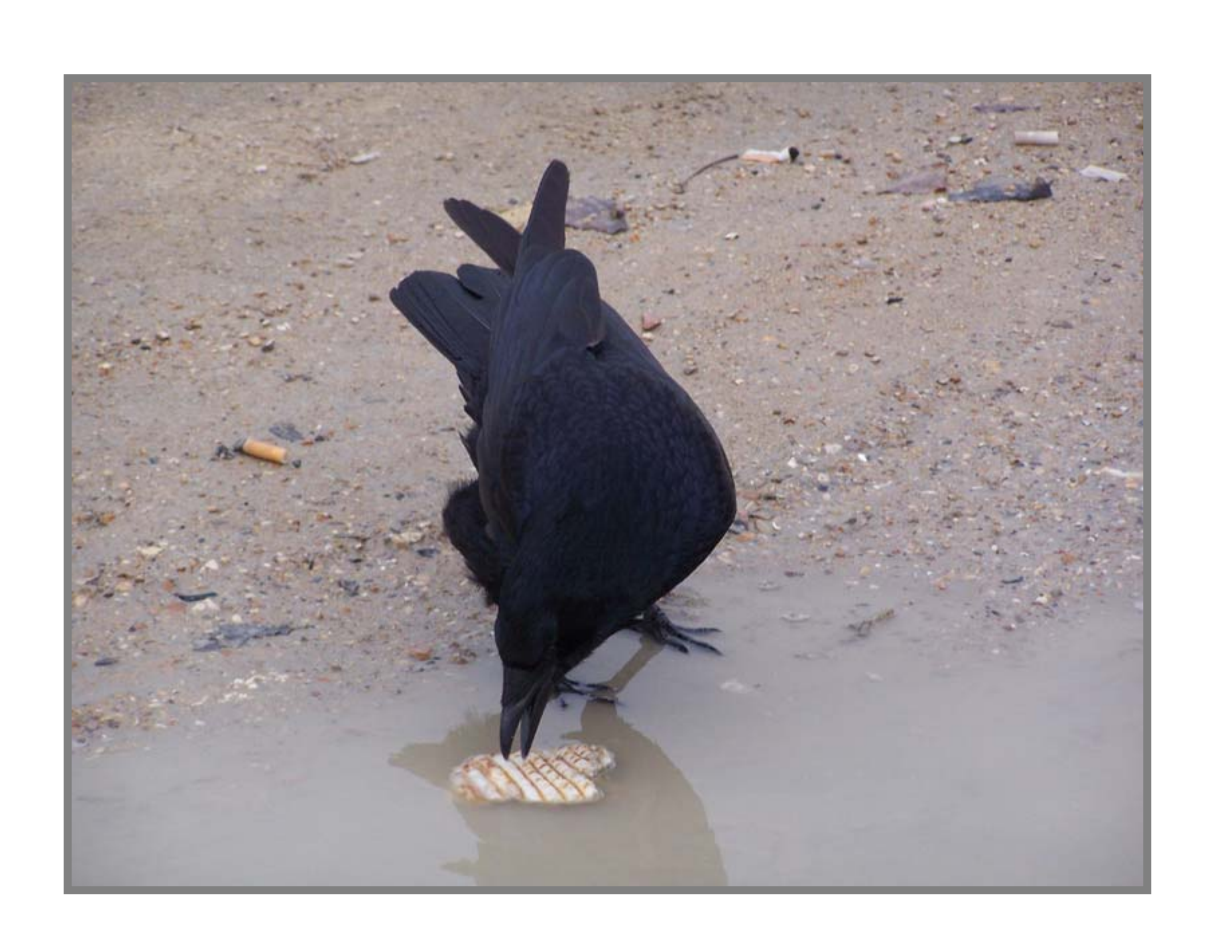
МОКРЫЙ ТРИПТИХ

1.

Необычное всё
Начинается с повседневности,
Запах лошади в мокром лесу…
Бурундук проскочил, как мгновенье.
Этой странной незимней зимой
Есть грибы под гниющей листвой,
И разносит крик цапли
Мокрый ветер осенний
(А может – весенний?)

2.

Из машины в окошко:
Намокшего ветра крученье
В пять часов предвечерья –
Треугольники с размытыми краями:
Это дремлют дома,
А в незримости где-то
Автострада гудит,
Как встревоженный пчельник.
Фонари. Деревенская улица.
В окнах ёлок не сосчитаешь – сочельник.
И незимней зимой –
Такая не тёмная тьма!

3.

На прилавке уличном перед кафе,
Которое прилепилось к пожухлой стене,
Те же устрицы, те же бутылки и те же лимоны...
Тот же повар жарит всё тех же кур,
Перед вертелом мельтеша в глубине.
А на голых ветвях
В тех же позах всё те же вороны.
Ну так всё-таки что –
20 лет, или 20 минут?
Те же столики, те же навесы... а может,
Эта чашка и я...
Как случилось, что всё так похоже?
Только зеркала нету...
Но это и к лучшему тут...

CAFES
LADOUX

***

Ямб связан с осенью. Но не
Её, а ямба я боялся,
(Банальность, что ли, мнилась мне?)
Зато сливался дактиль вальса
С листвой, кружащейся в окне,
Хоть осень, в общем, не по мне.
И об неё я спотыкался
Не раз и в яви, и во сне....

Нет, лето всё же многозначней...
Над средиземною волной
Кружит мир лепестков прозрачный!
Он олеандровой стеной
Скрыт от еловой чащи мрачной,
Скрыт с пиниями (и со мной)
От шума улицы ночной,
От рока музыки стальной,
От грядки дачной пастерначной,
От города и городка...

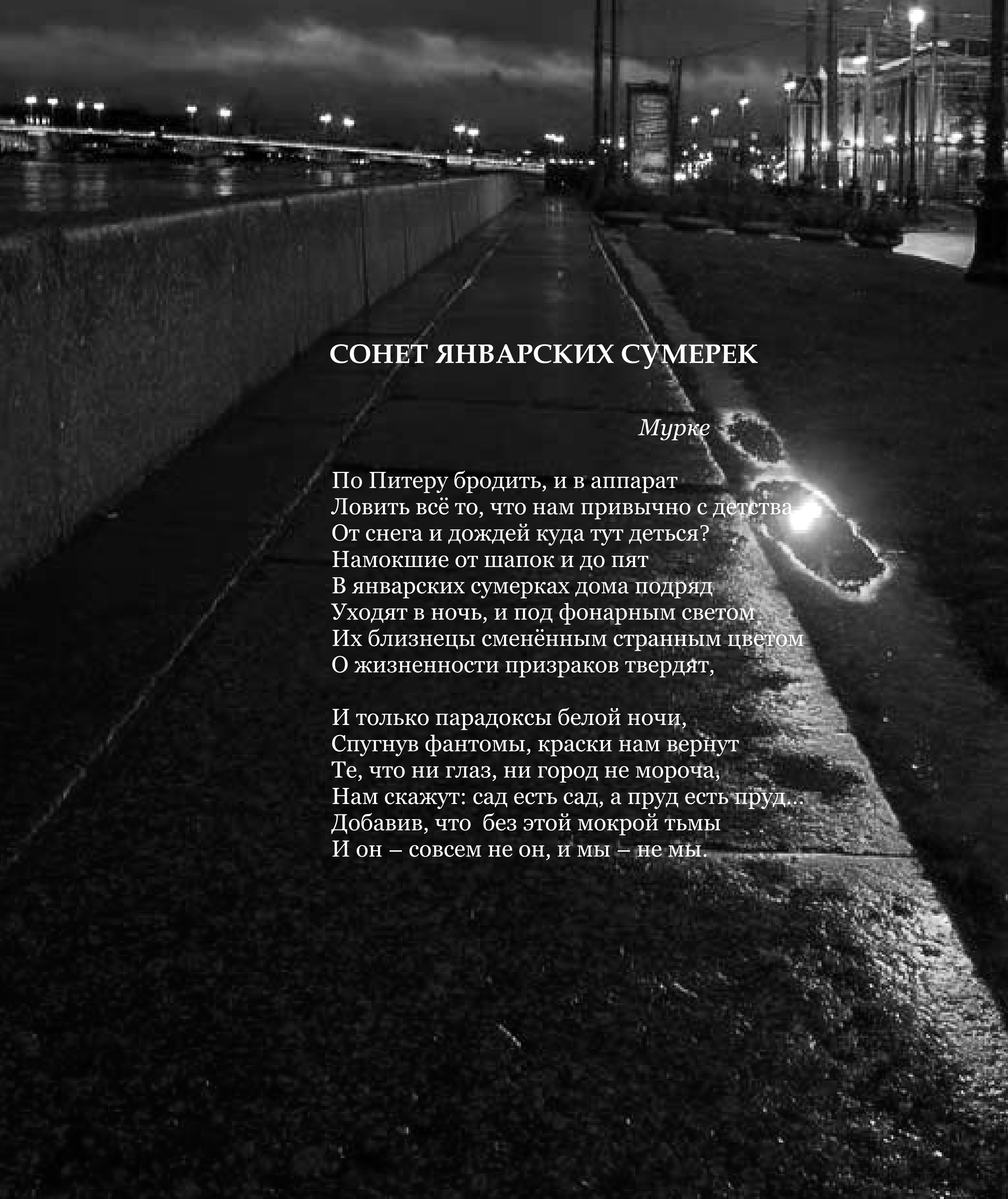
А вальс?... И вальс умолк,
Но, вроде –
Копытный стук издалека –
Там скачет год верхом на годе,
А я пойду пешком, пока.
Ведь ясно же, что ноги ходят
До той поры, пока строка
Звучит...

ЦВЕТОМУЗЫКАЛЬНОЕ

Ветры с цепи сорвались,
сметают последний нестойкий и серый откуда-то дым!
…Как в оркестре под взмах дирижёра
вступают цветенья одно за другим.
Хулиганистый джаз или оперная суета?
Или так – симфонические нарциссы
вторят россыпям кизилового куста?
А в просветах квартала ветер размашистой волей
Залепляет оконные дохлые стёкла
Гигантскими лепестками бело-лиловых магнолий!
Это – что? Скрипки сàкуры розовой, или гобои лимонных форзиций?
(Лишь вступили бы вовремя – тут любой инструмент пригодится!)

Ну а скоро ль – сирень?
Кларнетист вдалеке лишь слегка прикасается к дырам,
Нет, мелодия эта никогда не бывает проста!
И звучат вариации
Возобновлённой потребности
в тонких контактах пунктиров
с повторяющимся миром –
Чтоб не вернулась зимняя пустота…

(малый барабан, он же – бескрайняя поляна гиацинтов):
Тра та та-та!!!

СОНЕТ ЯНВАРСКИХ СУМЕРЕК

Мурке

По Питеру бродить, и в аппарат
Ловить всё то, что нам привычно с детства.
От снега и дождей куда тут деться?
Намокшие от шапок и до пят
В январских сумерках дома подряд
Уходят в ночь, и под фонарным светом
Их близнецы сменённым странным цветом
О жизненности призраков твердят,

И только парадоксы белой ночи,
Спугнув фантомы, краски нам вернут
Те, что ни глаз, ни город не мороча,
Нам скажут: сад есть сад, а пруд есть пруд...
Добавив, что без этой мокрой тьмы
И он – совсем не он, и мы – не мы.

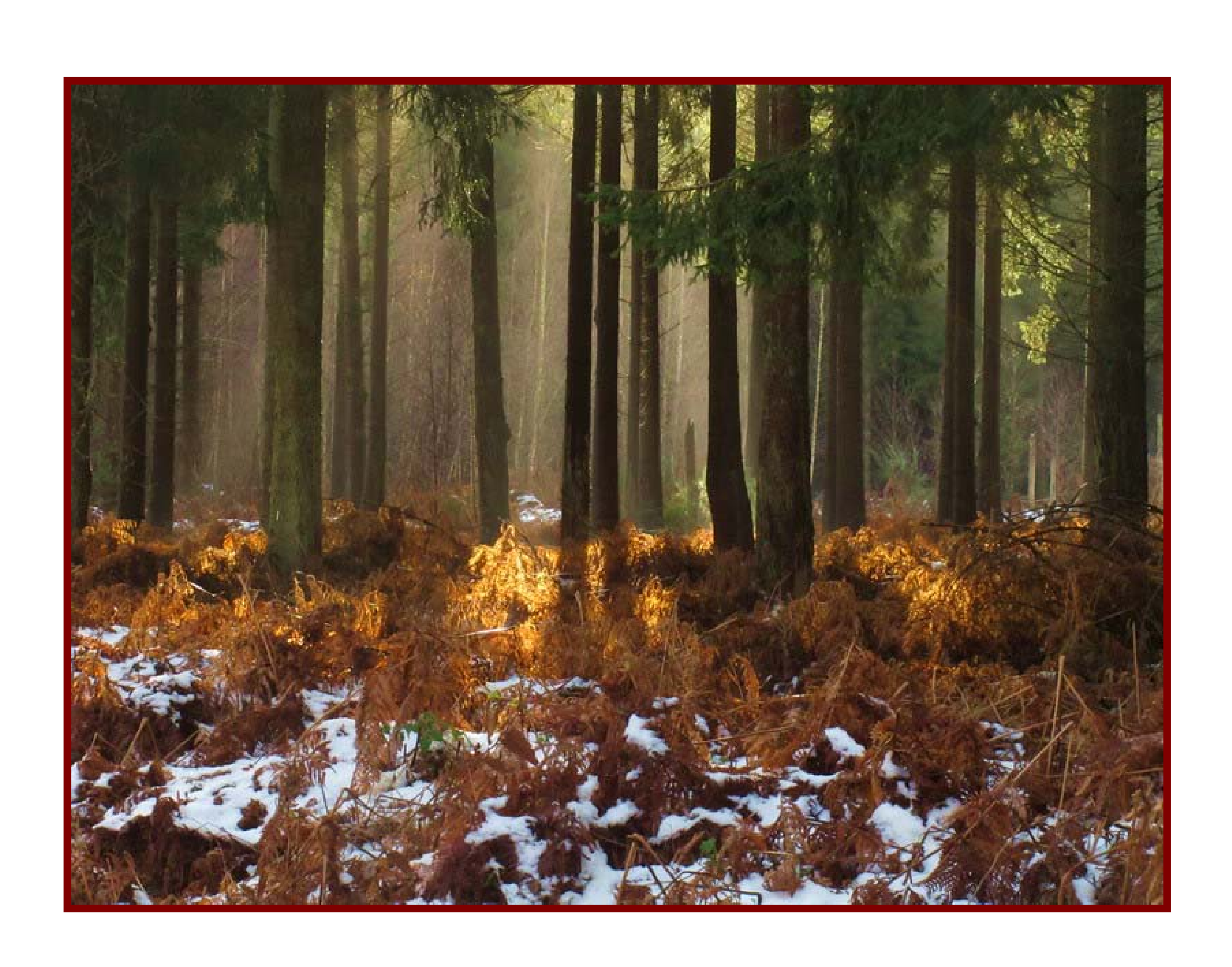
***

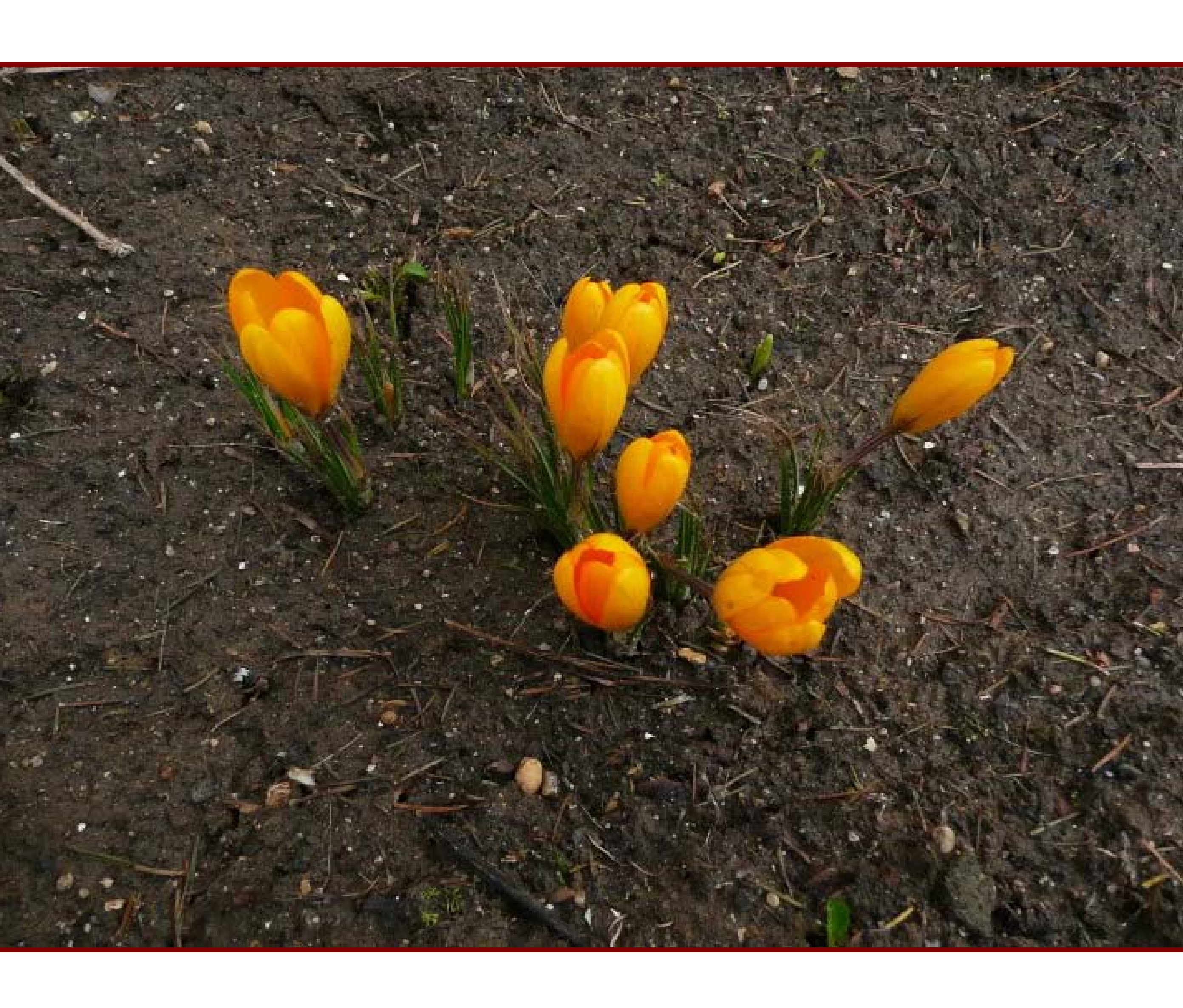
Кустов задумчивые морды
Молчат без музыки ручья,
И вечность топает так гордо,
В банальность лестницы стуча…
И снег, и свет, и тень – всё близко.
И в удвоенье от воды
Огней осиновые листья –
Им, право, не до ерунды –
Всей злобной осени тревожность,
Весенних отношений сложность,
Всех бед и всей удачи ложность
Отменят зимние сады!

В кафе заходим в тёплых тряпках,
Небрежно отряхнув снежок,
И манекены в лыжных шапках –
Взгляд из витрин на огонёк:
Всё на местах!
Вот так и нам бы,
Скругляя острые углы…
(Боязнь четырехстопных ямбов
Проходит).
Парк включает лампы –
В ледовых панцирях стволы.

Спокойствие существованья –
В замену ветров и дождей.
Банальность? Ну и дьявол с ней!
Зима отменит – знай заранее –
Обычность личности твоей,
Банальность Пушкина и Блока,
И одинаковость листвы…
Банален?
«По-иному только –
Не так как вы. Не так как вы!»

Всё вертикально: свет и тени!
То в углях чёрных, то в огне
Дубы, как старые олени,
Грозят друг другу в тишине,
Заката взнузданное пламя
Под их рогами молча ждёт,
Ведь свет, разорванный стволами,
Размахивать плаща полами
Готов без устали хоть год…
Кусты! У вас над головами
Жесть мёрзлых листьев меж ветвями
Вполне банальна? – Но стволами
Стекает не смола, а лёд.

ВЕСЕННИЕ ТЕРЦИНЫ

Не зря вчерашний предзакатный свет
Горизонтально брызнул из разреза
Меж туч лежащих.... Дёрнулся – и нет...

Земля натужно дышит, ждёт железа,
И шевеленье крокусов вчера
Угадывалось среди бурых срезов,

Блеставших влажностью уже с утра.
Огрызками рассветного тумана
Сам ветер подтверждал, что да, пора,

И дул порывисто, и знал, что странно
Лопатам подчиняется весна,
Что выстрелом из вскопанной поляны

Сиреневых фейрверков белизна!

* * *

Облезлая скамейка. Рейки
Среди вишнёвых лепестков,
Но не окрасить им скамейки:
Так ненадёжны, и не клейки –
Коврами пенятся с боков.
И даже самый лёгкий ветер
Сметает их, лишает сна...
Они как море на рассвете:
Из зеркала встаёт волна...

Подобно их неверной пене,
За катером, за кораблём
След – вспененное сообщенье:
Оно исчезнет до прочтенья
Как лепестки под ветерком.

ИСТИННО НОВОГОДНЯЯ БАЛЛАДА

Памяти Франсуа Вийона

Нет! Всем известный Новый год
Бывает только на бумаге!
А тот, кому поют овраги,
С зимой никак не совпадёт!
В кустах расслышав птичье пенье,
Наверно, и слепой поймёт,
Что истинное обновленье –
Начало лета – Новый Год.

Ну, праздник с ёлочной фольгой
Придумал римлянин когда-то.
Ему понадобилась дата –
А месяц? Тот или другой...
(Фантазия так небогата!)
Никчёмных правил скучный свод
Придётся отменить, ребята:
Начало лета – Новый год!

В лесах свет отделён от тьмы,
Когда сирень граничит с липой!
Вверх едет кто-то велосипый,
Ещё скрипя после зимы,
Хоть в застоявшейся педали
Клочки зимы торчат, но вот
Над ухом листья зашуршали:
«Начало лета, Новый год!»

Как Гераклит, смешай, Адам,
Звон лирных струн со звоном луков!
Пусть густота зелёных звуков
Аккомпанирует дроздам!
Всё неотцветшее цветёт,
Напяливая неустанно
Зелёную хламиду Пана,
Начало лета, Новый год!

Ну, бард-приятель, твой черёд:
Беги-ка за своей гитарой!
Ко всем чертям обычай старый –
Начало лета – Новый год!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОСЕНИ

Никуда не хочу. Взять собаку – и в лес.
Все столицы не стоят парадов и месс.
Не пойду, даже если там кто-то воскрес,
Да к тому же до пасхи,
Столько долгих недель, столько дней и часов!
Лето, запертое на длинный засов,
Не подаст ни один из своих голосов!
И не сменятся краски:

Чёрно-белое фото январского дня
Этой скудостью цвета доводит меня!
И закат этот жёлчный, без искры огня –
Ни причин нет, ни следствий…
От кружения улиц – глупей и балдей! –
Хаос окон, прохожих, витрин и блядей…
Разве в Лувр заглянуть? Но от очередей
Я отвык ещё в детстве…

Никуда не ходить, ни на ком не скакать,
Лучше пусть по странице проскачет строка,
И уздечку под лавкой не надо искать –
Тоже связано с риском
Потерять ни за что ариаднину нить –
Лучше Дилана Томаса переводить
И болтать о Багрицком…

Вместо этой, к нам не добежавшей зимы, –
От Урала или из Бретани? – Из тьмы
Осень вновь возвратилась, увидев, что мы
Без неё в этот вечер,
Пригрозивший нам стать ожиданьем Годо,
Пропадём в гаммах ветра до верхнего «до»:
Ни к чему ни снежок, ни бутылка бордо…
Нет, от зимности лечит
Если уж не весеннее уханье сов –
Только арлекинада осенних лесов,
Только тень растворённых в листве голосов,
Только поздний кузнечик.

Утром пахло влажной землёй,
хотя и не было ночью дождя.
(*Лена)*

В лапах мохнатых и страшных
Колдун укачал весну…
А. Блок

Когда без дождя влажной земли запах
С рассветом вламывается
в раскрытые окна дома,
Когда весне не сидится у колдуна в лапах,
«В лапах мохнатых и страшных» – то всё по другому:

Голые ветки – зачем же тьму протыкать им?
Чтоб оказаться в другой такой же тьме?
Тьма на тьме – ведь страшней,
чем закат на закате,
Ночь-то в ночи
не позволит, чтоб «два в уме»,

Только совам дозволено с ней не считаться:
Ибо весенний торжествующий крик совы
Будит,
высвобождает из тьмы веселье акаций
И шевелит рассыпанные тени
мелкой листвы.

Ну, ветки – голы, но тьма – уж куда голее!
(Там, где не знают о свете –
никчёмна тень…)
Но если сирень разрывает сумрак в аллее,
Тьма не посмеет, не сможет – если сирень!

ИСТОКИ

Пейзаж, опять пейзаж? А что мне остаётся?
История скучна, политика – на миг…
Верней – черпать стихи бадейкой из колодца,
Или просить подарки у кустов лесных…

Ну, может со зверьём удастся сговориться –
Лев «эр» даст поиграть, или корова «му»,
Подарит «тру-лю-лю» неведомая птица,
А ветер – долгий звук, не нужный самому…

И улицы шуршат, и лес неисчерпаем,
И гул морской волны симфонии важней,
И скрипка иногда прикинется трамваем,
Насмешник саксофон ржёт, как табун коней…

И ветер иногда звучней трубы Армстронга,
И в голосе ручья послышится Пиаф,
И летняя гроза разнообразней гонга,
Пред ней и барабан признает, что неправ!

Когда обычный дрозд не устаёт от свиста
Неловко перед ним замкнуться в тишине
И позабыть, что гордость старого джазиста
Забросить инструмент не позволяет мне.

***

Осень явилась разом, и не прося пристаница,
Замельтешила узором дубов, узкими листьями ив,
(Будто опять «Турандот»
старик Антокольский поставил,
И свой, и вахтанговский замысел наново перекроив).
Осень осиновой мелочью засыпала холмы у моря,
Отменила хвастливость роз и скромность яблонь,

Но, противозаконный, там где-то,
в опустелых Содоме и Гоморре,
В полумёртвой, медленной тишине заливается зяблик. Зяблик…

И я снова леплю строку из бретонских, холщёвых пейзажей,
Из зелёной бегучей волны Средиземного моря, из
Капризных парижских набережных,
Из смятых созвездий, и даже
Из самого этого неконкретного понятья: каприз.
Что ж, пускай себе осень гасит свеченье брусничных бусин,
И зелёный, в медной кроне, отливающий лаком орех, –
Но не смолкнет, звенит бронзой клён,
Но церквушки – белые гуси,
Где-то пьют и пьют студёную воду северных рек…

ГРИБНОЙ ДОЖДЬ

(Репортаж на 21 июня)

Дождик вялый, не забубённый,
Забыл, видно, где-то свой барабан,
В пруду, между селезней сине-зелёных
Ныряет чёрный тощий баклан!

Странно: баклан ведь птица морская –
Ну, что ему делать у нас на пруду?
Не проживает он, а провожает
Самое светлое утро в году...

Вверху, пополам разделившись резко,
Как две штанины, и в тучу сшит,
Дождь раздвигается занавеской,
А за дождём – ничто не спешит.

Медленно ряска раскроет окна,
Чтоб заблестел оголённый пруд...
Дни под деревьями, не промокнув,
Посуху в лето идут и идут.

В пятнах просветов ярче трава, и
Непромокаемая листва
Дорожку мою зонтом прикрывает,
Как несминаемые слова,

Чем дальше в аллею, тем зеленее
Непроницаемая листва,
И рвутся с обеих сторон на аллею
Все несметаемые слова.

Щавель любопытный, наставя ушки,
Аллею стесняет – с обоих боков...

Сейчас подорожник – квакнет лягушкой,
И сам запрыгает в ритме стихов...

ПОД ГРОХОТ ЖЕЛУДЕЙ

Что за барабанная дробь в лесу,
Всё неодолимей и всё сильней?
Ведь каштаны в своих зелёных и влажных кафтанах
Обыкновенно шлёпаются так мягко!
А этот грохот пробивает листву –
Жёсткий ливень из желудей.
Ну да, просто в этом лесу
Больше дубов, чем каштанов,

Этот стук желудей по сухой земле
Мне напомнил тот барабанно рассыпанный стук
Двухсотграммовых зажигательных бомб
По железным крышам Питера в дни блокады...

А сегодняшний подпарижский солнечный вечер
Уж никак не родственник той зимней мгле,
Со стрельбой зениток
И всем прочим, что скорее свойственно аду.

От него давно не осталось ни следов, ни примет,
Да и какая, впрочем, о том сегодня забота?
Ну, наступит зима,
Ну, бесшумный и ласковый снег-свет
Наискось перечеркнёт жёлтые фонари,
Так же беззлобно, как перечёркивают
Незыблемое и устоявшееся что-то...

Да и непонятно, к чему
Шумы один от другого стараемся мы отличить,
Ведь это не строки стихов и не музыкальные фразы –
Просто хаосы – разные!
А различить их – вроде подачки любопытству праздному –
Ведь важней сказать хоть кому-нибудь,
Что понятие различать
Есть частица понятия жить.

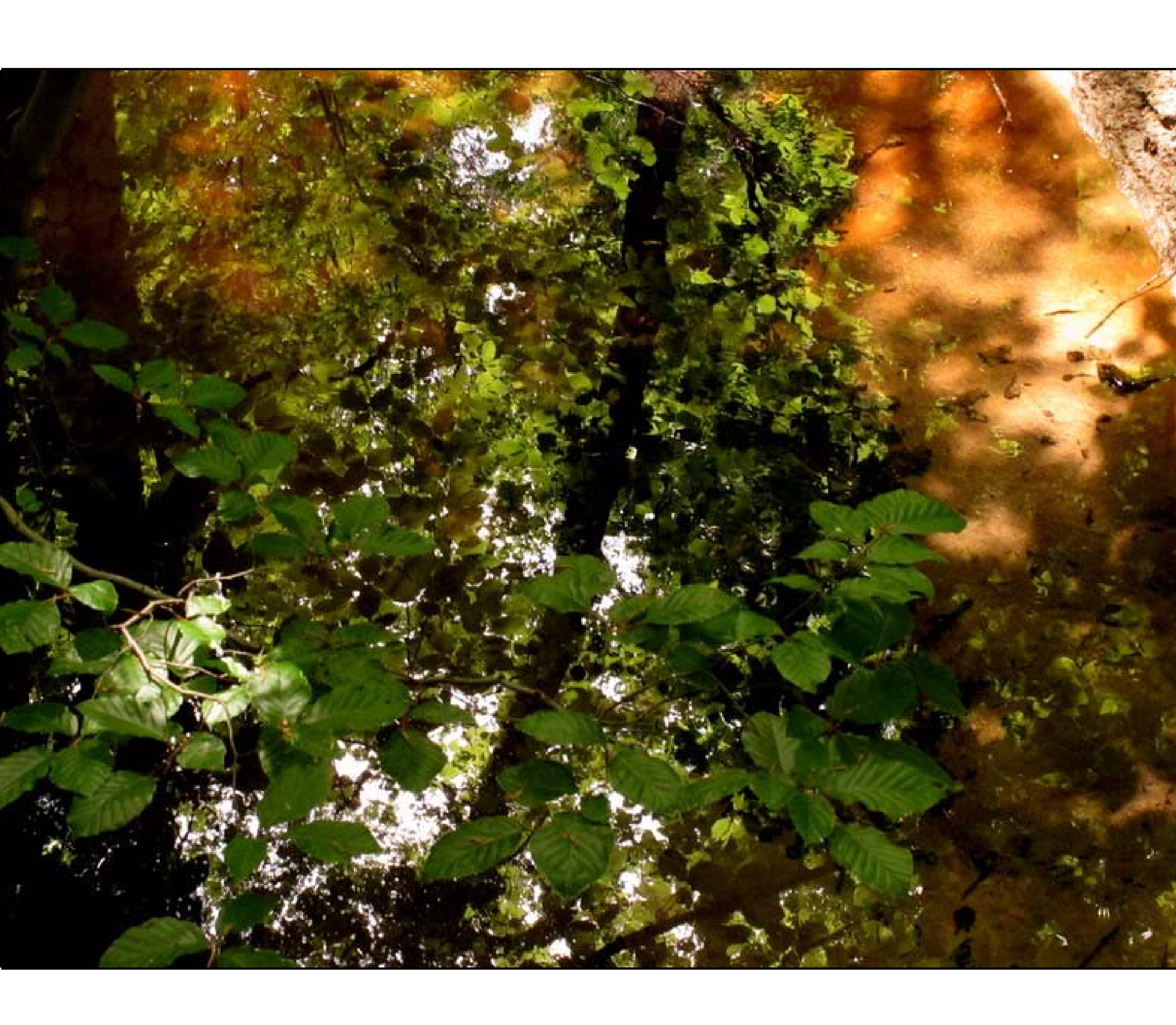
* * *

Осенний лес… Вот он опять осенний.
Листва постелена мягко и многослойно,
Шуршанье отдалённым эхом звучит, спокойным и чистым…

Только всего-то – свернуть с тропинки – и потерять направленье,
Как вдруг найдёшь совсем другое небо и другие листья!

А потом так же случайно выйдешь на свою дорожку,
С которой сдуло листву – была… и нету!
Да правда ли, что появился тот лес
и сгинул так внезапно, так незнакомо
В нескольких шагах от привычной тропинки?
И вдруг захлопнулось это зеркальное подобие света,
Но ведь ни ворот, ни дверей у леса!
Однако захлопнулось что-то –
Как дверь несуществовавшего дома!

Вот так же проходишь в каком-то музее за залом зал –
Вдруг захочешь вернуться в начало из середины…
Но распахнётся снова тяжёлая дверь – а за
Окажутся совсем другие картины:
Был Леонардо, а вдруг – Ренуар и Дега!
Где же то, что ты так недавно и несомненно видал?
Или ложная память на миг свою дверь приоткрыла?
Только затем, чтобы понял ты :
Что и лес тот, и живопись – куда-то к чертям на рога!
А это, сверкнувшее, вовсе не возвращеньем было!

НОЯБРЬСКИЙ ХАОС

Восстание осени против зимы:
Несчётное войско глициний!
Его полководец из облачной тьмы –
Просвет неожиданно синий.
Как меч отливает дамасским огнём
Просвет агрессивный и синий!
И что-то упрятано солнечно в нём
Над жёлтой ноябрьской пустыней…

Похожа ли осень сама на себя?
Но вдруг обнажается гравий…
…Вот так же и я, не узнавший себя
На старой слепой фотографии.
Тут все мне знакомы…
Но я, или нет?

..Мелькала зима за зимою,
Их тоже не счесть… И осенний рассвет
Шёл с листьями – с полной сумою…
Но войско глициний с нашествием дня
Толпой бело-синей скрывает меня.

Так всё-таки кто это? Я, или нет?
Похоже, что нет – не – похоже.
Костюмчик – ну да… Но осенний рассвет…
Не тот… не моя это рожа!
Невовремя в осень вломились цветы,
И вот не поймешь – ты там, или не ты?

Так в десятилетьях сплошной кутерьмы
За бешеной сменностью света и тьмы
Кружит карнавально мельканье:
Сражений и плясок, сумы и тюрьмы,
И тут уж не важно – мы, или не мы…
Цветы, фотографии, листья, умы…

Восстание осени против зимы
Не требует оправданья!

ФОТОРЕПОРТАЖ С МЕДОНСКОГО БАЗАРА

Холодный сырой предрождественский день, и
Фонтаны замедлены зимнею ленью.
Базар – средь графической черни древесных
Стволов...
И лавчонкам, и людям так тесно!

Зелёные крабы, бутылки, трава и...
Их сговор от серого неба спасает,
От скучного зимнего освещенья,
Прилавки, зелёной укрытые тенью.

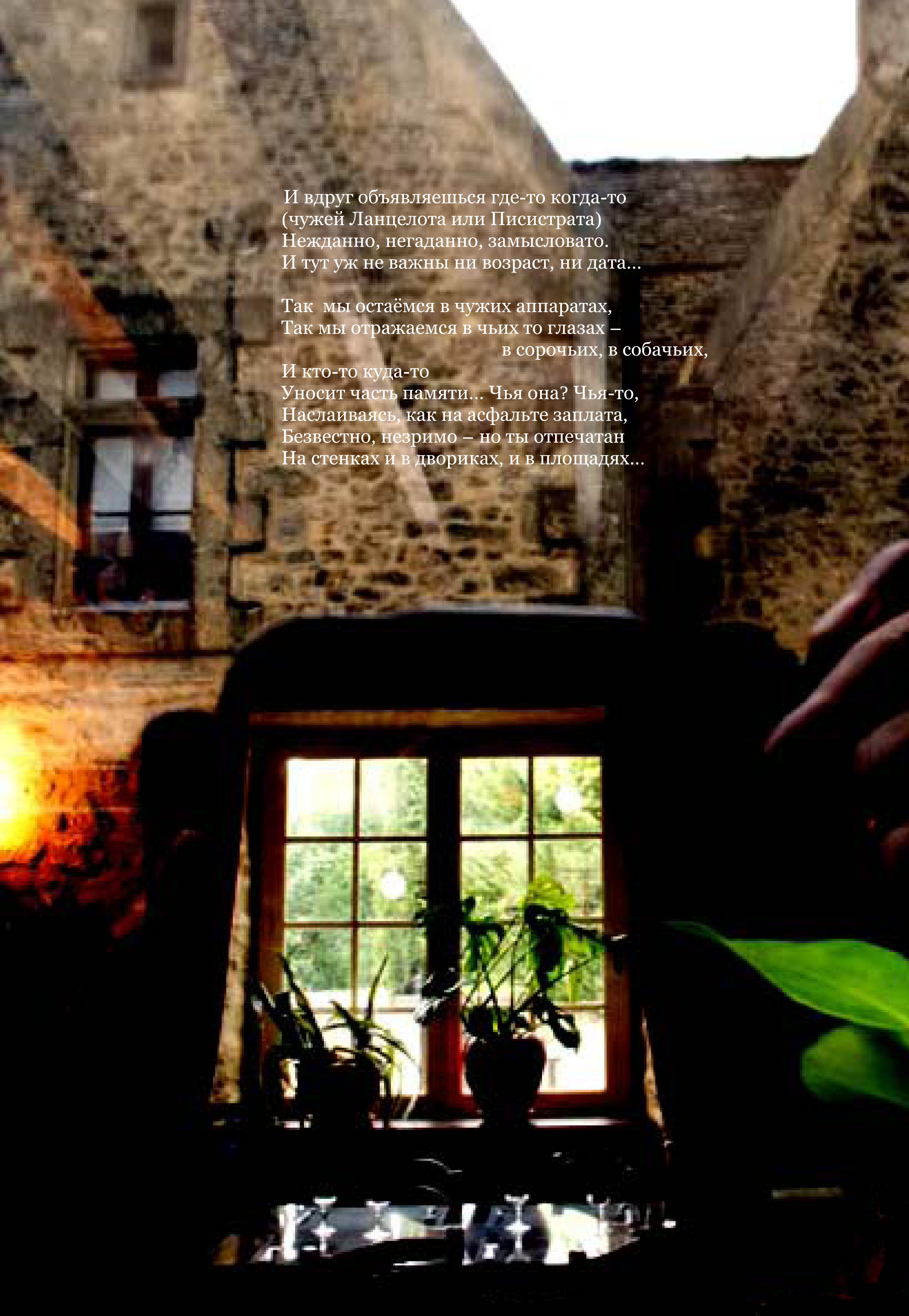
Базар! Он воистину раблезианский:
Деревья – все в каплях,
И в радужных красках
Разбросаны отблески яблочек райских
В три цвета, на ветках блестящих и гнутых.

Две важных, парадных сороки клюют их.
Дроздишка на деревце слёту садится,
За ним и ворона (огромная птица –
И кажется, ветке пора подломиться).
Сороки слетели. Ворона осталась.
А солнце сквозь капли вовсю разблисталось.
И бежевы стены...

И ты несомненно
Реален, не меньше, чем вся эта сцена,
Где рыбы блестят, как жестянки. А мята...
....

Ты сквозь объектив всё протащишь куда-то,
Базар за собой уведёшь ты, как будто
Флейтист...

А тебя кто-то в ту же минуту
Куда – сам не знаешь, но определённо
Тебя и базар, и дрозда, и ворону
Увёл точно так же куда-то... И это...
Умножит твои появления где-то:
Во встречном окне, под кистями рассвета,
Хоть в небе, или у кого-то на фото
По той по неважной причине, что кто-то
Снимал просто так, не прицелясь, куда-то,
И ты вдруг забрался, как некий «нон грата»,
С базара на матрицу аппарата,
Случайно став бликом чьего-то прихвата,

И вдруг объявляешься где-то когда-то
(чужей Ланцелота или Писистрата)
Нежданно, негаданно, замысловато.
И тут уж не важны ни возраст, ни дата...

Так мы остаёмся в чужих аппаратах,
Так мы отражаемся в чьих то глазах –
в сорочьих, в собачьих,
И кто-то куда-то
Уносит часть памяти... Чья она? Чья-то,
Наслаиваясь, как на асфальте заплата,
Безвестно, незримо – но ты отпечатан
На стенках и в двориках, и в площадях...

* * *

Когда б вы знали, из какого сора…
А. Ахматова

Собака приносит на лапах лесную грязь,
Кошка, мурча, нюхает мир,
недоступный ей,
Запах лужи с отраженьем и неба, и нас,
И палой листвы и каких-то зимних зверей…

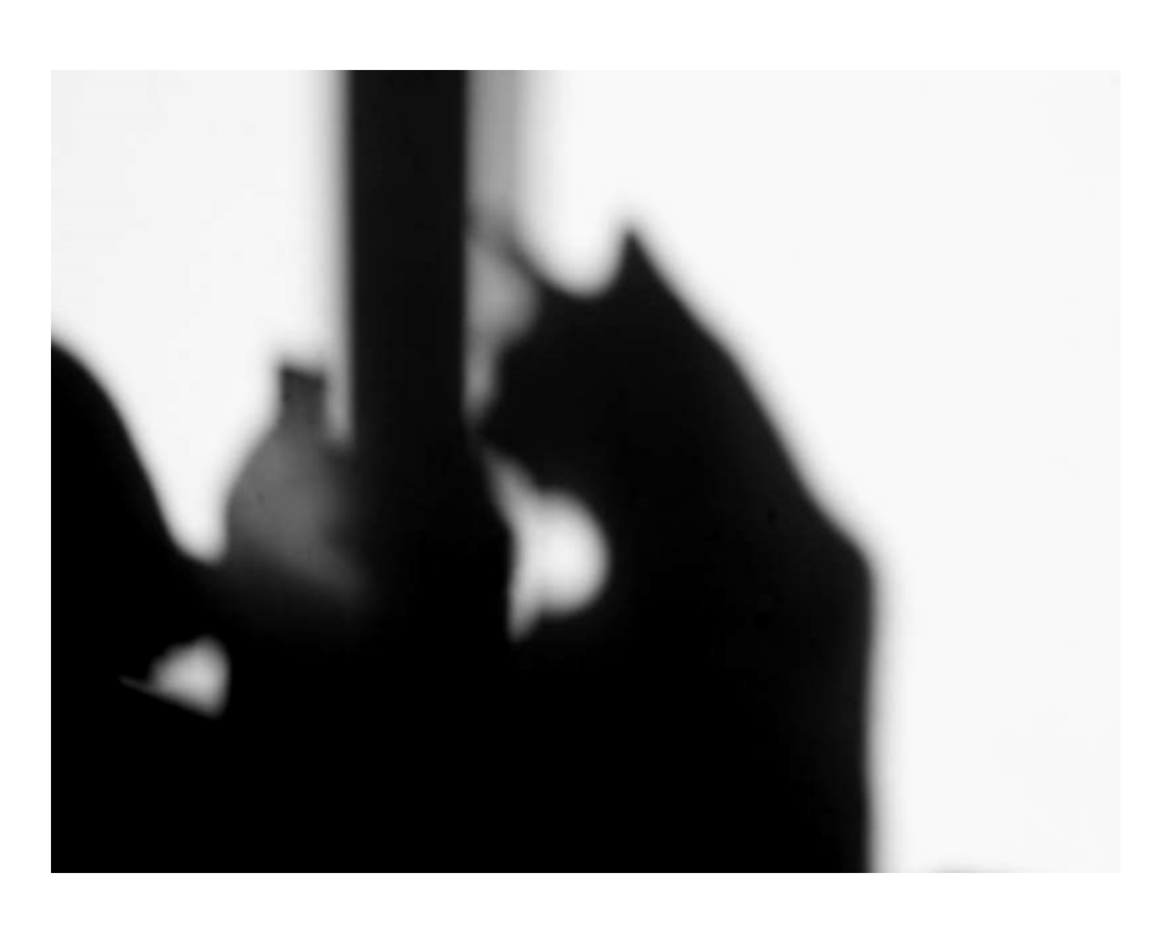
Кривое отражение дятла в луже
Кошка угадает через глинистый след.
Вон она как по комнате кружит,
У входа в тот мир, которого нет…

Собака гуляет с нами подолгу –
Через лес, поляны, по соседним городкам…

У нас ещё есть книги, картины, фотки,
А у кошки – только слух, да нюх, неведомые нам,
(В дополненье к несовершенным кошачьим глазам…)

Кошка занесёт на ёлку, играя,
Невнятный отражённый свет извне.
А в комнату из-за стёкол заглянут, мигая,
Глаза котов в заоконной стране –
Цветные лампочки в двойном окне.

Так вот зачем собака приносит на лапах
Оттуда, из уличной лесной страны,
Минуя прелых листьев запах,
Следы невидимой луны!

ПРЕДРАССВЕТНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ВОДЯНОГО

В движенье отползающей передрассветной мглы
Танцуют чуть качающиеся голые стволы…
Задумчивое уханье серьёзных серых сов
С каштанов разгоняет легкомысленных дроздов.

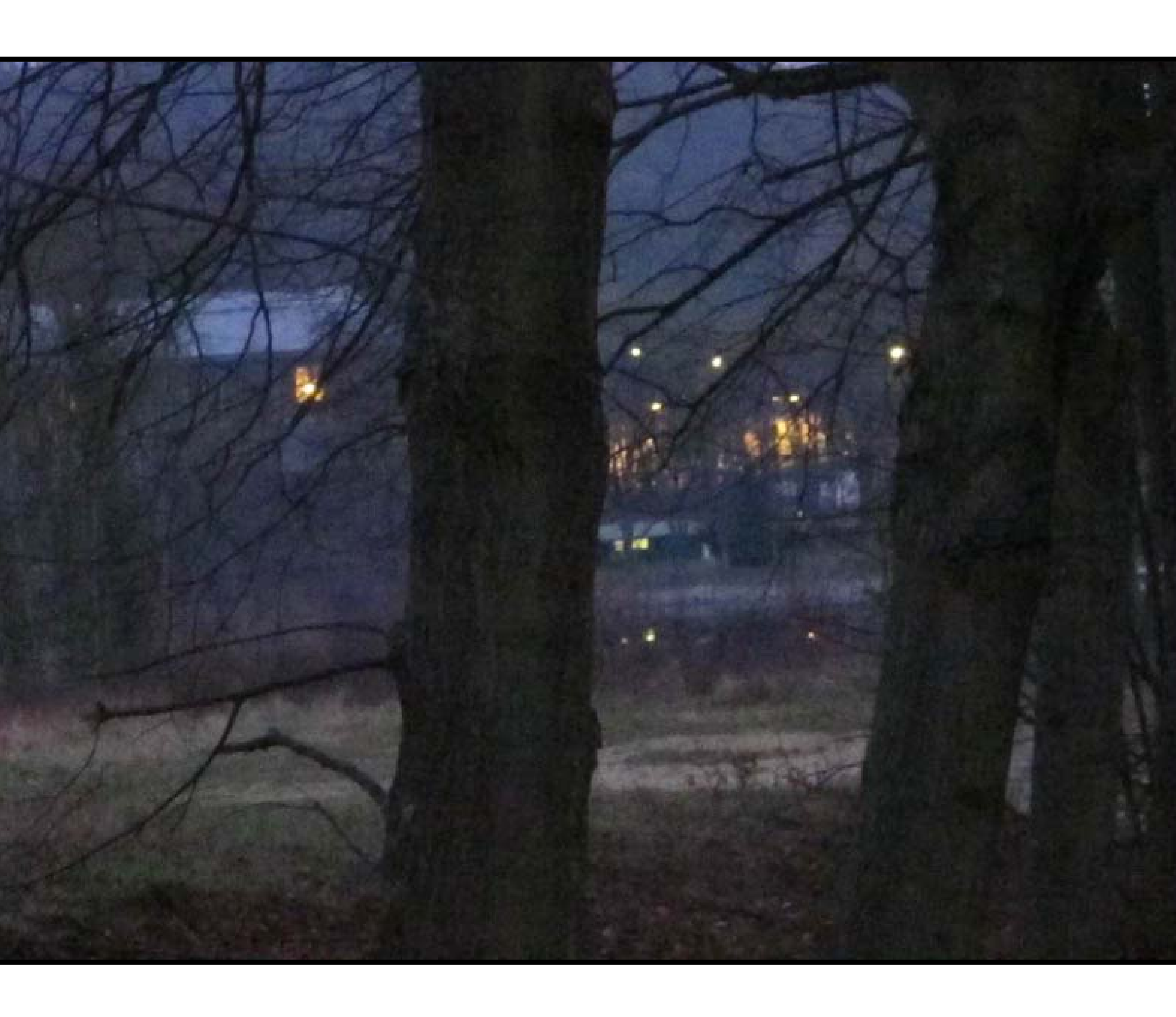
А совы говорят почти людскими голосами,
И лес подсвечен отраженьем окон. А из них –
Пообщаться с птицами или бурундуками –
Небритые и заспанные лица водяных.
С совами у них немало общих тем,
Да нету территории, доступной тем и тем…

На берегу коряги развалились подремать,
Что там за кустами – может, лань, а может, пень?…
Звери настоящие
    попрятались в тень,
Кто там промелькнул – и водяному не понять.

Вверх – большой шуршащий и, похоже, безголосый,
По уклону медленный кентавр на двух колёсах.
У него колёса вместо четырёх копыт –
Как понять, какому миру он принадлежит?
Скрип ли шестерёнок, или цоканье и стук.
Перед ним светящийся ползущий круг…

А стволы танцуют – не перестают,
Совы меж собой о чём-то важном ух – ха – ют,
Но секретов зверьих водяным не выдают…

Ну, о чём там совы, и деревья, и вода?
Мне и водяного не понять-то никогда.
Разве нам узнать, о чём он
    булькает со дна?
День. Умолкли совы. Гладкий пруд. И ни окна.

СЛЕДЫ

Бесследного нет на свете, да и не может быть вовсе:
Следы остаются повсюду хоть от копыт, хоть от книг…
На январских дубах рыжеют
следы исчезнувшей осени,
А на запястьях – от пальцев, браслетов, наручников и вериг.

Но как мы ненаблюдательны, и копаясь в себе самих,
Следить за следами ленимся: некогда, мол, возиться –
А всё мировые проблемы – без конца мы решаем их.
За следами следим не мы, а мудрые звери и птицы:

Сорока сумеет где хочет любые следы прочесть,
А чайка, хоть и неграмотна, – базарный день она знает…
Пестрота овощных прилавков на праздник птиц собирает –
Мимо окон слетаются чайки –
на подоконник что ли присесть?

Охотится кошка на них, белых, весёлых, наглых,
Охотится – лапкой в стекло – в незавешенное окно
А птицы уже суетятся над кучами помидоров и яблок,
Ну, а над рыбным рядом их, крикливых, полным полно…

Но ни единой чайки – на обувном и посудном рынке –
Ведь тут не найдёшь ни чешуйки, ни обрезков, ни потрохов…
Лежат ещё не оставившие никакого следа ботинки,
А меж чашек и пряжек гуляют сороки…
След этой дурацкой картинки
Тоже останется где-то…
Ну, хоть в виде вот этих стихов…

* * *

Ну, окно в городской квартире –
Не более, чем окно:
В этом жёстком, квадратном мире,–
В этом жалком экранном мире
Уместится только кино –
Зрелище, суетящееся, дробящееся, неживое
(Напрасно в родичах у него – витражи!),
В мирке телевизорного, машинного воя
Его обесценивают неограниченные тиражи.

А за окнами бегает осень живая:
И капюшоны острые надевая,
Торопятся гномы – за гномом гном.
(До чего ж траектория пляски кривая,
И один – в чём-то жёлтом, другой в цветном...)
Не балуй! Не притворяйся листом!

Эту пьесу ночного осеннего леса,
Где путь жёлтых и пёстрых гномов пролёг,
Ни богам, ни чертям не подвластную пьесу
Никакой экран вместить бы не смог:
Хоть стекло слегка и похоже на воду,
Но не лужа,
Где свет под ветром дрожит,
Где всплывают нерукотворные витражи –
Где и дождик – живой, и любая колода,
Где озёрам подмигивает погода,
А художник велик
Тем, что вовсе безлик.
И оттого – вездесущ, как природа...

ПЕТУШИНАЯ СОНАТА

Год не слыхал я петухов
(Париж таков и век таков –
Мир полон самых разных спектров,
Плевать, кто contra и кто pro!)
...Вдруг в полдень – в чьём-то там дворе –
Невидимое «Кукаре...»
И в двух минутах от метро,
От гулких пробочных проспектов –
В сто раз он более петух,
Чем те, в курятниках, на месте,
Где наш простой, привычный слух
И не отметил бы, что есть он!

А тут представилось, как вдруг
Он сотрясёт Париж: а впро-
чем в двух минутах от метро,
Где шинный шум мозги крошит,
Где медленно ряды машин
Прут, как фаланги Александра...
И полдень всё же, не рассвет,
И видится любой предмет,
Которому тут места нет –
Как в жёлтых листьях первоцвет,
Как среди ёлок олеандры!

Тот крик напомнит нам одно...
А что конкретно – всё равно.
Но только каждого своё
К тропинкам выведет различным,
И всех других житьё-бытьё
Нам вдруг предстанет непривычным...

Дурацкий петушиный крик –
«Кукареку!» – в толпе предместий –
Значителен... да нет – велик
Лишь тем одним, что неуместен,
Что в двух минутах пеших он
От грохота метро!
Такой старинный пошехон
Из давней деревенской дали.

...Вот-вот забрякает ведро,
Аккомпанируя ему,
А дальше ждёшь услышать «МУУУ!»

Но этого уж нам не дали...

КУКУШКА

Мокрые подснежники в тумане
И первоапрельское враньё.
Год уже устал от опозданий,
А кукушка шалая заранее
Что-то про июнь твердит своё,
Звук из зимних вызволив молчаний
Так, что целый лес из-за неё
Сразу быть пустым перестаёт.

Посвист мелких пташек в ветре тает –
Ей же дела нет до мелюзги,
Пусть их по кустам весна мотает,
А она своё «ку-ку» катает,
Тщательно и с важностью считает
Да не годы наши, а шаги,
Белок перечесть не упускает
И скворцов, прибывших в каждой стае,
И в воде утиные круги…

Быть служанкой Времени ей лестно,
Ведь её не просто для красы
Часовщик какой-то неизвестный
Поместил в старинные часы.
Там она надёжно и бессонно,
Прослужила чуть не пять веков…

Только вот мобильным телефонам
Я бы выдал крики петухов!

III

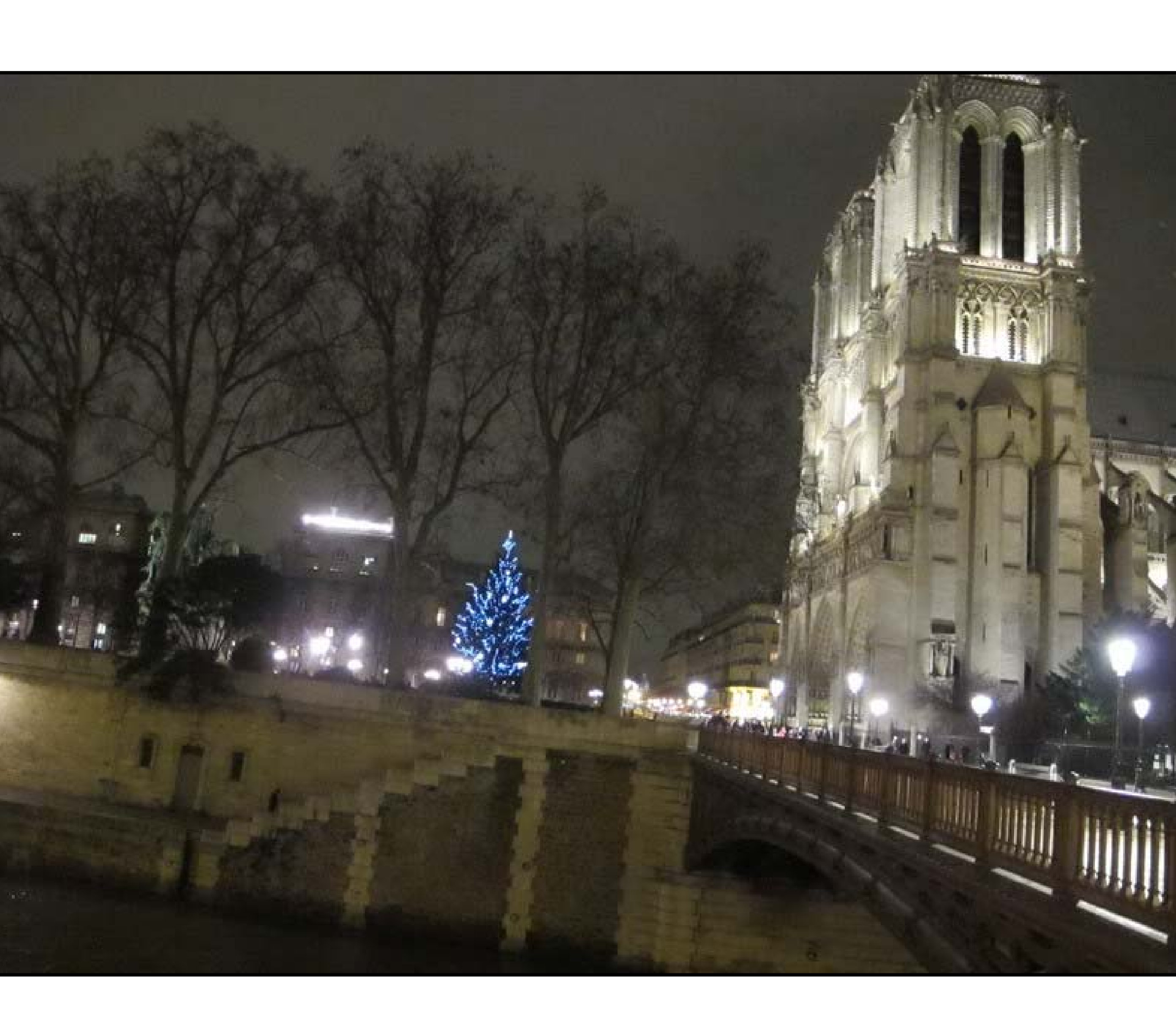
ВОКРУГ РОЖДЕСТВА

НОЧНОЙ СОНЕТ СУМАСШЕДШЕЙ ЗИМЫ

...А в ледяном ночном сверканье над мостом
Нотр-Дам белей, чем айсберг, да и Сена дыбом–
Снежинки фонарей вдруг, подражая глыбам
Льда, растворяются в безмолвии пустом.
Кидая вспышку каждым острым огоньком,
Кривые зеркала домов дрожат и тают,
Свив готику в узлы на чём-то там кривом,
Барокко из неё внезапно выплетают...

Безоблачная ночь торжественно пуста,
И опрокидываясь с каждого моста,
Фонарный силуэт подобия растений

Роняет в реку, и – вновь темнота в чести...
К тому ж, в отличие от времени, – учти!
Пространство вовсе не отбрасывает тени.

***

На тропинках не лыжных
меж дубов неподвижных
на луну набегают,
рвутся облачные клочь…
То ли свечи ослабли?
То ли жёлтые капли
Вверх стремятся упасть
В предрождественскую ночь?
Чуть нагретая хвоя
Нам твердит без перебоя
Что-то очень ночное,
Недоступное уму.
Я совсем не уверен –
Что ли, кто ли у двери?
И с какою он вестью,
От кого и к кому…?

В Рождество веселее
и в дождливой аллее.
Тучки бегают, бегают,
словно мыши и судьба…
Отвори, отвори же,
Говори, говори же –
может зиму пронижет
солнца медная труба?

***

Пёстрые картонные заснеженные домики…
Ну что же общего между теми
Домиками и вертепом?
Что связывает снег с Рождеством?
Ведь там в пустыне, в библейском Вифлееме
Хоть прохладной ночью, хоть раскалённым днём
Едва ли даже слыхали о нём…

И ёлочные игрушки, и Дед Мороз,
И вся наша зимняя иллюминация и тьма
Неуместны в Галилее, как цветник восточных роз
В строчках скальда-викинга, спятившего с ума!
Ну, и парчовые халаты волхвов-царей,
Тоже не к лицу северной зиме,
И, сколько, к сожаленью, ни ставь фонарей,
История спрячется в фольклорной тьме!

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Рождество в Шартрском соборе

Ты привык, забравшись внутрь шкатулки,
Свет витражный видеть среди мглы,
Где слова уже давно не гулки,
И темны колонные стволы.
Под сплетеньем каменных подкрылий
Столько поколений тут прошло...
Закоптили, вусмерть замолили
Всех витражей звонкое стекло!
И в колоннах, и со сводом вровень
По нервюрам затаилась мгла...
Но не только шёпот суесловий,
Даже копоть к небу не дошла!

Так прошли века, года умчались
В темноту готических сплетений...
Только вдруг столетья раскачались
И в Реке Времён отрылись броды:
Засверкали стрельчатые своды
В закоулки загоняя тени!

Гул органный вместо бормотанья
Прямо в небо музыку несёт!
Лазерное синее сверканье –
Метр за метром очищает свод!

Он тысячелетьем нам обещан
Этот благородный белый камень,
От старинной копоти очищен,
От молитв и прочих бормотаний...
Нам теперь перекликаться с теми,
Кто увидел новыми и белыми
Канелюры стрельчатых сплетений,
А витражи – яркими и целыми.
Так смотри глазами тех, кто строил
До тебя тут лет за девятьсот:
Белое, прозрачное, сквозное
Поднимает праздничность под свод.

С тягою земною в вечном споре
Аркбутаны гнутся кружевно...

И вертеп рождественский в соборе
Тот же самый, что давным-давно:
В нём под сенью камышовой крыши –
Люлька, празднично накрытый стол...
Вол смеётся, в четверть уха слыша,
Как болтает с лошадью осёл.
За дощатой дверью ветер веет
И сгоняет снег со щёк земли...
Если звери говорить умеют –
Значит, их из сказок привели!
Гул органный вместо бормотанья
Речи их до неба донесёт...

Праздничное синее сверканье –
Шаг за шагом очищает свод.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ЧУДЕСА

Стишки к фоткам Санта Глории

Разлетались ангелы по Риму
И трубят в беззвучные тромбоны,
Крылья шелестят неуловимо,
В ветви пиний прячутся вороны.

И одетый чопорно и строго
(Петербургский всё ж таки профессор!)
Вместо кузнеца Данилы – Гоголь
Сел на дрессированного беса!

И поводья взяв двумя руками,
Под дождём, лупящим по плащу,
Он пришпорил чёрта каблуками:
«Живо – в Рим! Не то перекрещу!»

Он запарковался под платаном,
Привязал свой адский транспорт крепко,
И себя похлопав по карманам,
Сел за столиком в кафешке «Греко».

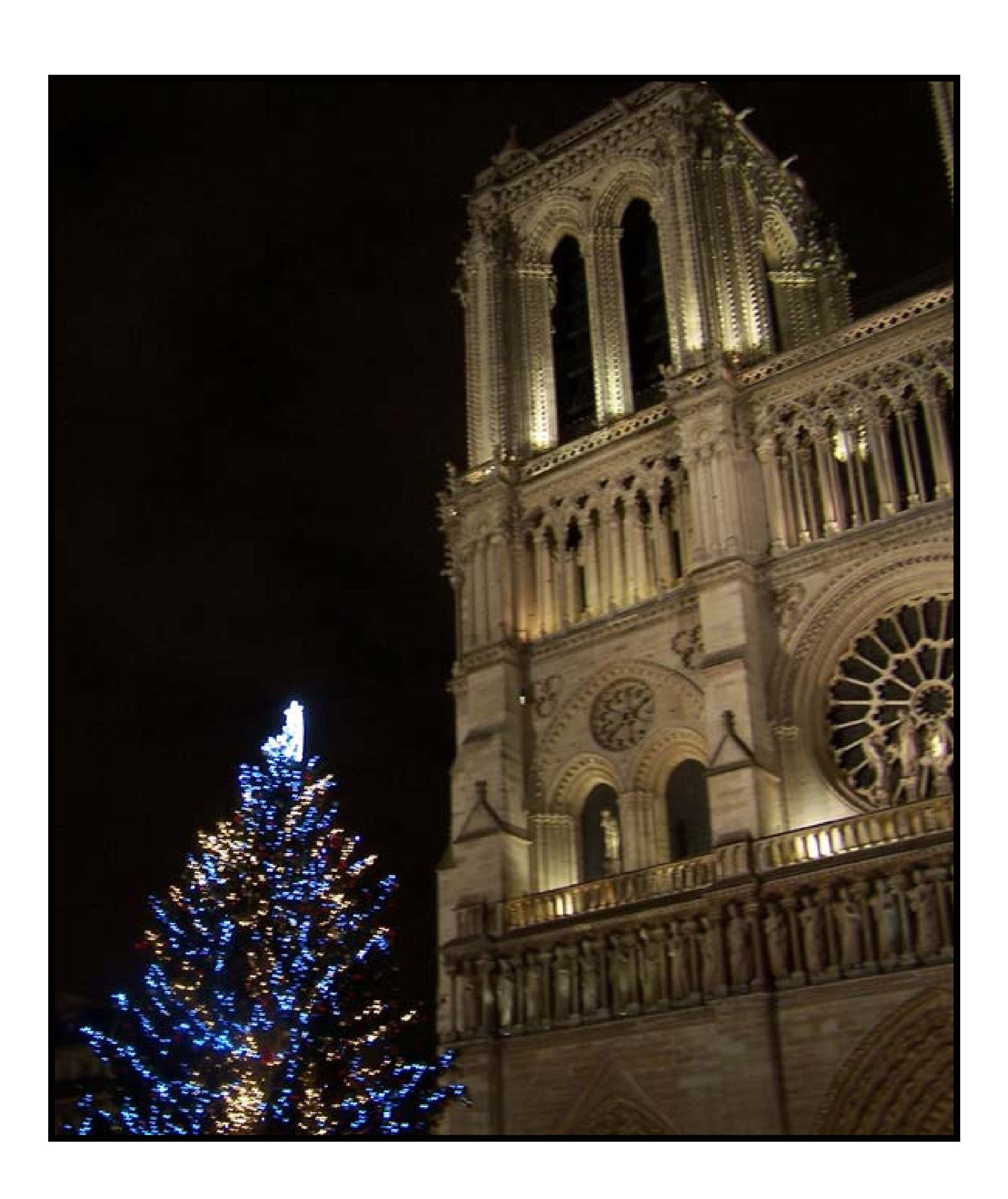
Пётр-апостол буркнул: «Не положе...»,
Помянув и ту, и эту мать,
Но сегодня даже он не может
Чёрта с римской улицы прогнать!

Ангелам велит трубить тревогу,
Только им в подпитье дела нет,
Что вот в Риме лакомится Гоголь
Кучею пирожных и конфет...

Крылья шелестят неуловимо....
Над асфальтом и над чёртом сонным,
И танцуют ангелы над Римом,
И трубят в беззвучные тромбоны.

ХИМЕРЫ

Играют синие огни на лапах ёлок,
Большая площадь кое-как освещена,
Да в жёлтом блеске фонарей, на ветках голых
Случайных листьев уцелела желтизна –

Ещё колышатся над ёлочным, над синим,
Пока их слабый ветер с веток не сорвёт…
Луна приткнулась между башнями и шпилем…
Ну что, Нотр-Дам, покажешь мне под Новый год?

Невыразительны апостольские лица:
Затенены – не разглядеть, и лишь одно –
Лицо неверного Фомы едва искрится:
Живой луной оно слегка освещено.

Ну да. Одиннадцать нисходят к нам по шпилю,
А он, Фома, он – архитектора портрет[1],
Лицом к луне штурмует шпиль, чтоб не забыли,
Кто восстанавливал собор десятки лет!

Вьоле Лё Дюк идёт по шпилю вверх, а ниже
Река, кафешки и толпа цветных огней…

На левой башне, над предпраздничным Парижем
Среди химер есть лица двух моих друзей…

Я им дарил тех двух химер когда-то в шутку –
Настольный гипсовый уменьшенный портрет!

…Декабрьский ветер в башнях вечную погудку
Всё повторяет, всё твердит: «их нет, их нет…»

А посреди химер, гаргуй и прочих статуй
(Кто, кстати, выдумал вот так пугать детей?)
Мудрец масонский, говорят, алхимик спрятан[2],
Химичит что-то химеричный книгочей…

А впрочем, ладно уж, пускай себе химичит,
Не знаю кем, да и зачем тут влеплен он,
Что и кому, и для чего он всё талдычит, –
Но и ему не разгадать секрет времён…

IV

ВЕСЕННЯЯ ЗИМА

* * *

Парижская зима – только эхо северных.
Так на фотке легко, ведь невнятен масштаб,
Принять за овраг сантиметровую расселину,
Или за кокосовый орех – каштан.

Слоисто заиндевелые окна трамвая
Заставят мирок скамеек целым светом казаться,
Так что тем, кто настоящей зимы не знает,
На трамваях сегодня лучше уж не кататься.
Это эхо севера – в нём памяти нет,
Никуда из зимы не вывезет трамвай,
Остановка? Ну, выйди на белый свет,
Да какой он там белый! Цветёт айва!

Времена перемешаны – край через край.
А в трамвае ли, в метро – ни лета, ни зимы,
Тут хоть всю дорогу Вивальди играй –
Не понять, в когда заехали мы...

Из трамвая выйдешь – и хоть кой-где цветы,
А в вагоне – только срезанные, без корней,
Вот такие букеты возим и я, и ты...
А меж входом и выходом – ни минут, ни дней...

И в строчках, написанных в городском
Транспорте – ни температур, ни дат:
Точка входа, точка выхода (хоть ночью, хоть днём),
И движенья не видно, только – результат,

Начало – конец. Обокраденное зренье.
В промежутке – бывают слова, но не трава.
Да, эхо зимы, да, слабое отраженье,
Но и от него гудит голова...

А всё-таки выйдешь – и цветёт айва!

***

Расцвели невовремя цветы...

И мороз, как мастер дел стеклянных,
Виртуоз, что с острова Мурано,
Краски сохранив до темноты,
Их шлифует шкуркою тумана.
И остекленённые цветы
Звонкостью canzone veneziana,
Словно колокольцем каравана,
Встретят приближенье темноты...

Сумрак тихий пальцами ветвей
Двигает медлительно куда-то
Рычажок ночного реостата –
Как в театре – каждый миг темней!
Сумрачный цвет неба – неглубокий,
Будто бы компьютерный экран.
А деревьев странная игра
Так ритмична, будто чьи-то руки,
Горизонт клавиатуры тронув,
Напечатают на небе сонном
Некие невидимые строки.

Как понять, что скрыто в тех словах,
Где он, взгляд пророка Даниила?..

Но как только свет рука включила,
Все загадки скрылись в зеркалах.
Вот экран стал зеркалом чуть сонным...
Что ж исчезло в мире заоконном?
Смазались цвета, и звон затих?
Вот и звёзды – гроздья жёлтых мидий...
Всё осталось! Только мы не видим
Ничего, кроме себя самих...

А раз так – на том и кончен стих.

V

WHAT IS TIME?

* * *

Века нанизаны на время
Как мясо с луком на шашлык -
Всплывут несообразно теме
Случайный отблеск, лишний блик –
И город вновь неузнаваем…
Вот – был гараж, а стал костёл…

Париж бахвалится трамваем,
Как будто снова изобрёл,

А в море торопясь с уклона,
И лепку Гауди теребя,
Ломясь за стены, Барселона,
Озлилась, вышла из себя.

А Питер? Он построен плетью.
Таких других на свете нет,
Слепили за одно столетье
И выставили как макет,
Чтоб каждый день – другого цвета,
И каждый час иных тонов,
А людям кажется, что это –
Калейдоскоп забытых снов…

Зато уж в мозаичном Риме
Где времена сквозь времена
Чужие склеены с чужими
Везде – от шпиля и до дна,
Так геометрия сломалась
Что угол в круге растворим!
Трёх тысяч лет игра и шалость –
Рим, прорастающий сквозь Рим.

ТЕНЬ ВРЕМЕНИ

1.

Рывком отражённый от леса ветер –
Это Время рванулось назад:
Или Время само – только ветер,
Плохо доступный глазам,
Или ветер – просто зримое время
(Струйкой с мельничного колеса?),
Мгновенное – вечно, вечность – мгновенье:
Что им хоть год, хоть полчаса!

Тень от чайки в комнате: ей охота – в тепле!
Вот и клюёт она у меня на столе крошки
Капли вялые чуть дрожат на стекле,
А чайка – с той стороны, на окошке...
Там за стеклом ветер и чайка,
Чайка и время в мокром звучанье
Рыжих сосновых узлов у прибоя...
Ветер ли, Время там воет нездешней трубою?

Остановлены в объективе аппарата,
Криво вывернуты недвижные облака...
А оно бежит откуда-то и куда-то –
Со своей скоростью каждая река.
И вовсе не из любопытства праздного –
Надо скорости эти сравнить...
Ведь может, к той чайке она и привязана,
Ветров и времён незримая нить?

2.

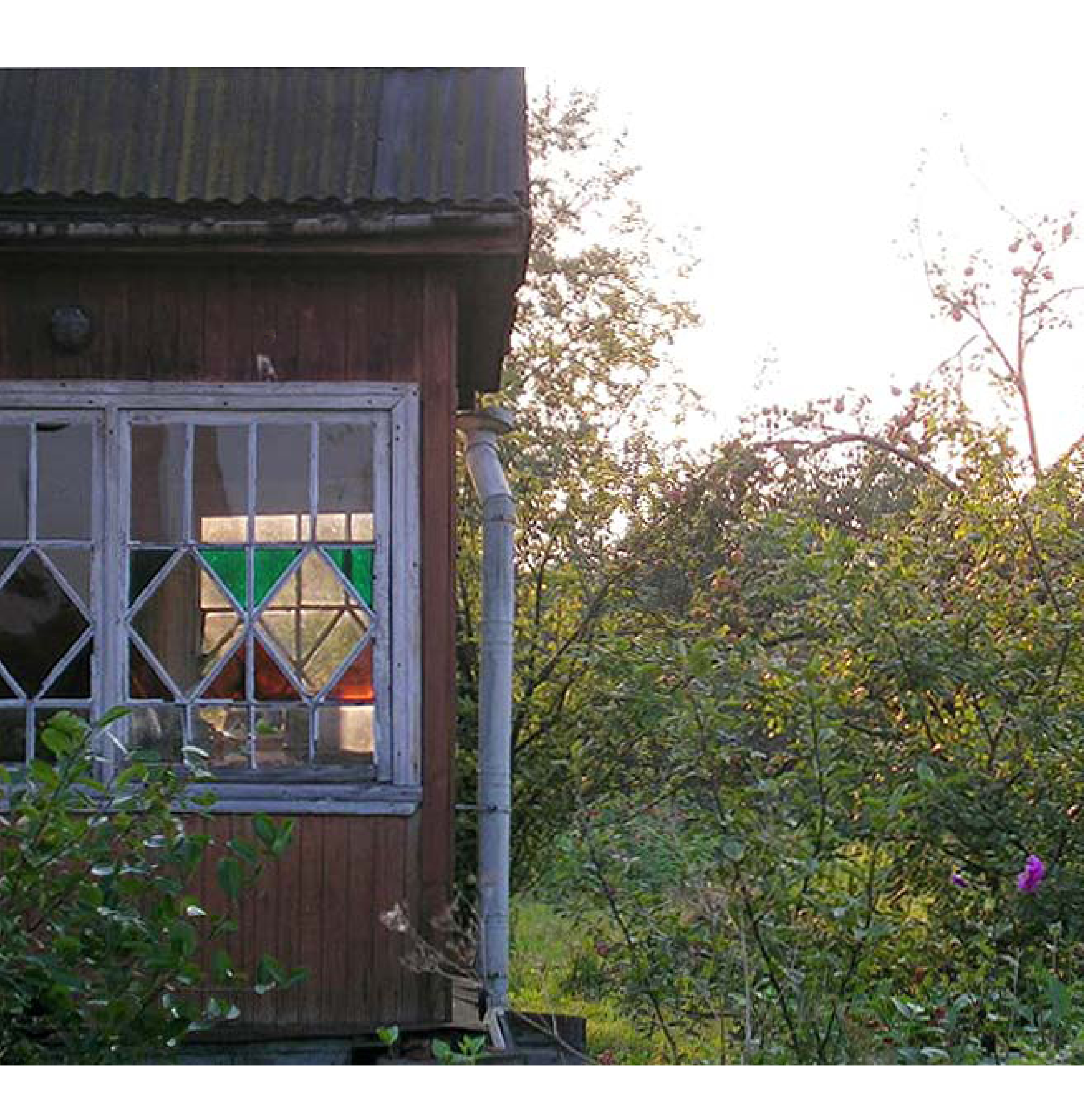
Заметь, – от Шекспира и до Конан-Дойля –
Всего-то три полки по вертикали,
А если б по полкам двигался вдоль я –
За триста лет добежал бы едва ли…

Так если всё в мире – одновременно –
Художников разных – узнать по мазкам,
И от Шнитке – улицу перейти до Шопена
(Главное – адрес, чтоб зря не искать).

…А если «времени больше не будет»,
Как обещал святой Иоанн,
История отменится, встретятся люди
Разных веков и разных стран…

Ну, а если даже соврал апостол
(Ведь нет для поэта запрета!),
Попробуем хоть издали скорость ветра
Определить по выгнутости вон того паруса,
Или, по ле́су, скрипящему яростно
В маятниковом качанье сучьев этих
Над берегом, где прибоя, сосен, камней голоса
Сливаются в мокрое звучанье Времени –
В отражённый от леса ветер,
Который обретает зримые очертанья,
Только опрокидываясь в паруса!

СТИХИ О ПРОЗЕ

«Ум ищет божества, а сердце не находит»
(*Пушкин*)

А была ли она – благодать?
Та, простая, которую только
Можно бунинским часом назвать?
Без сомнений, без смысла, без толка
Устоялась уездная мгла.
Как щедра ты, небесная милость –
На перине купчиха томилась,
Не иначе – студента ждала.

То ли «Нивы» измятый листок,
То ли скука апухтинской блажи,
Всё впечатано в память, и даже
Из-за леса дымок да свисток...
Эту глушь станционных платформ
Бунин как-то сумел – без описки:
Ямщики, паровоз, гимназистки,
Лошадиный рассыпанный корм...

И закат перед криком совы.
Эти сумерки, сад... и вопросы.
И медовы тяжелые косы
Что обёрнуты вкруг головы.
Эти пухлые, душные руки
Под сосной разливавшие чай...
Грань веков, ты прекрасна – прощай
Только память – зубастее щуки.

И на год взгромождается год...
Не по щучьему, что ли, веленью,
Всё давно похоронено под
Лепестками вишнёвых деревьев.
Расплылись, растворились в дали
Монастырские синие главы,
И поля не сберечь от потравы,
Да и книги в усадьбах пожгли?

Видно впору твердить наизусть
Разбегающиеся приметы:

Это ровная жёлтая грусть,
Это гроздья черёмухи, это –

Одичалая, злая сирень,
И в рассветах тяжёлая мята
И забытая где-то, когда-то
Вековая кленовая лень.

Хоть бы набережную в Крыму
Отличить от церковной ограды.
Прав Толстой: ни к чему никому
Колокольни, молитвы, обряды...
Что молиться? Уж лучше письмо
(не забыть только марку наклеить!)
И дойдёт оно к Богу само
Покаяньем о тёмных аллеях...

* * *

Привычно, даже уютно,
что лето переоденется в зиму,
И зима – переоденется, или уступит лету.
А самые грандиозные происшествия быстро становятся
Позавчерашними известиями.
Вот Римский Форум на гравюре – был и есть,
Тут тебе и колонны, и неровный кусок стены,
А вот автобус какой-нибудь – мимо – и нету!...

Изображения остаются,
Альбомы становятся все пузатей,
Картины с каждым их возвращеньем
Глядятся ещё живей...
Тут и осознаёшь: жизнь твоя – одно измеренье,
И совсем другое – недолгая жизнь собаки,
И уж вовсе другая мера для мышки,
Деловито шастающей по дому,
Ну а для деревьев время ползёт совсем по-иному...
Так правда ли, что человек – мера всех вещей?

Возраст собаки –
По сравненью с возрастом мыши – вечность
Но мышь об этом и знать не может...
Ну и возраст дерева
по сравнению с возрастом собаки – вечность
Но ведь собака об этом не знает тоже...
Иногда я завидую псу,
Спущенному с поводка в лесу,
Когда без особенного азарта
Собака занята чем-то, чему-то рада,
Но главное – не думает, что вот завтра
Ей будет что-нибудь очень надо...

Банально?
Не более, чем это стихотворенье.
А подумать – ничего, кроме банальности на свете нет...
И выбирать новизну,
Или обновлённое, но всё-таки повторенье,
Требует само чередование зим и лет.

НЕЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ОЧЕВИДНОСТИ

Летом лето нам кажется вечным –
и зима научилась казаться...
Бесконечной в конечных пространствах –
дневном и ночном.
Эта сцена не удивляет
несменяемостью декораций...
Ведь не шашки стучат, или там, домино –
А простой – метроном!

Люди поздно взрослеют,
Бывает, что только под сорок...
Даже те, кто играючи распоряжался судьбой –
Потому ведь у нас и сегодня
ещё продолжается ссора...
Не с каким-нибудь воображаемым кем-то –
А просто с собой...

Всё равно, как ни ссорься, – сменяются шапки и лица:
Неизменность и скука – синонимы – разницы нет!
Тут пример очень средненьких Средних Веков
в самый раз пригодится:
Неподвижность царила, пожалуй, с полтысячи лет!

Так в серьёзностях веры Европа аж смех потеряла!
К счастью Средних (и наших!) веков
Его Данте под лавкой нашёл,
Отряхнул от молчальников (или от пыли сначала?)
И отправил в «Инферно» – точнее на письменный стол!
А потом и Рабле подоспел...

....

Летом лето нам кажется вечным...
И зима не умеет кончаться...
Даже в марте боимся, что вдруг не оттает окно,
А ведь хочется что-то стряхнуть
и меняться, меняться...
Но мешает всему – метроном –
Всё равно он стучит: «всё равно, всё равно...»,

А и вправду ему всё равно...

* * *

1.

…И нет грибов, и какая-то птица
кричит, что больше их нет на свете,
кричит, что зима ведь не только снится,
и это подтверждает порывистый ветер,
взвывая собакой о вымершем лете.

Несолнечный день. И стволы черны
над влажными волнами желтизны.

Но лес прозрачен: натиском света,
сочащегося отовсюду и ниоткуда,
он перекрывает живопись лета,
в желтую обёртку землю пакуя.

И мёда нет. И – пустые соты…

Спрямите земную ось, идиоты!

2.

Медная мелочь акаций
Бренчит по чугунным оградам,
Кленовые ассигнации
Переполняют пруды:
Осень устала таскаться
По раутам и парадам,
И начала избавляться
От зеркального вида воды.

Жёлтый паркет – как ловко
Он притворяется твёрдым!
Чтобы не догадались,
Сколько под ним воды.
(Есть у вранья сноровка!)
Осень, да где твоя гордость?
Ну, до чего ж по дешёвке
Октябрь продаёт сады!

Ну до чего ж по дешёвке
Орест продаёт Пилада!
Ему давно уж не снятся
Сверкающие пруды!
Медная мелочь акации
Бренчит по чугунным оградам,
Медная мелочь акации –
Цена ледяной беды…

ТРОЙНАЯ ОДА К ВРЕМЕНИ

1.

Французского стиха старинный шестистопник
Зачем-то вдруг меня запряг в своё ландо
И гонит, не поняв, что старый русский гопник
Мог спутать фа-диез с тяжёлым нижним до.

По-разному звучат все эха, память, стены...
На странные куски весь город раскрошив:
Вот чашка и бокал, вот руль – но всё мгновенно –
За стёклами кафе, за окнами машин.

То выторчит кабак, то пробегут витражи,
То бронзовый большой зелёный зад коня,
А кто мимо кого плывёт – неважно даже, –
Я торможу, или
бульвар, в виду меня?

Вон бронзовый Бальзак с внимательной усмешкой
Следит за сотнями прилавков и витрин.
Ну что ж, месьё Бальзак, ты продолжай, не мешкай,
Их множество вокруг, а ты ведь тут – один!

Машинам миновать насмешливого взгляда
Не разрешит Бальзак! Король бульвара – он,
И это неспроста: ему ведь было надо
Договориться с не-надёжностью времён!

Чем медленней идёшь, тем торопливей время,
Вот ты спешил, бежал, чтобы ползло оно...
А чуть замешкайся – оно танцует с теми,
Кому шестнадцать лет: ему ведь всё равно!

Оно прикинется то веком, то моментом,
То стянется в клубок – само себе назло...
Ну а пока – стучит по всем бордовым тентам
Назойливым дождём, чуть замутив стекло,

Мы смотрим из машин – оно остановилось,
Топочет в тротуар, или бурчит «Спеши»,
Стоишь на улице – оно (скажи на милость!)
Уже за стёклами мелькающих машин!

Кто за рулём один – тот в самом деле едет
Вдвоём: ведь позади незримый пассажир,

Он долговечнее гранита или меди.
Ты видел взгляд его?
Ну что ж – перескажи!

Поток машин плывёт, ритмично обтекая
Недвижные дома, ограду Тюильри…
Что ж, всё текучее – судьба его такая –
Прочнее каменного, что ни говори!

2.

Рим. Тибр всё течёт, и ролью ротозея
Вполне доволен! Как ни злись, как ни гони –
Смеётся дявольски, что арки Колизея
У реставраторов выпрашивают дни…

Вот так и питерские злые наводненья:
(Предчувствует вода асфальтовое дно!)
В трамвайных окнах – тоже вечное движенье,
А что там движется, воде ведь всё равно!

За окнами темно, и тут уж не до гонки…
А что разрушено – в стекле отражено.
Бегут по встречным рельсам силуэты конок,
И призраки дворцов, и всё, что снесено…

3.

Бывает анонимное существованье…
Чего? В том-то и суть, что это ничего –
Для нас обычно принимает очертанья
Деревьев ли, домов… Невесть куда его
Заносит… Нас оно и зорче, и упорней,
Точней определить его я не готов.
Быть может, это слов невысказанных корни –
Слов, или может снов?
                                        Полёт сов и часов…
(Не сами птицы. Нет!) Важней процесс полёта,
А кто куда летит… Мотив никак не нов…
Куда-то как-то кто-то с чем-то для чего-то…

О, если бы найти хоть что-то глубже слов…

* * *

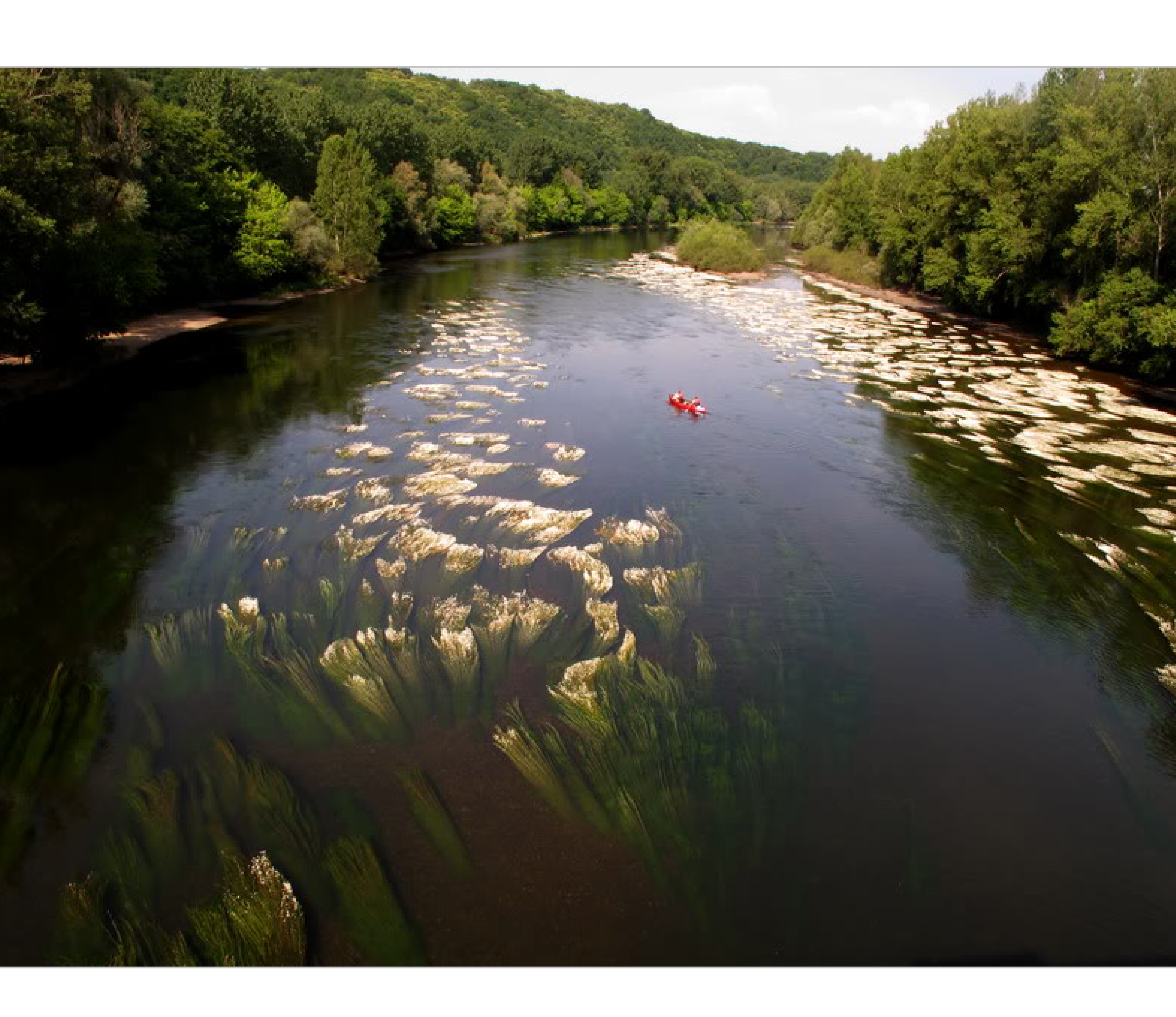
Как сохранить кусок рассвета?
Поймать за хвост кусок весны?
Иначе тут же станет лето
Шуршать приходом тишины...
Не соблюдая этикета,
Оно оттопчет хвост весны,
Чтоб цвет вишнёвый сжить со света.

Закон цветения суров!
Нет лепестков – их песня спета,
И вот деревья зелены,
А ведь, пожалуй, было это
Важнее стен, видней домов...

Но вот – весомей всяких слов,
Лавиной, яростной и синей,
Вторгается орда глициний
Поверх деревьев и голов!

Как удержать весну вслепую,
Ладонью изловить рассвет,
Поверить, что апрель – не бред,
Ведь лето всё же существует,
А вот весна мелькнёт – и нет!

Она срывается с причала
И порт пред ней не затворить:
Заканчиваясь до начала...
Не зная, быть, или не быть!

* * *

Разрушается прочное:
Камень, к примеру, не вечен…
А вода? Что с ней сделается, с водой?
Время – тоже вода.
И зная о том, – делать нечего –
Пофилософствуй над темой, с виду довольно пустой…

Разнообразие пейзажей живёт –
Только в царстве средних широт!
Не случается так изменяться
Ни тропическому лесу, ни снежной пустыне…
Проходя по улице, где нет деревьев,
Видишь, как время стынет…

А у меня за окном качается тополь,
И пёстрые листья в окно,
Как чьи-то записки шлёт…

Нет зримого времени, если оно
Только стрелки часов –
не привязана к ним погода,
Бега мелких минут и разглядеть не дано:
Бесследно теряются разрозненные обрывки года –

Ведь так мы и ждали бы в тропиках, пока случайный банан
В пасть залетит, как листок, в окно занесённый, или
На севере рыбу, долго над прорубью сидя, ловили…

А в наших широтах – время как хулиган
Свистит, размахивает кнутом:
Всё здесь и сейчас.
Никаких тебе там «там» и «потом».

***

Ту простую истину,
Что разные жизни на разных движутся скоростях
Как-то мы далеко не всегда замеча...
У деревьев, собак, у людей, у кино
Время по-разному выделано и в разных дозах дано.
А всё, что мы помним – только стоп-кадры
В мелькающих безымянных ночах.

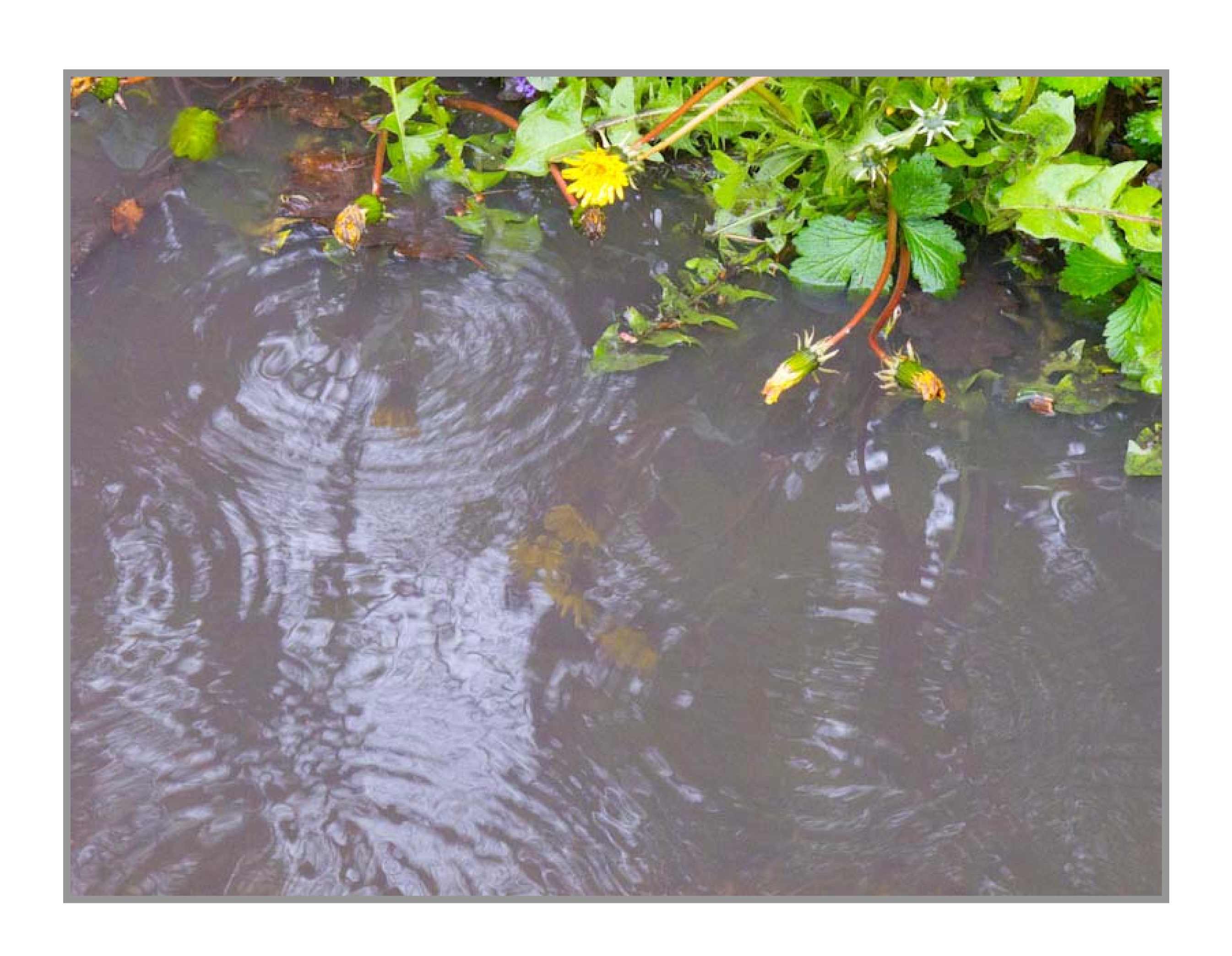
Настоящую непрерывность
не поймаешь, как языки огня.
Вот кино – только жалкая попытка
грубо имитировать движенье времён.
Мелькают разные минуты
одного безымянного дня,
А вглядишься пристальней –
и окажется вовсе не он!
Или вот – с привычного места
Продавец на базаре пропадает на два-три дня,
А потом появляется снова
И тогда он опять существует, хотя бы лишь для меня.

Но откуда потребность возвращаться
То ли в память, то ли в реальность, – да просто в сон,
И где разница между возвращениями теми и...
Вот в таком-то месте было то-то...
Всякие мелочи вырастают
Буйной рощей переплетённых растений
Из незаметного
ностальгического зерна времён.

Скажешь – вехи?
Но случайной вехой может быть хоть та, хоть другая...
И цветущий куст, и важный селезень, и цвет машины,
мимо которой ты как-то прошёл.
Одни стоп-кадры остались, хоть на стенку вешай,
А других как не было – ведь такая большая
часть этих кадров постепенно заглохла,
будто удаляющееся жужжанье пчёл.

Нет, саму непрерывность –
Как бы ни был Хронос рассержен
Не изловишь – только стоп-кадры,
сколько б ни было их.
Ну, так будь благодарен памяти
И за те картинки, что случайно удержаны,
Ведь из каждой может вырасти хоть какой-нибудь стих!

РИФМОВАННЫЙ ГЕКЗАМЕТР

Тут кругом ежевика росла,
а сейчас и малина. Не странно?
Да и яблоня выросла там,
где недавно был чертополох,
А ведь всё это просто последствия
давнего урагана –
Ну того, что пол леса
с собой за какой-нибудь час уволок!
Он как раз прошумел
по границе двух тысячелетий,
Свято место – не зря говорят – не бывает пустым:
Вновь наполнился лес:
взвился вереск в лиловом расцвете,
Рядом праздничный папоротник
оттеняет узором кусты.
Старый лес был владеньем
владычных дубов, да зазнаек-каштанов.
Но его феодальная суть,
устарев, отжила как слова…
Новый лес распестрился, расцвёл
на открывшихся солнцу полянах,
Чтоб напомнить о том,
что бывают ещё и цветы, и трава!

Пять веков Гутенберга кончаются
как-то внезапно и резко.
Значит – книге с папирусным
свитком Египта сравняться судьбой…
Разве нашим домашним библиотекам
отыщется место,
Где экраны всех видов и форм
им грозят дымовой трубой?
Сколько водки, однако, ни делай –
виноградные выживут лозы,
Сколько лайнеров ни понастрой,
над морями шумят паруса,
Сколько сшито верлибров
и прочей нарочитой сомнительной прозы,
Но гекзаметр и ямб сохраняют свои голоса!

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Перебирать как бусины минуты
День состоит из них, да не совсем
Ведь в нём запутываются как будто
Десятки никому не нужных тем

Лежащих в беспорядке беспричинно
Как на столе не слишком-то пустом…
И выбрать ту, где промелькнёт машина
Под радугой, как под цветным мостом

Перебирать, ухватывать мгновенья
Заткнув часов невидимую течь
Чтоб как-то избежать осуществленья
Каких-то никому не нужных встреч

Так, чтобы тень осталась только тенью
И разве доказательства нужны
Что вспыхнувшим сиреневым цветеньем
Все мелочи опять отменены

В РИТМЕ ХЛОПАЮЩИХ КРЫЛЬЕВ

Синица в тополь залетела, затерялась
Так, что её не разглядеть в наброске кроны,
И тут же вдруг слетела с дерева ворона –
Ну что в башку её воронью затесалось?
Забросить тополь, уступить его синичкам?
И не на дуб, или на крепкий край колодца –
Уселась, дура, изменив своим привычкам,
На тонкий куст, который так под ней и гнётся.
Она в листве едва намеченной сидит. И –
Вдруг крылья выросли весёлой заморочкой,
Да не вороньи, что уж там ни говори ты,
Но и не те, что людям выдают пииты,
А просто птичьи – вдруг захлопали над строчкой!!!!

И не об азиях о всяких, да европах,
О судьбах мира и других вещах нескромных –
Пришлось писать об этих птицах-недотёпах,
Стишок увидев с парой крылышек никчёмных!

Но что поделать с той сорокой, да синицей,
Ведь так и лезут обе в басенную схему...
Но суть – не в заинтересованности птицей,
А в том, что ритмы нам навязывают тему...

* * *

Александру Бирштейну

«...Мой полинялый балаган...»
А. Блок

И дождик. И жёлтые фары горят,
И снова спектакль окончен.
Мой кукольный, мой несерьёзный театр
Таскает потёртый фургончик.
Когда по асфальту, когда по пустой
Забытой дорожке булыжной
Под нудный аккомпанемент дождевой
И в толще жары неподвижной.
Пора останавливаться и чинить
Обрывки былых декораций,
Но не потерять путеводную нить
И главное – не запинаться.
А куклы стары. И устала рука,
И вышел из моды актёрский...

Но надо давать представленья, пока
Есть силы и... зрителей горстки.

VI

ОГЛЯНУТЬСЯ

БАНАЛЬНОСТИ

1.
Только существование неподвижного чего-то
(Ну, города, или дерева) говорит о том,
Что встреча с человеком, цаплей, енотом
Была, и может повториться потом...

Да, мы с деревьями знакомы ближе,
Чем с разными птицами и зверьём лесным:
Ведь самый невзрачный куст – неподвижен,
И знаешь точно, где встретишься с ним!

Или Карл Великий перед Нотр-Дам в Париже,
Как место для свиданий – просто необходим!

Так город становится напоминанием,
Внешней памятью, гарантией того,
Что обратил на себя твоё вниманье
Человек, о котором больше ничего
Ты не знаешь, и...
Ведь при новой встрече
Дом узнаёшь – а человека – не всегда,
Даже куст как знакомый бывает встречен
А кто-то, где-то? Ни нет, ни да!

2.
Лишь тогда могла быть написана «Одиссея»,
Когда нельзя было даже послать письма.
А представьте мобильник в руках у Одиссея –
И Гомер от безделья спятит с ума.

С наличием связи уходы – не уходы,
Теряется их реальность...
И потому
Телемах потратил на поиски годы,
Что заведомо было ясно ему:

Раз Средиземье и есть вся планета,
Ну, кто же обшарить её не готов?
И отец, конечно, отыщется где-то,
На каком-то из множества островов,

И неколебимая уверенность в этом
Тогда и была основой основ

Того, что приключения выдумывал не тот,
С кем они приключались, а тот, кто про них,
Ничего не зная, сидит и ждёт,
Сочиняя прозу, или даже стих...

Чем меньше мы знаем, тем воображенье
Работает красочней и живей,
И сегодня – нам тошно от повторенья
И сюжетов, и замыслов, и всяких идей.

НАЧАЛО

1.

И тонут ненадёжные века
В реке... А эта быстрая река
Так убегает, что и за минуту
Всё на глазах меняется как будто:
Цвет черепичных крыш там в городке
И розовая лодка на реке,
И лес – столетий одряхлелый страж...

Мгновенно изменяется пейзаж
(Так Клод Моне – другой и тот же самый:
Вот – две картины – с перерывом в час
На том же месте...)

Облетая нас,
Кружатся жёлтые мгновенья эти,
И желтизной уже пестрят века,
Сползая по теченью,
А река
Вся – как дымок из трубки на рассвете:
Пастух Тройона закурил в седле... И
Не слышно ни вблизи, ни далеко...
Ни ржанья, ни мычанья. Лес – светлее.
А под холмом упрятан грот Ласко...

2.

Нет, рассказать не смогут сосны эти
О бесконечности тысячелетий –
Им, молодым деревьям, не дано
Уменье корнем – в прошлое...
Оно
Древней реки, да и холма...

Случайно
От глаз укрыт, – ведь так неглубоко –
Грот... Он давно ни для кого не тайна –
Недлинный, стометровый грот Ласко.
А в нём быки бредут, олени скачут ...

Тут был художник.

Был художник!
Значит –
Он должен был остановить мгновенья
Загадкой неподвижного движенья
Бегущих лошадей, быков, оленей…

Но краски жухнут там, где правит цель,
Искусству отдышаться не даёт:
Там дух и мысль – как срубленная ель,
Как призраки людей из царства те́ней…

Вот кисть. Попробуй!
Пусть хоть каждый год
Желтей и непрозрачней лак… Да, скоро,
Но всё-таки не в миг, и не одна
В свои права вступает желтизна!
Да, краски жухнут, близят час, в который
Листву всех ясеневых коридоров
Покроет этот жухлый тёмный лак…

А в глубине, в пещере – всё не так!
Да, охра… Только где же осень тут?
И кони скачут, и быки бредут…
Далёкий предок всё изрисовал…
На празднике всеобщего раскраса…
Ни потолка, ни стен не забывал…
Так вот, ему бы – встретиться с Пикассо!

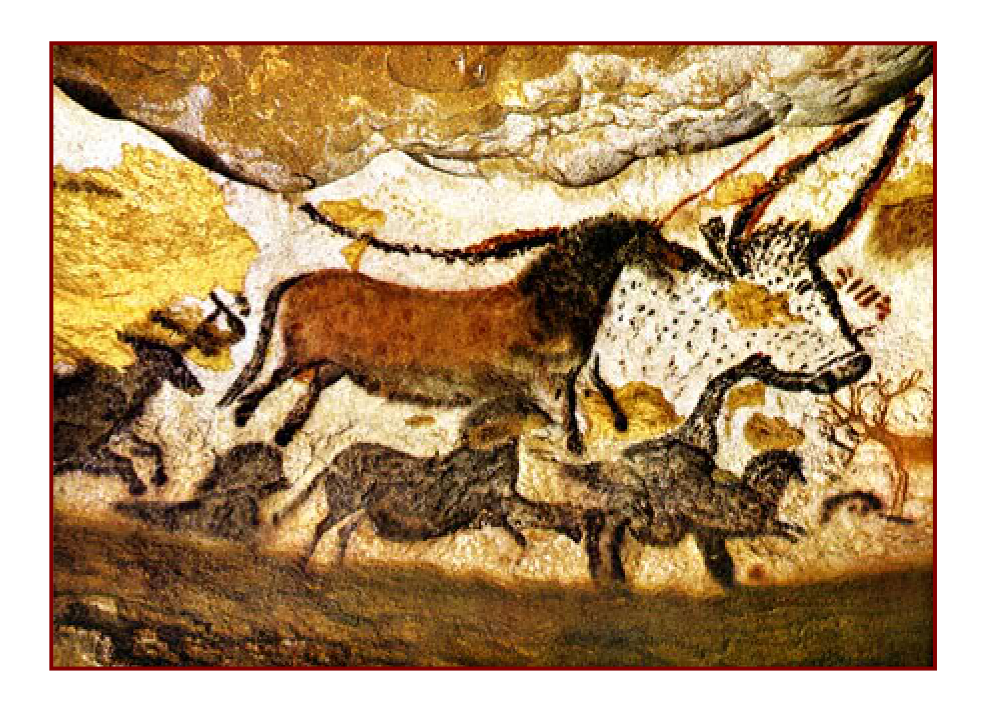
Ведь в Гернику пришёл тот самый бык,
Зверь из доисторической пещеры,
Ну, пусть он синий, а не красно-серый,
Но так же страшен, и велик, и дик!

Художник тут остановил мгновенье
(Ему и Мефистофель ни к чему!),
Бык, лошадь с разной скоростью движенья
Бегут в тысячелетьях потому,
Что здесь не властны цель, идея, касса –
Художник рисовал ни для чего!

И потому он встретится с Пикассо!
Который тут же спросит у него,
Как лучше останавливать мгновение…

И сквозь тысячелетья разговор
Отбросит враз все тотемы, весь вздор

Любого пожелтенья и старенья!
Такой же мастер он, как тот в Ласко!

А сговориться мастерам легко:

Есть первый штрих тех крепких бычьих шей.
Нет Прошлого.
Есть ноги лошадей.
Под ними кремня мелкого развал…
Картина – та же. Лошадь так же скачет
В тогда, когда её он рисовал.
Удача называнья – есть удача
Слить истинное имя для веков
Из тысячи случайных лепестков…

Тут места на стене совсем немного,
Но бык есть бык. И лошадь – просто лошадь –
Не магия охотничьей удачи,
Не образ тотемического бога.
Всё это проще и совсем иначе:

Вот бык себе бредет, и лошадь скачет…

* * *

…Я читал рассказик краем глаза…
Вдруг судьба мне оказала милость:
Из рассказа выскочила фраза.
Отряхнулась – в строчку обратилась
И пошла, разбойница, стихачить,
Так что даже музыка всплыла
Ниоткуда!
Ну а как – иначе?
Ведь у всякой птички два крыла!

ЭКЛОГА СИЛЕНУ

Вот помпейская фреска!
Как пляшут вакханки и скачут сатиры!
Дионис чем-то занят? Его почему-то тут нет?
Эй, Силен! Дай шматок, что ли, свежего козьего сыра!
Перекинь через этот ничтожный провальчик
В три тысячи лет!

Во, спасибо! Поймал!
А теперь расскажи мне про эти оливы,
И откуда в лесах беотийских разросся такой виноград?
И с чего все вакханки – с манерами оперной дивы?...
Разберись-ка! Да, тут девятнадцатый век виноват!

Так... без козьего сыра Эсхил бы, пожалуй, и выжил
Не случайно трагедии первые в мире – его
(То есть «пенье козлов»)... Ну, октавой чуть ниже, чуть выше
А насчёт молока... Но козлы, извини меня, не для того!...

А вот как без козлов обойтись чудаку-Эврипиду?
Никакого тут хора не хватит: актёры нужны!
И копытца надёжней котурн, хоть и хилые с виду,
И трагедии – ах! –персонажами густенько заселены!

Времена и вообще-то плотнее набиты людьми, чем пространства,
Вон смотри, той оливе, наверно, не менее тысячи лет –
Не под ней ли король-трубадур тут с Бертраном де Борном ругался,
И бренчали на арфах вдвоём, пока их не разгонит рассвет?

Заселённость у дядюшки Хроноса – многоэтажна,
А Пространство всего лишь по плоскости населено...
Стенка Тёмных веков... (Как ты через неё перебрался отважно!
Да, Силен, ты силён, хоть и не протрезвел всё равно.)

Знаешь, Аристофан тебя прочил нередко в герои,
И поэтому, славный Силен, мы с тобою дружны,
Ну, Мольер тебя переодел в Сганареля, не скрою...

Почему Боттичелли не привёл тебя в свиту Весны?

...вдруг стало видимо далеко во все концы света...
Н. В. Гоголь

Смесь окон, статуй, лиц и улиц, и картин...
Вот так из зала в зал среди времён ходи ты –
А если век на век немного накатил,
То кажется, что их края слегка размыты.

...И был невнятен мир – и был всегда в дали,
И был огромен мир, и требовал отваги –
Тут даже корабли немногое смогли:
На карте – близко всё. Но это – лист бумаги!
«Охота к перемене мест» бьёт в барабан,
Немногим удалось на вкус её отведать,
Ведь там, где год в пути потратил Магеллан,
Едва успеешь ты два раза пообедать!
В какой-то краткий клип стеснились даже сны...
Вёз почту пакетбот – недели две как будто!
А мы с тобой нимало не удивлены,
Что марка и конверт в музей почти сданы,
И на твоё письмо ответ – через минуту.

Тонкие плоскости кадров секут друг друга,
Чуть подрагивая, но никого не тесня,
От сложности силуэтов слегка звеня,
И кажется – решена квадратура круга:
Пёстрыми перекрёстками разрезаны города,
Улицы – веерами во все стороны света,
Неуследима озорных площадей чехарда,
А переулки – их разменная монета.

В смешенье греческих крате́р и римских чаш
Несходство абрисов сотрётся непременно:
Пизанской башни крен неотличим от крена
Той меловой скалы, глядящейся в Ламанш...

Уж триста с лишним лет мы раздвигаем мир,
А он – сжимается: всё оказалось рядом!
В одно лицо слились Наполеон и Кир,
А вакханалию легко смешать с парадом.
И суть не в том, чтоб дёргать струны ветхих лир,
Да из почтения к заболтанным балладам
Листать старинный том, зачитанный до дыр –
А в том, что взгляд легко смыкается со взглядом...

***
Эти камни болтливы, а те – бессловесны,
Ко всему мы привыкли.
Кто Европу в Европу увёз неизвестно:
Зевс ли, бык ли?

Мир, где боги всё возятся между собой –
Жизнь в романах и ссорах! –
Ограничен людской мифогенной судьбой
В Средиземных просторах…

Мир, в котором не сыщешь начал и концов –
Ну, спалённая крепость,
Да убитых побольше, чем было бойцов –
Именуется «эпос».

И Аякс, и Ахилл, и Арес, и Зевес,
Сочинителю вторя,
Грозным криком трясли основанья небес –
Пострашнее, чем в Торе.

Да сравнить ли ходьбу по Синайским холмам
И сердитых сограждан торжественный гам –
Сорок лет Моисея –
С пёстрым шляньем по греческим по островам
Хитреца Одиссея?

А пока Одиссей шлялся по островам,
Да по койкам Каллипсих,
Претенденты на руку жены его там
Рок-н-ролл или липси…

Всё танцуют, да пьют из его погребков,
Ну и жрут эскалопы…
Но откуда взялись целых сто женихов
Для одной Пенелопы?

Кто, когда сляпал постмодернистской рукой –
Эту книгу, где вместе –
Сатирический трёп, и роман плутовской,
И роман путешествий?

Кучу книг самых разных – мы тоже смогли…
Но длиннее, скучнее.
Или, может быть, Эко на пьянке взял и
Сочинил Одиссею?

* * *

Форма резко меняться умеет, а – суть – как придётся:
В Риме церковь из древнего храма растёт иногда,
И кордовским собором мечеть на глазах обернётся! –
В том же городе могут жить разные города…

Из реки, или озера, крана, ручья и колодца –
Разный вкус? Но вода всё равно не вино, а вода!
…Был папирус, пергамент, бумага – так что за беда?
Будь на плёнке, на диске – но книга собой остаётся!

Слишком важною нам представляется разница там,
Где не всё ли равно – на паромах, или по мостам,
А река остаётся рекой, будь хоть шире, хоть уже…

И не только ведь камни – свидетели разных времён,
И не только от колоколов разливается звон –
Слышишь, в джазе тарелки звенят? И пожалуй не хуже!

* * *

А когда пятипалый разлапистый лист платана
За берёзу не смог уцепиться, ему
Только и оставалось, наподобие параплана,
Над газоном долго бесцельно кружиться, и тьму
Желтизной безнадёжно расталкивать –
этот солнечный осколок лета
Прошуршал по крыше тёмно-синей машины,
Несколько раз то вниз, то вверх по бортам, –
И под колесо –
И остался там…

Почта, на которую не будет ответа.

VII

У ТЁПЛОГО МОРЯ

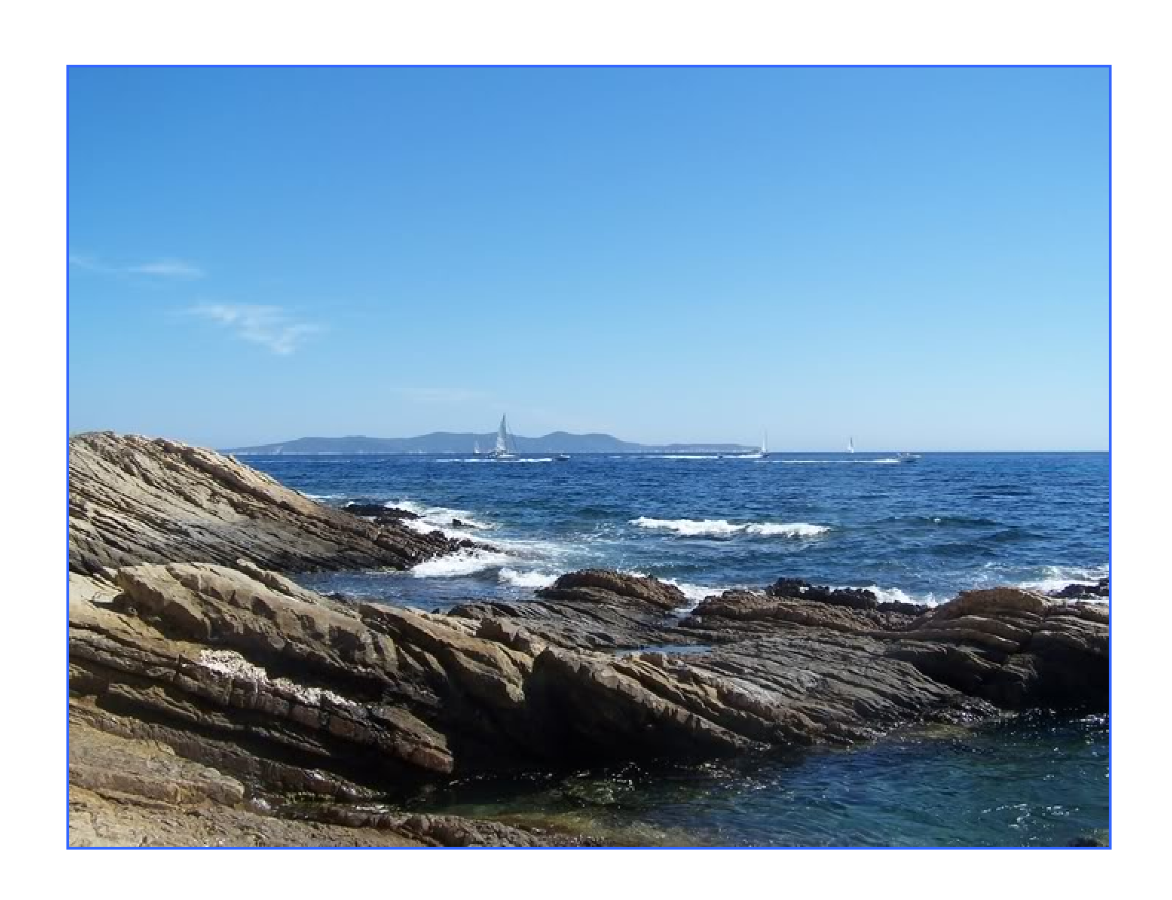

***

1.
Видно, все мы у Господа Бога
Корабли, ушедшие в море,
Где не вычерчена дорога
И голос не тонет в хоре,
Корабли, плывущие вольно
От той весёлой земли,
Где средиземные волны
Гекзаметры изобрели.

Эти ритмы
всё чего-то требуют,
Катят, катят к жилищам богов
Курчавые белые гребни
Долгих ударных слогов.
А волнам и ритмично и вольно
Мимо зелёной земли...
Только зачем вы, волны,
Одиссею изобрели?
И так уж немыслимо много
Дурацких и грустных историй...

Все мы у Господа Бога
Корабли, ушедшие в море.

2.
А может, правда, что где-то
Есть ещё догреческий Крит,
Там, на середине света,
Где море всегда искрит,
Где можно, начав с эпилога
Дойти до истока истории...
Видно, все мы у Господа Бога
Корабли, ушедшие в море...

МИМОЗОВАЯ СЮИТА

1.
Над Средиземным морем
Рассеян свет цветной,
Он рыжий берег моет
Сиреневой волной.

От Яффы и до Этны
Всему владыка – цвет,
Пейзажи многоцветны,
А чёрно-белых нет!

Зелёные провалы –
Дороги в никуда,
Оранжевые скалы
И синяя вода.

Неслышна и незрима
Возня корней в земле,
Но пахнет жёлтым дымом.
Мимоза в феврале.

Всё озорно, бесцельно,
И зимний смыт покой
Бегущей вдоль ущелья
Мимозовой рекой.

А ветер пёстрый, пряный
Над берегом стоит:
Порядок, Зевсом данный,
Пусть валится в Аид –

Тут Посейдон весёлый
Меняет времена:
По скалам влазя голым,
Зиме хамит весна.

Зимой – весна другая:
Цветенье – через край…

Так в Петербург вбегает
Черёмуховый май!

2.
Ну, поехать – куда?
Да всего километров за – много, в мимозы,
Где на глине оранжевых склонов
Наделали ласточки дыр.
Рядом с осликом серым –
человек, подрезающий чёрные лозы,
Пробуждает лиловый зелёный
Весь винно-оливковый мир.

А прочтут этот мир
Те, кто чтенью научится вовсе нескоро,
Кто не видывал твёрдой воды –
Только фигами в соек кида...
Им на радость ручьи,
водопады лохматые, просто озёра –
Зеркала жёлтых звёзд,
Море...
В общем, живая вода.

Пусть прочтут эту книгу цветений,
Сорвавших извечный порядок:
Ведь цветенье мимоз –
Это злое восстание против зимы!
Те, кто дожил до правнуков,
могут сказать: так, мол, вовсе не надо.
Пусть я старше их, но не из них!
С ними я никогда не «на мы»...

3.
Мимозовая река вьётся по дну долины,
Волнами пробегает в хвойных
Раскидистых берегах...
А в Ницце стада велосипедов
На набережной солнечной, длинной...
Резко холодает к вечеру,
И мимоза торчит в рюкзаках.

Дети пищат над морем...
На холоду нестойком февральском
Голые люди вжимаются в пляжную гальку,
Кто-то по набережной – в ушанке,
А кто – за столиками под зонтиками в тени.
Пиво просвечивает на солнце,
Собаки и ролики вторят вальсам,
А люди обдирают с деревьев мимозу,

Как мы – черёмуху в Питере
В давние майские дни…

4.

(Карнавал. Опыт репортажа)

Февралю охота притвориться летом,
Море с небом спорят синим цветом.
Ветер ослабел, а тени всё короче –
Пышет карнавальный полдень в Ницце.
Лошади в цветах по набережной топочут,
У девчонок-всадниц раскрашены лица.

И толпу, пестрящую цветными колпаками,
Разделив мимозовым плывущим садом,
Прёт бирнамский лес лимонным цветопадом!
Эхо от подков кружит над променадом,
В стены бьёт с боков, – подражанье канонадам,
А за лошадьми – велосипеды стадом:

Эти не умеют ровными рядами,
Медленней стараются крутить ногами,
Совмещая скрежет с джазовым парадом
На бордовом фоне бесконечных кафешек…

Все сегодня – кони!
Нету пешек!

5.
Мир – пестрота кружений!
Ведь он без всяких призм
Цветных изображений
Сплошной натурализм!

Ну как понять, что кто-то
Не в цвете видел сон,
Что чёрно-белым фото
Не удивлялся он.

Сметается ночное
Естественностью дней.
Ведь то, что не цветное –
Обычного сложней:

Так Павловского парка
Слепящая зима,
И лип кривых огарки,
Сводящие с ума –
Всё чудо! Куст, который
Орнаментом – в окне,
И чёрных лип узоры
На снежной белизне…

Да, мне закон не писан,
Я утверждаю – вот –
Фаворский даст Матиссу
Хоть сто очков вперёд!
В гравюре чёрно-белой
Скрыт аргумент того,
Что можно так же сделать
Стихи из ничего!

В МИМОЗАХ И СОСНАХ

Сад, в который приходят спокойно
Черепахи и кабаны,
Сад, в котором скандалят сойки,
А глицинии – вместо стены,
Море слышно, хотя и не видно:
Между соснами мал просвет!
Этот сад с постоянством завидным
Повторяется 10 лет.

Повторенье!
Его постоянство –
Вот оно чудо света –
Это в нём дух когдатошних странствий
И все возвращенья в лето...
Повторенье – его постоянство –
Не девается никуда,
Пусть в секрете прячет пространство,
Та в реке, иль не та вода?
Да и та, иль не та черепаха?
Вон, которая там – в траве?
Да и та ли ящерка-гекко?
Или это правнук её?
А не всё ли равно? Лишь бы длилось
Сегодняшнее бытиё –
Постоянство листвы мимозовой
Стоит зелени целого века!

Повторяйся, весёлое лето:
Те бескрайные Сальские степи,
И ковыльные и пустые,
Где полынной горечью пахло
От первых лучей рассвета...

Только так и смогут промчаться
Вот эти мимозы лихие
По той давней цыганской юности,
Что продлилась аж целое лето!

СОНЕТ БРЕГАНСОНСКОГО ПЛЯЖА

Серебряный песок – под Эйфелевой башней!
Купальников, зонтов и звуков пестрота.
Пусть Ницца валится с Аркольского моста,
И зал давно пустой, или спектакль вчерашний –

Неважно: меж кулис дракон – картон нестрашный,
Когда на сцене ты – а в зале темнота –
И всё наоборот – в невнятности всегдашней.
И размалёван мир. И сцена не пуста.

Под жёлтым кабачком на пляж у Брегансона
Впечатавшись в песок, ложатся волны сонно –
Над ними – и мираж покажется судьбой:

Прикинься Осло-фьорд Марсельскою каланкой,
Иль парусом «доски» – блик над песчаной банкой –
Но этот праздник есть. И он – всегда с тобой!

БАЛЛАДА ЮЖНОГО ЛЕСА

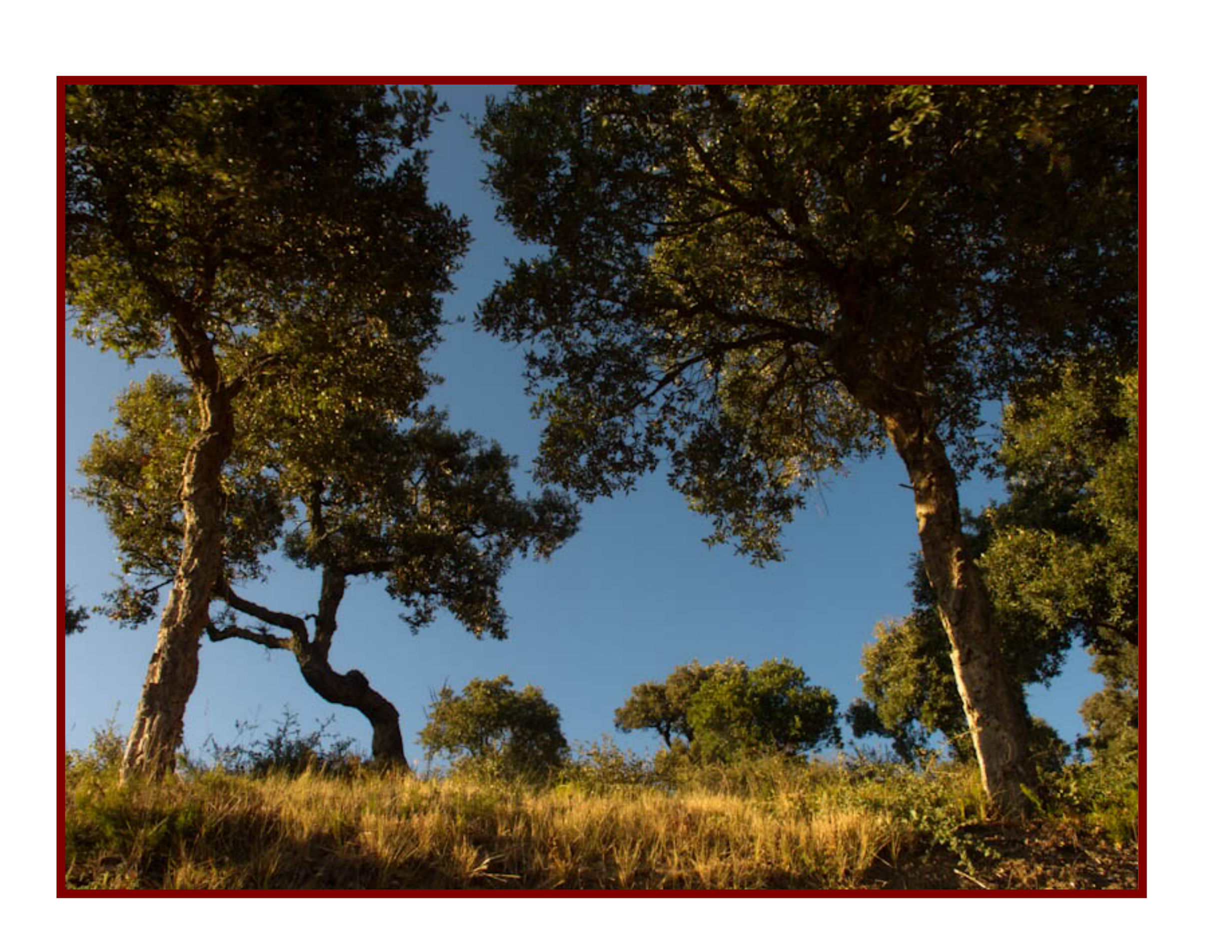
Где зелень заменила стены,
И где лесам равны сады,
И всё цветёт одновременно –
Не знают запахи вражды –
Базилику смешали с мятой
Ветра, гуляя меж холмов,
А по верхам – узор косматый:
Барокко пробковых дубов.

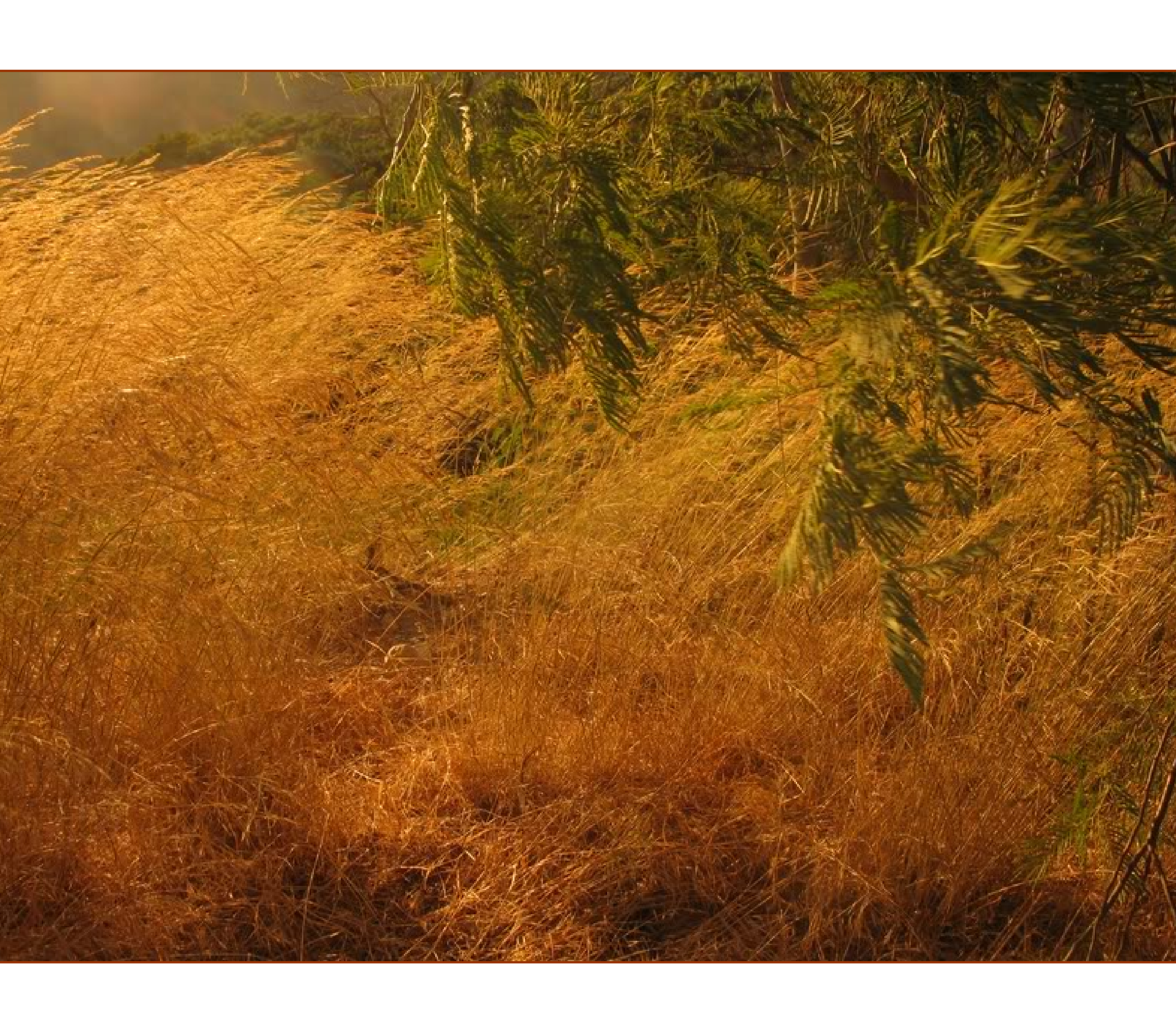
Под облачком кривым и белым
Подкрылья красные пестрят:
Фламинго так, от нефиг делать, –
Зазря дублируют закат,
Прозрачный, как стихи, в которых
Нет смысла заднего у слов –
И возвышается над вздором
Барокко пробковых дубов.

Пейзаж без басенной морали,
Без философской чепухи:
Природу просто пронизали
Звучаньем ветровым стихи.
Среди кривых сплетённых сучьев,
В мельканье беличьих хвостов,
Ещё узорней, ярче, лучше
Барокко пробковых дубов.

…

Как можно, сударь, здесь быть хмурым,
Где приютил несчётных сов
Шедевр лесной архитектуры –
Барокко пробковых лесов?

МИСТРАЛЬ

1.

Внезапный тихий голос за хребтом.
Так слабо слышны верхние ноты –
Потом крепчает, сучья сосен качает…
И всё ниже тон…
И вот уже он –
С горы скатился в сад, из сада в рощу,
Из рощи в море… – нет конца и края…
Мистраль, мистраль, мистраль
Над садом и над рощей.
Ему, как по ступенькам вниз, – так проще
Заполнить всю морскую даль…

Всё льётся, всё во всё перетекая,
Всё ненадёжно: всё в мистрале, все застряли…
Ну да, он начинает свысока,
Но вскоре – монотонный ровный голос,
Он больше не заденет ни листка.
А голос – гулко вниз с горы, с деревьев вниз,
И где-то там басит уже из-за кулис,
Он в ширину, всё более басея,
Ползёт над бухтой, будто над бассейном…

Тощает в роще вой…
Взрывная тишина.
И лёгкие листки над головой
Припомнят, что подкралось время сна.
Их тихие остатние движенья
Ещё порхают
В ритмах этого
стихотворенья.

2.

А ночью выключают звук –
Нигде ни звука,
и напружиненная вдруг
луна – подобие дианиного лука.
Все двери в доме – прямо в сад
распахнуты – нет окон. Только двери!
И где она, четвёртая стена?

В её существование не верь, и
бесповоротно, непременно –
признай, пойми, что пред тобою всё же – сцена!

Но почему луна из задника – в глаза ?
И кто художник этого спектакля,
тот, кто подвесил кое-как её, но так ли?
Насмешник!
Вот кусты кулис. А за –
луна – кривым прожектором в глаза,
и напружиненность дианиного лука
над рододендронами, там, над вырезной,
над их узорной тенью
и стрелы выторчали – тени камышей – стеной
Нацелены в зенит. И нет пока ни звука,
и кот крадётся по следам дневных мышей,

Из тени сосен вновь выпутывается луна,
И графика ветвей со всех сторон.
Из них кривой прожектор наведён…

Гуськом шаг в шаг четыре кабана
за мамой кабанихой,
бесшумные, пересекая сад…
Щетинки их в луне иголками блестят –
Актёры? Только нет для них дневных оркестров.
И никому ничто не снится.
Но тонким гонгом тренькая (где – там?),
размеренно позванивает нам
ночная металлическая птица…
И звоны разнося по сторонам
о том, что мир – театр…
Ну да, весь мир…

Ну, то, что мир – театр, заметил и Шекспир.
Но не увидел мелочей: так, вздора –
Что есть театр художника. И что
он вовсе – не театр актёра!
Ну а художник – потому и ветер есть,
И в нём разгуливая, тени тают,
Или со сцены их толпу сметает
Беззвучный, резкий рембрандтовский свет.

…А режиссёра не было и нет.

ВЕЛИКОЕ ЗЕЛЁНОЕ МОРЕ

Чем к берегам Средиземным ближе,
тем шире звонкий размах
Качанья цветов, бамбуков, сосен в долинах и на холмах.
Не нужно от воздуха или воды одеждой себя защищать!..
И колыбель человечества земля продолжает качать.
А значит, на самом деле мы
не взрослые и теперь:
Притворяемся мы «большими»,
а сами опять и опять...

Это зелёное море – открытая в прошлое дверь,
Распахнутая... А там – Неаполь, Мессина, Марсель,
Одесса, Стамбул, Феодосия и... карты протёрты до дыр!..
Там кораблишки морских бродяг то и дело садились на мель,
От Гибралтара и до Азова – всё тот же ахейский мир!
А чем дальше ты от него, тем глуше
нимф и тритонов хор,

Сюжет цепляется за сюжет – из мифа растёт роман,
Строка цепляется за строку – не повториться бы ей –
В себя вместит она хоть Илиаду, хоть Библию и Коран,
Хоть толпы песен, баллад, сонетов и то, чего ещё нет...
Смешает с красками южных базаров морей переменчивый цвет,
И рощи тысячелетних олив, и тень парусов по волнам...

Спектакли несчётных событий прошли –
Но сцена осталась нам!

* * *

Как будто не все пересчитаны звёзды,
Как будто весь мир не открыт до конца….
Н.Гумилёв

Контрастность более всего присуща лету,
Тень тут была, но сдвинулась,
уступила место свету…
Из этого непостоянства так вот и катится лето, –
Случается даже, что кувырком…
Но скачущая светотень,
Кроме торопливости, не говорит ни о чём…

Цикада в оливковой роще прячется где-то,
Другая, ещё звучней, присоединяется к ней,
Голос у неё чуть иной – так эффектнее для дуэта –
И если поначалу укладывался этот сад
В строгую краткость сонета,
То сейчас он разросся и требует чего-нибудь покрупней,

Потому что комната раскрывается в сад,
Сад в рощу,
Роща в море…
Только морю некуда раскрываться…

А значит, не раздвигается мир…
Острова давно пересчитаны, названы
И в реестры занесены
В строгом порядке, как в словари слова,
И на всякие карты нанесены,
А карты затёрты до дыр…

И приходится в неземных пространствах искать:
Ну планету, ну ещё другую,
И в бюрократическом порядке
Мы их тоже спешим перенумеровать и назвать.

Поначалу в сонет укладывался
Этот небольшой сад,
А запихнёшь ли в 14 строк пространство?
Да и сад вон разросся во что-то,
И остаётся мне единственная забота –
Различать, да пересчитывать голоса цикад…

***

Между пеной и небом,
На светлом песке отлива –
Морские кони Камарга,
Прибоя белые гривы.
На всех прокатиться бы разом,
На всех, низкорослых как волны,
На всех этих белых спинах –
Тебе на волнах качаться,
А мне бы в седлах старинных.
До Африки прокатиться
Отсюда, где дождик да чайки,
И может, поймешь случайно,
Кто – конь, кто – морская птица!
До завтрашнего рассвета
Доплыть, доскользить, докатиться
Под белые минареты
Сверкающего Туниса!

Стих ветер. Исчезла пена.
И серые, вал за валом,
Другие приходят волны,
Качаются медленно волны,
Как спины слонов Ганнибала.
Приходят волны, уходят,
Песчинки дней сосчитают
И пересчитают снова –
И вовсе они не похожи
На серых слонов Ганнибала:
Они – из моря другого,
Того, где черные скалы
Толпятся, срезая пену
И брызги вбивая в стену.

А, в общем, все рвутся в когда-то,
Где не были и не будут,
А в общем, все ищут сказку,
Конец которой забудут
Между пеной и небом,
На светлом песке отлива...

***

Тяжёлый юг. Тяжёлое вино.
И терпкое как плющ на белых стенах,
Что оплетает узкое окно,
Где чёрные решётки неизменны.
Взгляд с улицы на узкое окно –
И стёкол нет, но всё внутри черно.
Вот так же в кружку глиняную глянешь,
В ней цвет вина вовек не различить –
Пить наугад, или совсем не пить?
Пока со света в темноту устанешь
Глядеть в чужое узкое окно:
Кто в комнате? Увидеть – не дано.
В тяжелый полдень медного чекана
На берег ветер скатится густой –
Он не остудит йодистый настой,
И пальцами не шевельнут платаны,
Не прояснится чёрное окно.
Тяжелый юг. Тяжёлое вино.

ПРИМОРСКИЕ СТРОФЫ

…Ну а нас ведь просто слишком уж много,
Пишущих и прочих.
Вот и не нужна чужая тревога –
Отсвет в облачных клочьях…

Так на что мне пурпур колесниц римских,
Золотые шлемы…
Мазанки белёные станиц низких –
Крохи той же темы:

Поезд пробегал жёлтой, пыльной степью,
Вдоль моря – автобус.
Первый раз увиденная синяя терпкая
Живая пропасть.

В окно – вдруг опущенное – выстрел ветра.
Так по-детски страшен
Контур нависающих криво сверху
Генуэзских башен.

Берег травянистый в волнах темных.
Рыба. Кукуруза.
Запах литографий в красочных альбомах
С запахом арбуза
Смешаны…

Вот смысл бессмыслицы: пятна
Памяти младенца.
Каждый год прозрачней, и вышивка внятна,
Как на полотенце…

. . . .

А книги тихо смотрят, и с полок не просятся,
Примиренные навсегда….
И от снежного вечера исходит спокойствие:
Что там – полвека туда-сюда?

ОДА СРЕДИЗЕМНОМУ МОРЮ

Под ногой ветки потрескивают, как в костре, в эту погоду:
Роща кажется жутко сухой! Будто отдали морю всю воду
Эти вечнозелёные дубы, которые приютят хоть белку, хоть сойку,
И узловатые эти сосны. Помнишь, в «Острове сокровищ» – те, синие
На прибрежном песке, под которыми кокнул кого-то Сильвер?

Не от их ли колючего нрава хоть какую-то взял я малость?
Плюхает тихий прилив. У песчаной кромки волна сломалась:
Песочный дворец, построенный малышом, терпит головомойки…
А при отливе песок опять серебрист, да и волны притихли.
Только скалы – как скалы… Упорство моё – не от них ли?
А некая дикость? От дикого камня какой-нибудь здешней постройки?

Видишь, куски синевы у неба крадут вороватые сойки?
Кузины сорок-воровок (и не менее склонны к сварам).
Даже ангелы привыкли к их кражам: что взять, мол, птицы!
Ведь всё подберут: огрызок яблока, осколок неба, или крошки пиццы.
Наша тяга к небесному – не из их ли краденой синевы струится?

Ну а тяга к воде, когда плечи на берегу охватывает жаром?
Ну, конечно: море – прародина (Кровь солона недаром!).
И хоть в незапамятные времена изгнали нас из воды, как из
Флоренции Данта,
Но память рыб, осьминогов, каждой актинии, любой черепашки,
Даже память планктона, и та спрессована у нас в черепушке!
Море! Ведь то, что не терпит наша натура неволи –
Не от него ли?

Даже облака, при всём разнообразии, кажутся банальней ваты,
От того, что какие-то новые, не верёвочные, не живые ванты
У этих швертботов, вытащенных на пляж: да и корпус – пластик,
Но не от этих ли мачт – дух дальних странствий?
Мы ведь только одно и делаем:
время обмениваем на пространство!

Чаще – даже не странствия – скромнее: передвиженье.
Повидать, побывать, побыть отзвуком, контуром, тенью…
На горизонте, близко, острова-близнецы: Пор-Кро и Пор-Кроль.
Хоть вокруг бы проплыть!
Много ль надо – сам себе капитан и король!

Ведь не громоздкий «Арго», не ошибка Тесея – тот чёрный парус,
Не финикийские тяжкие корабли, не феаков летучая ярость,
Не бригантины, на которых шастала по морям перекатная голь,
Не триремы Рима, не каравеллы несчастного Магеллана –
Просто швертботик, зато – сами себе и короли, и капитаны!

Вечер. Шашлычный запах. Прибрежные склоны рыжи.
К чёрту длинные вёрсты Вергилия, мне Овидий ближе:
Вечные метаморфозы веселы, а скитанья – да ну их к мате...
Бесконечное набеганье волн есть уже осознанье воли.
Извечное беспокойство толпящихся строчек –
не от него ли?

Не от него ли стихи, что полощутся, как под ветром платья,
Эти почти гекзаметры, которым рифма, вроде, некстати?
Но нет же! Парные рифмы прибоя, если надо, и берег размоют!
Да и кто достоин гекзаметров более, чем Средиземное море?
Вот, говорят, чуть не двести лет, как по-русски гекзаметры сникли!
А мне всё не верится: даже эти строки мои – не из них ли?

....

И после того, как спросонья сосновой веткой получишь по роже, –
Сумасшедшая спешка – за неполный день от Тулона и до Парижа.
И каждое возвращенье таит в себе необъяснимую странность:
Ну что ещё мы в жизни делаем,
кроме как время обмениваем на пространство?

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ У МОРЯ
(Не по Ломоносову)

Едва отдышавшись у горизонта, раскланиваясь перед залом,
(Будто только что разразилось в картонную трубу стишком!),
Солнце к амфитеатру гор поворачивается задом,
Орать продолжая, пока
Краснорубахий закат не снёс ему башку палашом,
Лезвием узкой тучки…

Эта казнь ежедневна,
Потому что безответственная барабанность
Цикад, цитат, снова и снова
Ставит на ходули призраков давно безголовых,
И ни рыбы, ни крабы не знают, когда
этому настанет конец…
(Пой, пташка пой)!
Строки волн растекаются, как тесто Сальватора Дали,
Как случайно раздавленное слово,
Как туман над водой,
Как перепевы вранья, что вблизи мозолят глаза,
Но не смягчаются и вдали,
Только расплываясь, кажутся облачней на расстоянье,
Даже приемлемей, чем на тех островках – птичий базар.
Непреложная истина каждого островка становится всё туманнее:
И в облачный общий кисель истории
Небесных барашков угоняет Макар.

А заводной соловей, хлопоча над пластиковою розою,
Не только на вкус, –
На жизнь на саму нагоняет коррозию…

………

Бредни!
И вот –
Каждое новое стихотворение врёт,
Притворясь последним.
Так тюрьму свою снова обманывает звон,
Вырываясь в поток времён,
Как дождь, беззаконный, который бьёт
По облаченью вод…

Кстати, прогуливаясь по берегу, надо бы не забыть зонт, а?
Пригодится в раскисающих сумерках, пока
Не схлопнулись небо и море на рояльной петле горизонта,
Как на нулевой отметке схлопываются века…

ПРОВАНСАЛЬСКАЯ БАЛЛАДА

Для плавных холмов Прованса
Тысяча лет – не время,
В травах остались стансы
Жонглёров и менестрелей.
Твердят берега и море
Неповторимые ритмы,
В неумолчном их разговоре
И рифмы, и строфы скрыты…

Удар волны завершала
Рифма – бесценная новость:
Она незаметно вязала
В узел струну и слово.
То ль из морского гула
Являлся звук её слабый,
То ли с Востока на мулах
Её завезли арабы.
И тут, на холмах Прованса,
Хранят её даже деревья,
Но открывают праздник
Не каждому, да и редко…

Когда закат заслоняли
Олеандры, полкруга заполнив,
Между цветами сверкали
Солнечные осколки,
В розовом и зелёном
Закат под нашей горою
Оказывался неизменно
Ёлочной мишурою…
А снизу тянулись древние
Каменные удавы –
С невыносимой ревностью
Бамбуковые удары…
Бамбук исхлёстывал ветры,
Сгонял их ниже по склонам,
Чтоб без помех до рассвета
Эхом билось в колоннах,
В скрипе кустов гуляло
Стократ отражённое слово.
В бывшем зелёно-алом,
А к вечеру в тёмно-лиловом
Мире – зрительном зале,

Куда нас чудом пустили –
Кулисы что-то скрывали
Безудержностью бугенвилий,
Буйной волной лианы
Лиловой… Одно я знаю:
Вся сцена с лиловым экраном
От глубины до края
Была пуста. Или это
Был театр невидимок,
Но шел спектакль до рассвета,
Неслышный, неуследимый…

В ночи облачка белели.
Мимозы от тьмы устали.
И голоса менестрелей
Снизу не долетали.
А может и долетали
Сюда, только мы с тобою
По глухоте принимали
Их за урчанье прибоя.
В его монотонном ритме
Мы так и не уловили
Какие там рифмы скрыты
Кулисами бугенвилий…

Войти в прибой по колено –
И рифмами менестрелей
Под утро морская пена
Не сможет не поделиться,
И в облачках постепенно
Лютни, пальцы и лица
Явятся…

***

...И вот затворяются деревянные решётки.
И двери отделяют лето от нас.
Ну, зачем его – заживо! Оно ведь чётко
Ещё существует!
И птицами кротко
Напоминает...

Но багажник набит. И последний час
Валандается между асфальтом и садом,
Машину подталкивает к автострадам...

А сад, сливаясь с другими садами,
Уже от соседних неотличим.
И лето, протёкшее между руками,
Под пальцами плывёт, как шашлычный дым...

Всё больше машин – и за, и перед –
Обгоняя друг друга: «на север, скорей...»,
И всё нереальнее те запертые двери,
И всё матерьяльнее пять этажей...
И всё слышнее назойливый, несносный,
В дорожном гуле голос
архангеловой трубы –
А в нём растворяются и мимозы, и сосны,
И морская пена, и пробковые дубы...

VIII

ДОРДОНЬ

С ДРУГОГО БЕРЕГА

Опрокинуты в реке бока холмов,
Перекрытых отраженьями домов,

А над ними – колыханье миража:
Вертикальная деревня Рогажак.

Тут над берегом скалистая стена –
И деревня на стене размещена.

Все деревни как деревни – на земле.
Ну а эта – вверх зигзагом по скале:

Отведён для каждой улицы этаж,
И церквуха – в стену влепленный мираж,

Все деревни, как деревни – берега...
Ну, а этой бог с чего-то дал рога...

Над скалой дубов ветвистых полоса,
И торчат они, бодают небеса.

Кто совет практичный дать сумел бы нам –
Как бродить по вертикальным деревням?

Тут из жёлтого песчаника дома,
Как на узких полках толстые тома,

Корешки и окна-буковки молчат.
Но по книжным полкам бродит праздный взгляд...

Что ж, возьми да и раскрой случайный том,
Но пойми, что ты зашёл в случайный дом:

Вот звучит горизонтальная строка.
Вон течёт горизонтальная река.

Чтобы вдруг не закружилась голова,
Изрекай горизонтальные слова,

Попытайся хоть понять, что ты – другой,
И в подобные деревни – ни ногой!

Для тебя ли те старинные тома?
Не тебе входить в те странные дома,

Не тебе дано зигзагом – ввысь, туда!
И дубы тебя, беднягу, забода...

PIZZERIA GLACIER

ГНОМАНИСТИЧЕСКИЕ СТИШКИ
ИЛИ
ИЮНЬСКИЙ ДОЖДЬ

Подставясь дождику ночному,
Нелепый жёлтый остолоп –
Фонарь огромен возле дома.

Насажена на круглый столб
Светящаяся пирамида
(Столб средь стволов – не ствол, а стёб!)

Но с фонарём того же вида
В ночных кустах гуляют гномы...
  Я может, к ним навстречу выйду
  (Не всё же отираться дома!)

Замечу и каштана скрипы
И то, как дождик лупит липы,
Как в жёлтом свете фонаря
Несильный дождь жёлтеет тоже...

А вот когда с листвой дуря
Вдруг сам зазеленеет дождик –
Знай, что приблизилась заря,

Что даже, может быть, укроп
Покажется – секундно – маком
Кауста – рыжим париком...

Да, это всё исчезнет днём,
Но вечер возвратит, однако
Первичность истинных ночей,

То главное, что отличает
Весёлых гномов от людей:
Они расцветки замечают!

Ведь листья им куда важней
Всей логики людских затей.
И наш абстрактный вкус идей
Великодушный гном прощает:
Он меж кустов бродя, качает
В руке фонарик цвета чая.

Настал сезон цветных дождей!

* * *

Пешком по лесу – на скорости хоть до нашей эры,
Хоть восемнадцатого века:
Вот и кажется огромным этот квадрат,
В котором поместились три деревни
Ручей, бегущий в невидимую реку,
Да пара церквей...
И тишину усиливают то
Голоса лягушек, то звоны цикад.

Как в лесу уместилась в какие-то три часа
Бесконечность разных пейзажей?
На таком-то малом пространстве?
Где шаги предлагают много больше картин, чем конь или велосипед?
А уж если глядишь с самолёта взлетающего – то странно даже:
Точка «А», точка «Б», а между ними и вовсе ничего нет!

Так, вместился бал Воланда
В ювелиршину пятикомнатную квартирку...
Банально, что истинное пространство
Только пешему человеку дано,
Что полёт проделывает во времени
Вовсе ненужную дырку:
Точка А, точка Б...
Что и где?... Да не всё ли равно?

А за лесом осёл заорал... До чего ж непохоже
На эхо, взрёвывающее над лётным полем,
Кроликов аэродромных страша...
И то, что было лесным пейзажем,
Что раскидывалось так не спеша,
Превращается на глазах в лоскуток шагреневой кожи...

ОДА ПЁСТРОМУ ПЕТУХУ
(ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ НА БЕРЕГУ ДОРДОНИ)

...Вот с неба свалилась строка мне –
О чём бы? (К наитьям я глух!)

«...В сарае из жёлтого камня
Живёт окситанский петух».

Он жёлтый, зелёный и красный –
Пестрей и других петухов,
И давних сражений напрасных,
И разных прошедших веков!
Блестят его перья, которые
Пестрей королей и царей,
Пестрей европейской истории
И южных базаров пестрей.

...Негоже с кувшинным – в калашный?
Но может быть тут, между рек,
В том доме с кубической башней
Живёт и осьмнадцатый век?
А глупый Людовик в Версале
Живёт и не думает чтоб,
Не дай бог бы, не услыхали,
Что «после него – хоть потоп»...

В Дордони же – точно ни слова
«О победе при Фонтенуа».
Заткнули «фонтэн» (из Пруткова) –
И вот от хвастливого слова
Осталось «уа» и «нуа»[3]:
(Да, гуси действительно бродят,
Орехи действительно жрут,
Прохожих действительно щиплют
И не за «кюлот» – за штаны!)

Следят друг за другом спокойно
(Уж так распестрились ись века!)
Два замка с холмов над рекой, но
Их и разделяет река:
В одном англичане засели –
Герои Столетней войны,
Французы – в другом (без веселий:
На что им соседи нужны?)

Столетья смешались однако!
А было ль? И так ли давно?
(«Ах, как это было давно»):
Однажды ядро из Бейнака
Влетело во двор Кастельно...
Не нюхал ни пороха, ни пуль ты?
Но быть тебе битым как раз
Булыжником с той катапульты
Что всё же – по выстрелу в час.

....

Но вечно ворчат, пробегая,
Две быстрые, мощные реч...
Ворчлива и та, и другая:
В глухом чернолесье плутая,
Живёт окситанская речь.
В величье лесного молчанья
На этих предвечных холмах
Французы тут и англичане
Не в замках живут, а в домах.

Людовика нет и в помине,
Тем более, Столетней войны,
Они подорвались на мине
Времён...
И давно не нужны:
(Все – временные, все – не нужны...)

Ведь короток век тополей, и
Слетают столетья, как пух –
Зато всех событий прочней, и –
Всех замков и всех королей, и
Как герб озаряя аллеи,
Тут шляется пёстрый петух –
Воистину вечный петух!

ЗЕЛЁНЫЕ СТИХИ

В зелёном, весёлом покое,
Когда бы не громкая птица –
Шуршанье покоя – такое,
С которым и сон не сравнится,
Когда бы не громкая птица
Над спрятанной в чаще рекою.

...И заросли влазят по склонам,
Не зная, что значит топор,
И сонные мальвы в зелёном
Висят над приречной тропой,
Могучая зелень покоя –
Над ней даже солнце – зелён...
И зе́лена пена левкоев,
И тень под твоею рукою...
Камланье лягушек такое...
В кувшинках – зелёновый звон!

А если и выторчит сонный
Репейник, сердит и лилов,
То медленно ветер зелёный
Всплывает из трав и стволов,
Смеясь, покружит над толпою
Зелёных серьёзных шмелей и –
Туда, где бредут с водопоя
Зелёные козы, белея.

В зелёном покое платана
Так весела музыка сфер,
Что «Вечный покой» Левитана
Тут был бы и мрачен, и сер.
В зелёных разгулах бурьяна
Тут нету богов, кроме Пана,
(Нет больше богов, кроме Пана!).
И эти два синих пруда,
Покрытые ряской зелёной –
Глаза его – весело сонны:
Смотреть не хотят никуда...

IX

АТЛАНТИКА

* * *

На сером краю промокшего мира,
Чуть смолкнут прибои, ветра и грома,
Смыкаются в тучах последние дыры,
Смягчаются острые скалы Пен Хира –
Их грани срезает, скругляет туман…

И всё: даже чаек не слышно в тумане,
А может, и чайки тоже молчат?
Но только прилив заиграет камнями,
И выдохнет шорох песчаных камланий,
Как все голоса наконец-то включат –

И вот нам расскажут – о чём небывалом? –
Те, разом порвавшие с немотой,
Те скалы…
Вот-вот – вал за валом – по скалам…
Но не́ о чем…

Брызги.
Прибой.

* * *

Па-де-Кале

Не мыс, а скорей полуостров,
Бегущая в воду земля,
На отмели – брошенный остов
Крошащегося корабля...

Он полуутоплен в Ламанше,
Забитый песком ненасыт...
И чайка над ржавчиной машет,
И что-то по ветру кричит.

Её бесконечные взвизги
Твердят над примолкшей волной,
Что это не судно, а призрак
Судьбы лицемерно-стальной:

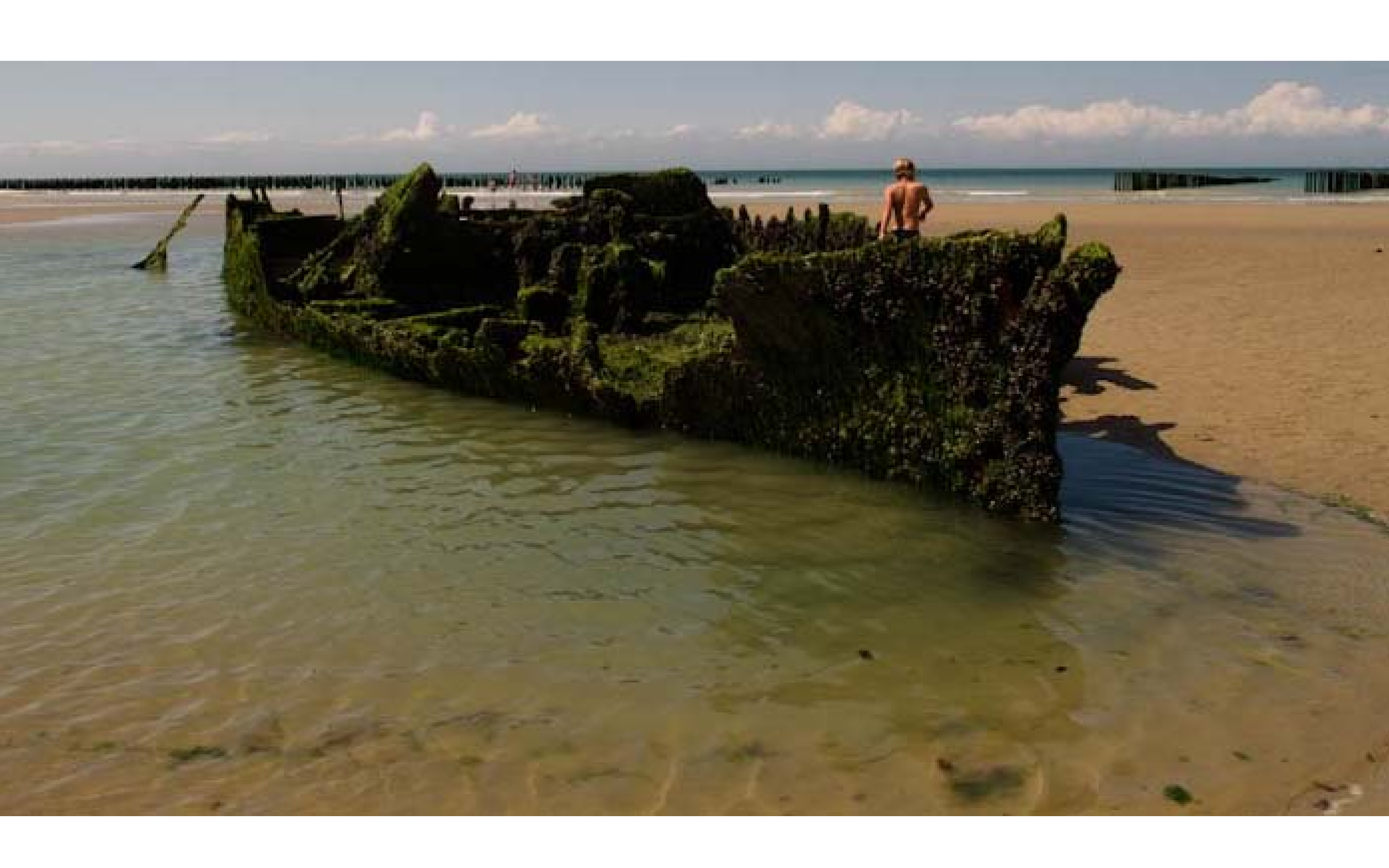
Эсминец, обшивки лишённый,
Страшней, чем разрушенный дом,
Чем остов сгоревшей машины,
Что тоже молчит ни о чём –

А тут... Проржавелая память –
Про то, что давно... далеко...
Моря раздвигал он боками,
Как в древние годы – «Арго»...
Паллада тогда наказала
Язона, и вот отчего
Тяжёлая память упала
С подгнившей кормы на него.

И чайке, наверное, ясно,
Над чем она там ни кружись
Что не для неё, так для нас-то
Синонимы – память и жизнь...

А это вот ржавое что-то
Напомнить пытается нам,
Что море есть суть поворота
К невнятному «дальше, чем там»,
Что вечно плывущая память
Подобна путям кораблей:
Не зря нас упорно к ним тянет,
Как к собственной жизни своей,

И ржавому остову ясно,
И пене, взлетающей ввысь,
Что пусть не для них, но для нас-то
Синонимы – память и жизнь.

СЕН-ГЕНОЛЕ

«Пен-ар-бед» (по-бретонски), и «Финистер»
(по-французски) – это «Конец земли».

Сейнеры, белые домики, синие ставни,
Гранитный маяк Сен-Геноле торчит из камней,
«Пен-ар-бед!» – чайки выкрикивают своенравно,
«Стой! – чайки предупреждают – Здесь – конец!»
Врут они, птицы морские. Не кончено это:
Врут, как горизонта растянутая дуга…
Знаю: за ней – чуть постаревшего Нового Света
Низкие и кленовые берега.
Там тоже белые домики (но не синие, а чёрные ставни),
И, повторяю, – от клёнов рыжие берега
В воду Атлантики серой уходят плавно,
Листва лихорадочной осени – янтарная курага.
И если ручную бурю выпустить из стакана –
Клёны, облетая, правдиво расскажут тебе про то,
Что вот там, за горизонтом, по ту сторону океана…
Но чайки и здесь предупреждают: «дальше – ничто!»
Врут они, птицы: где-то посреди – ещё Атлантида,
А за ней на скалистой, песчаной, серой земле,
За кормой отплывшего сейнера исчезает из вида
Угол Атлантики и Бискайи – Сен-Геноле.

***

Небо снизилось. Небо – немо.
Но упорно и незаметно
Отделяет землю от неба
Бесконечный язык ветра.

Только он один-то и может
Тут хозяйничать, растекаясь,
Потому что края моря –
Мир оставленный без вертикалей:
Ни ствола, ни куста – плоско.
Что ж удержит сию чашу?
Потому-то здесь так просто
Небо наземь ложится часто.
И могло бы лежать вечно
Надо всеми грехами земными,
Только длинный язык ветра
Простирается между ними.
Каждый камень кипит как чайник,
Пар ползёт в облака немо,
Подпирая и крылья чаек
И всё то, что осталось от неба:

Что-то тяжкое, в синих дырах,
(Устарела дождя ересь),
И когда б не столбы менгиров,
Раздавило б оно вереск!

Гомонят бакланы, кроншнепы
Их вдоль пены небо качает,
И когда б не скалы-кронштейны
Раздавило б оно чаек!

А сейчас и чаек разгонит:
Их возня всё глуше и глуше,
И когда б не пружины прибоя,
Раздавило б оно душу…

ВЕТЕР

Если б небу – где хочешь, (но не в этой пустыне),
Наземь вздумалось бы соскользнуть, скатиться,
Удержали б его на верхушках лесные
Атланты, колонны, кариатиды.

А на плоском – ветрам не забьёшь кляпа.
И не цапля плачет, не чайка стонет,
И не скалы торчат из воды, – шляпы
Рыбаков, утонувших стоя.

И не камень кипит – сатанинский чайник,
Хочет паром крыло обварить чайке,
Водяные, накрывшись волн плащами,
По сигналу ветра сбиваются в шайки.

Набегают на мыс с быстротой коня,
Огибая скалу и взлетая ввысь,
Стелют белые бороды по камням,
Потому что это – последний мыс.

Сквозь бегущие тучи солнце – блюдце.
Но они и его разобьют, наконец,
Оторвётся небо – камни в пену сорвутся,
И с земли сдует белый крахмальный
Бретонский чепец.

***

В желтом хаосе низкого дрока
Между клумбами синих гортензий
Бродит ветер морской, нетрезвый,
И скрипят деревянные кресла.
А какой-то – в рыбацкой шляпе,
За столом, среди синих гортензий,
Пьёт, квадратную девку облапив.
До чего ж она некрасива!
...Парусина. Свитер. Палитра.
Чашки глиняные темно-синие
И шуршанье желтого сидра...
Некрасивы и чашки эти,
И кувшин, и аляповатый
Мнущий кучи гортензий ветер,
Будто синие клочья ваты,
Некрасивы на блюде мидии –
Всё, что смотрится поодиночке...
А вот если вместе увидеть –
Тридцать строк в единственной строчке! –
Этот стих остановит мгновенье
И подарит девке сиянье,
Он погасит и ветер нетрезвый
И сердитого сидра шуршанье.
Озарятся клумбы гортензий,
Заблестит черно-розовым блюдо
От креветок и лаковых мидий,
Расцветёт в цветнике посуды
Вечер цвета заплаканной меди!

Ландевенек

* * *

Крикливы птицы бретонских скал.
Плывёт гнилая доска.
Отливу – песка таскать, не перетаскать,
Отлив, прилив, бесконечность.... Опять
Прилив отлив, тоска!

Водоросли – волосы
спящих каменным сном русалок,
(Смолкает гул, дробящийся о скалу).
Когда-то, в глубине, её бронзовое плечо моего касалось...
(Сползает шорох брызг с рыжих камней,
Торчит зелёное что-то, как плоский лук).
Но через всё – приглушённый топот коней!

Они там, на юге где-то. И это –
Доказательство, что километры – враньё!
Звуки угасли, осталось эхо,
(Только эхо того, что я когда-то слыхал,
Но оно – моё!)
Эхо – оно даже нематериальней тени,
Которую ветер только что колыхал.
Эхо прошлого – это завтрашний голос
Ещё не пробившихся на свет растений,
У серых и рыжих скал
На грани воды...

А я, давних столетий отлетевший осколок,
Когда ещё были кони, я к волнам ускакал
От берёз, от холода, от беды...

Ветер, будь добр,
Через пролив меня, как слепого, переведи!

Извини, у меня давно уже паруса нет...

ПЕЙЗАЖИ

Есть картины, которых никто никогда не писал,
И едва ли напишут…
Вот: чёрное что-то нигде… (Или где-то?)
И окошко. Одно. Далеко. В полной тьме –
Разделённые рамой четыре квадратика света…

Или солнечное озеро спрятано так среди скал,
Что не движутся даже круги на воде.
И вода неподвижней камней.
Вдруг пейзажи Моне разорвут невозможность
Неподвижности
Переделают зиму на лето?
Еле заметным колыханьем нимфей,

…Но не знаю когда. И не знаю где. И не знаю, чей
Вот такой например пейзаж:
Облачка – жестяные, наподобие скрученной стружки,
Берег – в злом узловатом дроке клонится к траве и к пескам,
Всё приземисто.
А над океаном шпиль одинокой церквушки
Разрезает шнурок горизонта напополам,

Повернёшься ли к морю спиной, и назад поглядишь –
Эти слишком тяжёлые камни, гранитные домики, плесь…
Плесень на черепице кривых и приземистых крыш,
И гортензий с ромашками странно-нелепая смесь…

Да. Пейзаж. Остановленный миг…
Ведь ничто на картине не сдвинется ни на йоту.

А вот звуки – бегучие, вроде мгновений, – не удержать,
Как заставишь на месте остаться слова или ноты?
Устремленье стиха (да и прозы!) –
не бумага: к столу не прижать…

НИ ОТ КОГО НИКОМУ

Перед бретонской церковью, гранитной серой,
Перед колокольней, узорной прозрачной,
Где фоном лиловые тучи – как стены,
На тяжелом прямоугольном постаменте кальвера
Знакомая евангельская многофигурная многозначная сцена:

Храмовые стражники тащат Христа на верёвке как пса,
Рожи римских солдат толпятся вокруг креста…
Да, деревенский художник лепил не без умысла это:
Соседям за что-то он так отплатил неспроста
(Не то чтобы карикатуры, – так, насмешливые портреты).
Ну, и себя не забыл, поместил в эту группу тоже –
Автопортрет вместо лика Христа!
А рядом – любопытных соседей разбойничьи рожи…

Всё на свете – портретно.
Но сегодня едва ли поймём, кто – о чём…
И не это ли нам хотели сказать
Мастера Ренессанса лицами напыщенных «неизвестных»?
Или, вот, – более полувека тому назад –
Фотография мальчика в курточке щеголеватой и тесной…

Ну, а Венера в Лувре, или внушительный Зевс в Эрмитаже?
Статуя – тоже посланье в будущее… Так что же нам
Могли бы дать истинные имена тех персонажей,
Если это чьи-то соседи, или чьи-то любовники даже?
Вон у Гейнсборо
Мимо глаз глядит неизвестная леди
                                        с громадного полотна…
Если все портреты, скульптуры
И всё прочее – просто посланья
В белый свет, как в копеечку? Вот и она…

Но ведь у Фидия или Рембрандта соседи имелись тоже!
И как бы узнать, пусть не адреса – хоть имена!
Ну отправитель, вероятно, – художник,
А кто адресат?
                            Так что же?
Вселенная, возможно, имеет форму вопросительного зна…
Но где знак ответа?
Не придуман ни для одной письменности и поныне!
Почему?

Так вот и бродят письма, изображенья
и прочие странники всемирной пустыни…
без отправителя, без адресата –
Ни от кого никому…

Портреты на стенке музея толкутся, как на поляне овцы,
Но даже у овец есть иногда имена…
…Эта рукопись, может, и не сгорит,
Может, даже в какие архивы прорвётся…
Но толку-то что, если каталога нет,
И никто его не сотворит?!

ЛОКРОНАН
(Финистер, западная Бретань)

Городок двухэтажный гранитный,
И гранитный тяжёлый собор...
Монотонным кубическим ритмам
Подчиняется каждый забор,
Каждый дом из камней тёмно-серых
С амбразурами окон в стене
На соседний похож и размером,
И гортензией в каждом окне...

Будто кто-то сложил этот город
Тут, из кубиков, в день или в два,
Взгромоздил так немыслимо скоро,
Что за ним не успела трава,
Что четыреста лет в самом деле
Для строителя в час или миг
Стайкой чёрных ворон пролетели
Над камнями кривых мостовых,
Вдоль десятка тех улиц мощёных,
И обкаркав с обоих боков
Ерунду сувенирных лавчонок
И придавленный свет кабачков.

По всему невнимательным глазом
Ты скользнёшь и уйдёшь?...
Что ж с того:
Этот город запомнится разом,
Не отделаешься от него.
Память всю о граните и вздоре
Вновь уносишь, не ведая сам,
Что клочки твоей личной истории
Прилипают к гранитным домам.

БРЕТАНЬ, ЗАЛИВ ДУОРНАНЭ

Тени чаек проползают как-то криво,
А совсем не пролетают над песком.
Двое тут на белых досках – средь залива:
И один из них с байдарочным веслом,
А другой, как гондольер, гребёт лениво,
Словно к столбикам причала за углом.

Только нет ведь ни причала, ни канала.
И куда там направляется доска?...
Здесь повсюду – бесконечное начало,
А конца и не предвидится пока...
Только где-то с морем слиты облака.

Есть потребность облаков в пустом пространстве,
И неважно, Одиссей ты или Кук, –
Ибо всякому нужны пределы странствий,
Точка отдыха для взгляда и для рук!

Хоть смотри из Коктебеля в волны Понта,
Хоть с моста у Сан-Франциско – так сильна
Непонятная потребность горизонта,
А бескрайность почему-то не нужна...

***

...Это – о лете?
Гул океана.
Гул океана.
Эхо от туч.
Зелены сети,
Мокры и рваны.
Косо пробившийся
Бледный луч.

Чайка торчит
В асфальтовом небе.
Скала торчит –
Углом доска.
Песок – паркет.
Тучи – мебель.
Гул океана.
Шурш песка.

Гул океана –
Грубая туба:
Не выживают
Ни сакс, ни кларнет.
Гул океана
Глушит и трубы,
А уж о скрипке
И речи нет.

Гул океана,
Гул океана.
Дробь барабанная
Бьёт дождём...
Ветер –
Партия большого барабана.
Ветер к финалу
Готовит
Гром...

ЦЕРКОВЬ У МОРЯ

В пустоте шуршащей вся – от шпиля до дверей,
Распахнутых к морю близкому…
На истёртых плитах отраженья витражей
Дрожат опадающими листьями.

В зеркале отлива деревенский этот храм –
Опрокинутая в море вера, –
Каменные призраки расселись по углам:
На каждом из углов – химера.

Может люди вовсе никогда и не придут?
В зеркале песчаном химера лает,
И дожди, и ветры ей бока грызут,
Распахнутая пасть не умолкает:

Бесчувственно небо –
Ни надежд ни вер,
И не отделить от были небыль…
Химера выветренная – морду вверх –
Облаивает бессовестное небо…

Бретань

НА КРАЮ...

Тут нет ни чёрта ни бога,
Горизонт ли, берег – ничей
Только голосом демагога
По гальке – болтливый ручей,
И не разобрать ни слога
Из его бесконечных речей…

И пена его белеса –
Нет в воде отраженья леса.

Бретань

X

ЛУАРА

СОНЕТ БЕРЕГАМ ЛУАРЫ

Париж мы видим оптикой Бальзака,
А Ларошель – через бинокль Дюма,
Пруст, не своди длиннотами с ума!
А вот Рабле – не надоест однако,
К тому же до него теперь от нас
Каких-то два часа по автостраде…
И вот уже Шамбор в лесной ограде,
И триста башенок – игра для глаз

Ну, как бы поболтаться с вами там,
В кружке двух Франсуа (и многих дам!),
Развлечься трепотнёю Маргариты,
Ответить на сонеты Дю Белле…
Пока течёт Луара по земле
Не будут наши козыри побиты!

РЕКА ВРЕМЁН

«Увы, где прошлогодний снег»
Франсуа Вийон

Уж так устроен мир – не отмотать столетья.
Обратно в облака тот прошлогодний снег
Не всыпать. И рубец не лечат той же плетью.
И сколько ни шагай против теченья рек,
А не отыщешь… Прав был некий древний грек!

Но кто нам объяснит теперь, что время – странно?
Что каждому лицу найдётся антипод:
Во встречных зеркалах Лукреция – и Жанна.
А кто из них есть кто, сам чёрт не разберёт –
Как мысль невнятная, Река Времён туманна,
В любой излучине – событий разворот:
Звенит калейдоскоп по берегам Луары,
То светлых башен лес, то из деревьев лес,
Скользит квадратом тень от паруса габары
По отражению бесцветных, низких, старых
Не южных, но ведь и – не северных – небес…

А между тем вся медь с каштанов облетела
На кучку злых руин, не ждущих перемен,
В Шинон, где восковым фигурам надоело:
Когда же, наконец, – штурм орлеанских стен?

Анжер высокой неприступностью морочит
Мушкетов, алебард и пушек кутерьму,
Он – толстых башен строй, он связкой чёрных бочек
Шестьсот весёлых лет топочет по холму.

Вот быстрый узкий Шер затерян в низкой чаще,
Парк Шенонсо зарос (тут фея – ни при чём!),
Дворец шести принцесс (не говоря о спящей)
Взлетает над рекой, цветами и мостом.

В аркадах шум воды, и рваными кругами
Пороги пенятся, играя с берегами.
Так гулкость галерей резвится на мосту,
Что ветер, суетясь и цветники ругая,
С платанов сдув листву, взлетает в пустоту:

А в небе – Амбуаз, и над водой так низко,
Вдруг тучку пронесёт, в расстеленном огне:
Мелькнёт закатом тень летящего Франциска
На сером в облаках (и в яблоках) коне.
И контур островка вдруг исказит бескровный
Над жёлтой над водой слегка скользнувший свет,
Минуя холм крутой с возвышенной часовней,
Где Леонардо…(Впрочем, может быть, и нет?)

Запутался в кустах и в мелколесье вздора,
На отмелях шурша, столетий мутный вал,
И в глубине лесов, где ноет мандрагора,
Вдруг – шахматный паркет гранёного Шамбора,
Вертлявых башенок бессонный карнавал.

В прозрачной вышине – аркады и колонны.
Над жёлтой крутизной взлетающий Блуа –
И шпилей тонкий взлёт, и первый взлёт Вийона,
И где-то хлопанье крыл спугнутой вороны,
И рифмой ко всему – король Гаргантюа.

……..

Безвестный кабачок на склоне пожелтелом,
Где римский акведук над старицей висит –
Тут подают всегда к столу речную мелочь,
Зажаренную так, что на зубах хрустит…

XI

НА ПАРИЖСКИХ УЛИЦАХ

***

Париж не бывает без парижан.
Петербург, или Рим
Можно увидеть торжественно пустыми,
Неважно, асфальт на площадях,
Или они заросли травой...

Есть ещё древние города,
Что на ночь даже меняют имя,
Но Париж и на миг не станет Лютецией,
Хоть волком вой!

Может он – населённей других, –
Без людей и минуты не обойдётся?
Да что там! – Не обойтись ему без сорок и собак...
Даже питерские сады можно вырезать из города
И рассматривать отдельно,
Как в телескопе, или в глубине колодца,
А здесь – ничто и ни от чего не оторвётся никак!

Многие города хочется увидеть пустыми,
                                        Ну, хоть для разнообразия,
А с Парижем этого не случается никогда.
Потому что канун праздника всегда важней самого праздника:
За столиками тут сидят на улицах хоть в жару, хоть в холода.

Все – зрители. Все и всегда ожидают
Уличного внезапного действа. Недаром
Спектакль без начал, без концов идёт и идёт...
Смена картин бесконечна –
По проезжей, или по тротуарам
Хоть клошар, хоть роллс-ройс,
Хоть целующаяся пара,
Хоть букинист, или цирковой ослик –
Кто-нибудь да пройдёт!

Вот и Карл Великий верхом. Два рыцаря пеших рядом -
Оливье с секирой и Роланд с мечом по имени Дюрандаль...
Весенние, ещё медные, тополя кажутся вечным садом,
А минутность бумажных корабликов Сена уносит вдаль...

Кто-то встаёт, кто-то садится... Столики не пустуют,
С каждым мигом сменяют зрителей и набережная, и бульвар.
И беспрестанным припевом стукаются о мостовую
Эхом у каждого кафе: «Бонсуар», «Бонсуар»...

Да, если постараться, можно увидеть пустыми,
Величественными силуэтами многие города,
Даже такие, которые втайне на ночь сменяют имя,
Только с Парижем этого не случается никогда.

BRASSERIE

***

И всё сидят, дымят в кафе студенты
И говорят на разных языках.
Официант протиснулся вдоль стенки
С подносом переполненным в руках,
Там громоздятся чашки Вавилоном…
Кафе шумит.
Нет, тут определенно
Нет из моих знакомых никого:
Меня видали в обществе Вийона,
И в обществе Катулла до того,
А в Петербурге…
Но помилуй Боже,
В какой коктейль смешал Ты времена!
Кафе, таверна и кабак похожи,
И безразличны столик и страна,
И разницу между «тогда» и «ныне»
Не объяснить – слов подходящих нет…
Вот Вавилон – руина на руине,
А мне всё те же девятнадцать лет.
Не убраны осколки Вавилона?
Да мало ль битых чашек на столах!

. . . .

Сидят и давят ложечкой лимоны
И говорят на разных языках.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ О ПОГОДЕ

1.

Туман в Париже течёт с каштанов и с Пантеона.
Он серый – серую Сену лижет тихо и сонно.

Давай зигзагами через реку идти мостами.
И каждый раз будет новый берег перед глазами.

Он постепенно к нам из тумана кусками зданий…
Он постепенно кусками зданий к нам из тумана…

Окошко…дерево… между ними, наверно, пусто –
Одни фрагменты – и не собрать их в одном экране.

Одни фрагменты. И не включаются в ткань романа.
То выступают, то исчезают: страницы Пруста.

Мир фрагментарен. И не выстраивается томами.
Туман в Париже… И не собрать их…
Париж в тумане.

2.

Мистраль в Марселе.
Порывы воют,
Порой срывая с окошек ставни,
Весь день он ухает без сна совою, – не перестал ли?

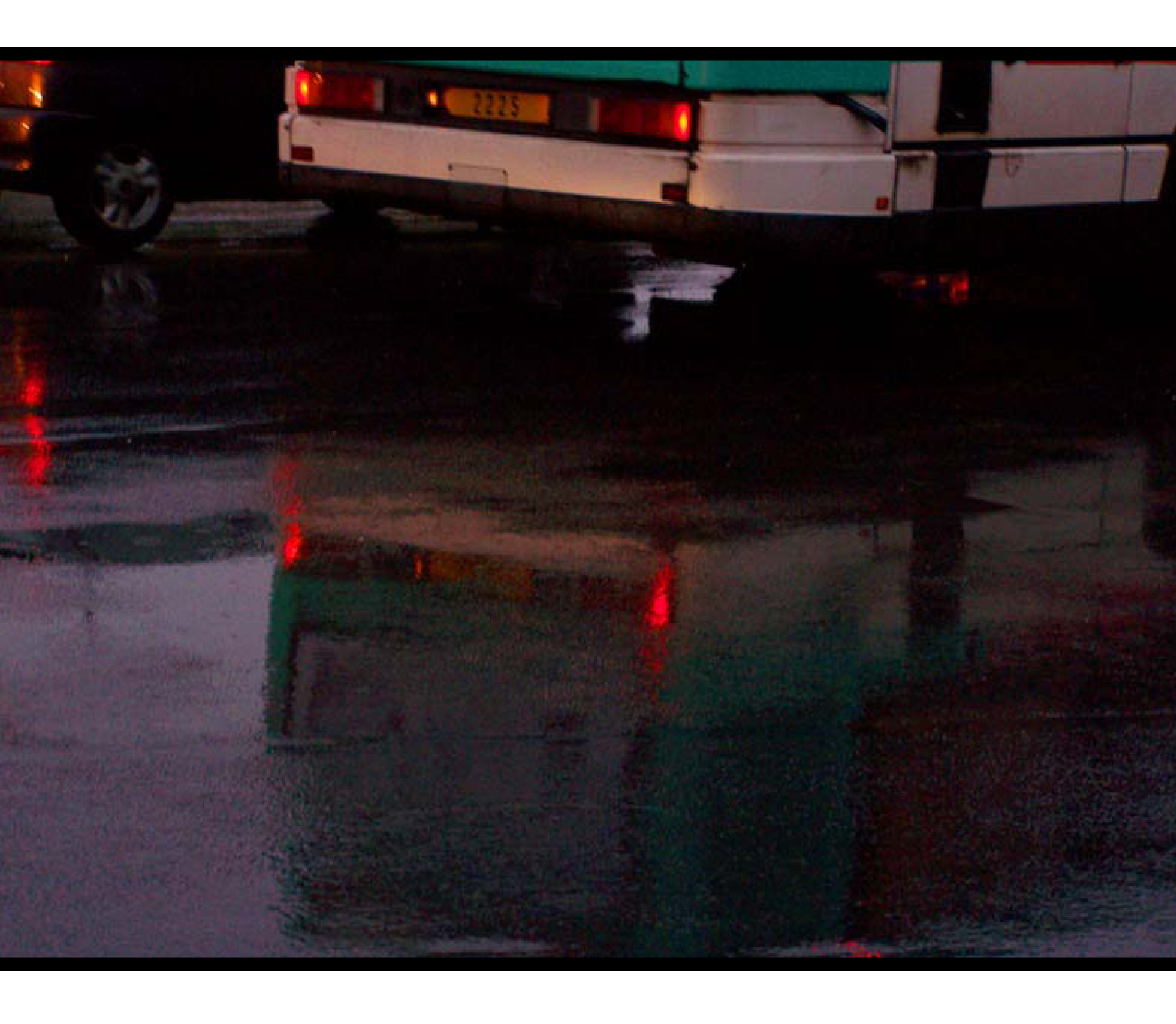
Нет: чашкой пальма кверху свернётся,
как старый зонтик, –
Пространство временем обернётся
на горизонте.

А время целится бесконечностью стать…
Оно-то
Крутясь, беснуясь, собой заполнит в тебе пустоты,
В любые трещинки оно вотрётся, в любые раны…

В Париж вернёшься – в тебе мистраль, а кругом туманы,

В Париж вернёшься – мистраль с тобою, и не стихает,
И время пойманное застревает между стихами!

2225

***

Мокрые асфальты удваивают город,
Даже Гранд-Оперы – и тех две...
Только та, что на асфальте, шинами распорота
И обрывки маются где-то там, в воде...

Не отстанут от автобуса квадраты окон,
Их ему никак ни прогнать, ни оттолкнуть.
Плечи рыжих конвоиров – с каждого бока –
Кем-то обречённых на мокрый путь,

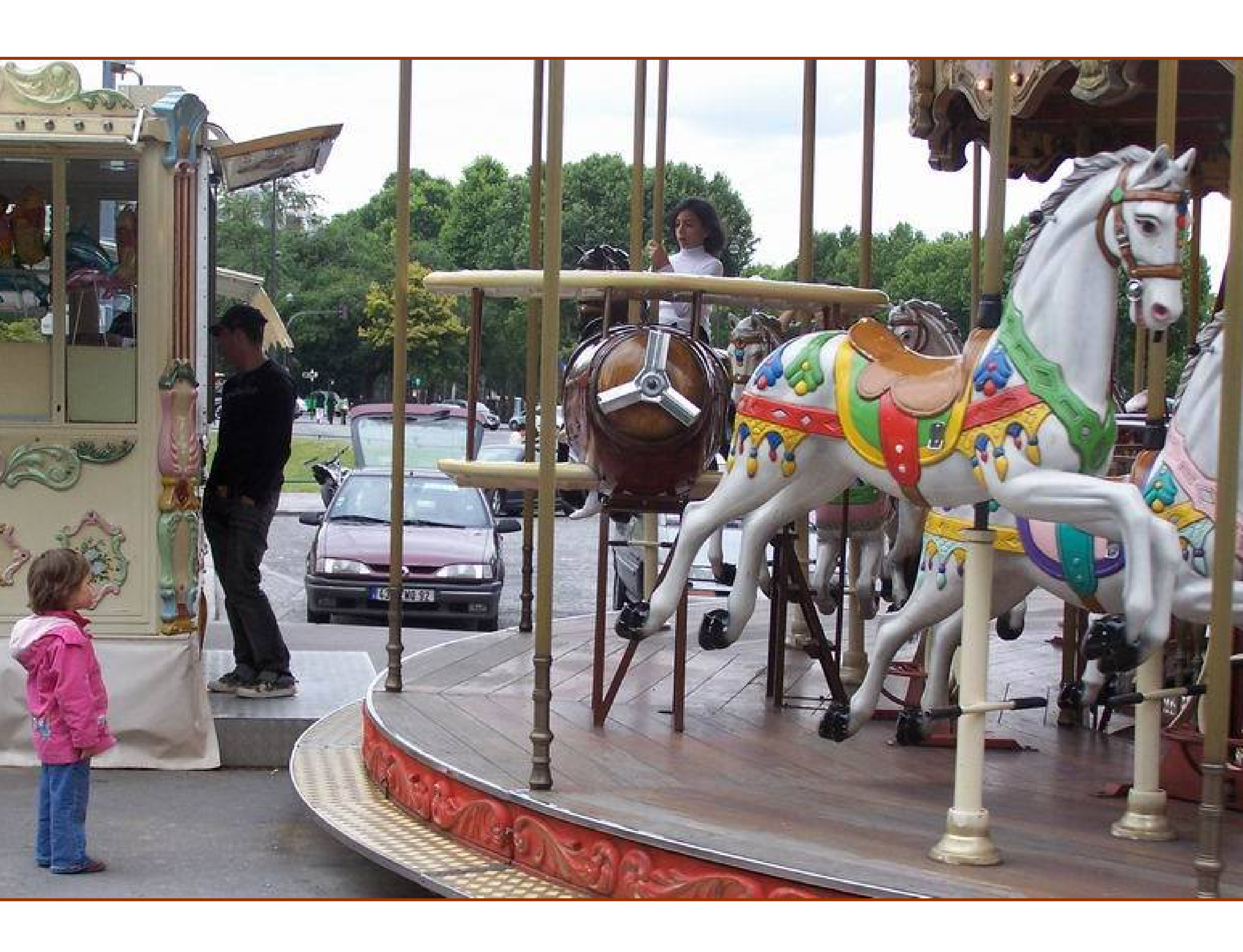
По два алых мака – за каждой машиной –
Бегут, останавливаются, не тонут – и опять...
А тюльпаны, жёлтые, как женщины у Шилле,
От грузовиков напрасно пробуют удрать.
Верхний город строже, отражённый – тревожней,
Но в него невозмутимо скатывается вода.
А что дождь холодный – не фотограф – художник
Брызги, разлетаясь, не поймут никогда...

***

Шарманщик стоит на углу у Мадлен,
Хриплые вальсы крутит
В калейдоскопе окон и стен
И голых платановых прутьев.
Сидит на шарманке дымчатый кот,
Рыжая такса зевает и ждет...
Тяжелый, старинный, сверкающий вальс
Крутится над головой –
Он – не для нас и не для вас...
Постой, постой, постой...

Жёлтым высвечен Эйфель – он косится вдаль,
И соломенным кружевом кажется сталь,
Над мостами – пунктирные дуги огней,
Под мостами – кружащийся отсвет теней,
И тяжелый, как Сена, сверкающий вальс
Раскрутился над головой –
И пускай не про нас, и пускай не про вас –
Постой, постой, постой!

НО ПАРИЖ, НО ПАРИЖ –
Под шарманку кружишь,
Отраженный жонглирует свет,
И мелькают, вращаясь колонны Мадлен
В ярком калейдоскопе и окон и стен –
Где же лучше?
Или там, где нас нет?
Но – старинный, тяжелый, сверкающий вальс,
Но – шарманщик,
хоть он – не про нас, не про вас,
Но – вращаются над головой
И огни, и мосты, и река, и коты –
Постой, постой, постой...

***

Как только закат натолкнётся с разгона
На арки мостов, и оближет бульвары,
Подгнившую славу со стен Пантеона
Смывают весёлые жёлтые фары.
По стёклам кафе, в их верандах торчащих,
Играя на меди торшеров старинных
Прекрасной эпохи (почти настоящих)
Крошась и ломаясь в зеркальных витринах,
Они пробегутся, исчезнут и тут же
В глаза на мгновенье сверкнут торопливо,
Связав, словно молнией, белую тучу
С клубящейся пеной пивного разлива.

АД ВОРОНИЙ

Среди небоскрёбов и дождь сильней –
Уж не сама ль высота намокла?
Всё вертикальней, и всё длинней

Над стёклами стёкла, и только стёкла,
Сужаются стены с двух сторон:
И сквозь провода, сквозь чёрные коконы

Город не выпускает ворон.
Внизу отражается шум машинный,
Всё вертикальней серый бетон:

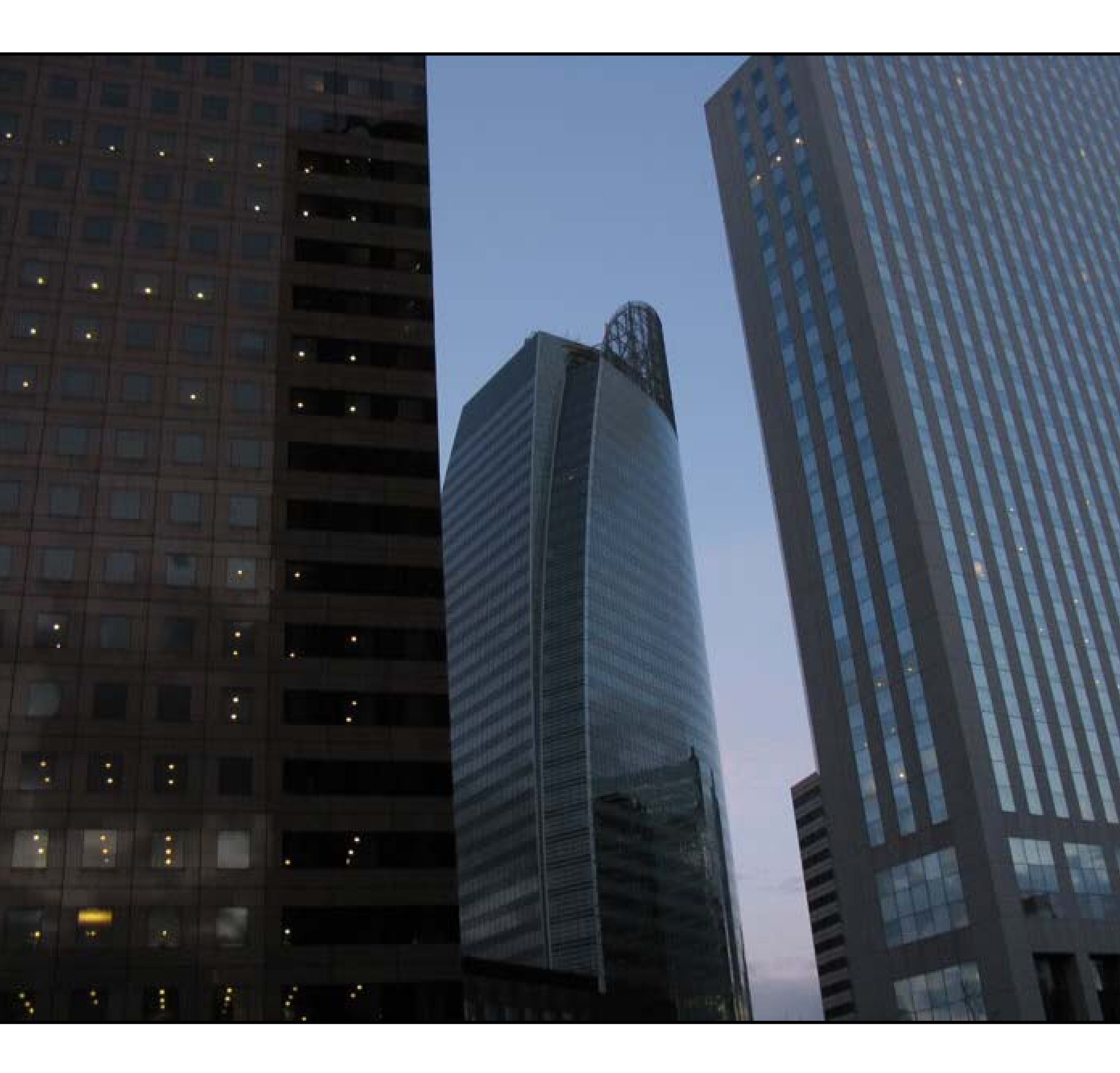
И сколько крыльями ни маши тут,
Никак в открытое небо не вырваться!
Или чёрный наряд так халтурно пошит,

Что воронам кажется – они выродки?!
Ещё хоть один этаж бы, – но стоп:
Стены опять как будто чуть выросли,

И тросы вроде парашютных строп...
Но ведь не крылья у них ослабели,
Тянется ввысь как гриб небоскрёб..

Ещё чуть взлетели, еле-еле,
Ну, где там прекрасная пустота?
Стены, сужаясь кверху, обсели...

И силы в крыльях уже нехвата...

ОТРАЖЕНИЯ

Дул оркестрик из семи бродяг
Всею медью желтизны осенней
В медь листвы, внизу, над жёлтой Сеной,
Окунувшейся в прозрачный лак, –
Город в трёх раструбах отражаясь,
То в валторне, то в трубе вращаясь,
В медных горлах спрятаться спешил.
Разворачиваясь в трёх воронках,
Три Парижа разлетались звонко,
И плясал над чёртом Сен-Мишель!

Так плясали троицей латунной
Геликон, валторна и труба,
Что почти не слышны были струны
И неопытной, и слишком юной
Скрипки.
Так была она слаба.

А кларнет хихикал из Брассанса,
Бéкала валторна, как баран,
И двусмысленностями бросался
Непристойно алый барабан,
Но аккордеон взрывался Брелем –
И опять раструбами горели
Блики на танцующей трубе,
В отраженьях искажался кто-то,
Но узор балконов был – как ноты,
Вызов посылавшие судьбе:

Так цвета играют ветром. Так
День домам расписывает спины,
Так звучит листва, уткнувшись в стены,
И на нижней набережной Сены
Тот оркестрик из семи бродяг…

А когда каштаны отзвучали,
И остались чёрным голяком –
(Будто бы мундиры их украли!) –
Осень, скручиваясь по спирали,
Вся втянулась в медный геликон…

БЕДНЫЕ РИФМЫ

Бульвар Сен-Мишель, январь 2010.
Фонтан забыли отключить, и он превратился в огромный ледяной куб…

На тень Люксембургских аллей,
На площадь Эдмона Ростана
В недвижном железе тумана
Соскальзывают непрестанно
По льдине на шее фонтана
Косые снопы фонарей.

Зря ёлки у старых церквей
Мигают в весёлую тьму
Тем рожам пустого фонтана,
Который зиме – ни к чему!
Смеющийся камень – кому
Дурное веселье? Нет – хуже,
Хохочущий каменный ужас:
Ну, как подмигнуть никому
В недвижном железе тумана?
Огни ускользают во тьму,
Сползают искристо и сонно
По льдине на шее фонтана.

Под куполом у Пантеона…
Недвижность странна и бездонна
Для маятника Фуко,
Скользившего прежде легко
Под куполом у Пантеона…

Недвижность сегодня – бездонна,
Весь мир шевелиться устал…
На рожи пустого фонтана,
Стирая их мимику, встал
Подошвой, искрящейся сонно,
Кривой и огромный кристалл…

Всё – камень. Всё – лёд. Всё – металл.

BOOKS
SHAKESPEARE AND COMPANY

«ШЕКСПИР И КОМПАНИЯ»

Памяти Жоржа Уитмена,
знаменитого парижского букиниста,
создателя и хозяина магазина
«Шекспир и компания».

Весною сумерки ленивы
И не враждебны никому,
Деревья в воздухе парят и
Осколки позднего заката
Со столиков сметают тьму,
Витрины отражают криво
То бледно-розовых тонов
Бокалы – чашечки цветков –
То жёлтым расцветает пиво,
Махровый цвет бордо – бордов,

А рядом – магазин Шекспира
Почти столетье – в центре мира...
Где цвет магнолии лилов...

Хозяин был незаморочен,
И добродушен, и речист,
И хоть Уитменом он звался,
Верлибрами не развлекался
И сразу мог понять кто хочешь,
Что он – Шекспир и Букинист,

Вокруг паслись стада поэтов,
И всякий что-нибудь читал,
Там сто один язык звучал,
А он? Как слушал он всё это?
Хоть языков, как будто знал
С десяток, может быть, всего-то...
Он в центре лавочки сидел
И был похож на Дон-Кихота,
И курицу с бумажки ел....
....

Пестрит витринное окно,
И всё, что в нём отражено –
Мозаика души Парижа –
Сквер. Нотр-Дам. Река. Вино.
И корешки старинных книжек...

«А МУЗЫКАНТ ИГРАЕТ»

Над набережной – и грохот, и свист,
И машины в пробке ворчат,
А в кафе в глубине бренчит пианист,
И не в такт то бокалы, то вилки звенят,
Что-то там из Брассанса бренчит пианист,
Как бренчал четверть века назад...

Самых разных людей ход минут, как вода,
Заносит в широкую дверь...
Иным из них было по 20 тогда –
Разве их узнаешь теперь?

Может, те, кого я никогда не видал,
Наполняют город?... Да нет...
Наверно, я многих из них не узнал –
Им ведь было по 20 лет,

Да, пожалуй, и взгляд его был поживей,
А джинсы – темней, синей,
И казалось, не пел он, как соловей,
Обращался попроще с ней...

Это всё же – они. И совсем – не они:
Вон у стойки стайка ребят –
Им начхать, что рояль, что посуда звенит,
У мальчишек такой бесшабашный вид,
И девчонки как птицы галдят.

А рояль – то слишком громок, то тих,
То вновь перекрывает зал...
Ну, конечно, я тут же сидел среди них,
Только попросту их не узнал!

Ну вот этот – я видел его молодым?
Так одежда сменилась, быть может?
Вроде, рыжим он был, а сегодня – как дым,
И вон та мне знакома тоже!

Только их ли я знал четверть века назад
На закате июньского дня,
Когда здесь со стаканом пива Булат
Сидел напротив меня...

Пианист играет, и – ни концов
Той музыке, ни начал…
И кажется, что его лицо
Я никогда не видал!

А присмотреться к его рукам –
И спокойствие, и тревога,
Белые… чёрные… Знаю – там
Белых больше, да ненамного…

И ничуть не сутулей его спина,
Оседает в стаканах пена,
И звучат зубастые времена –
В них проскакивает то Брассанса струна,
То вдруг что-нибудь из Шопена…

Да и что мне – этот кафешный зал:
Ведь со всех, кого я так давно не видал,
Времена и пылинку не смыли:

Все остались такими, как были.

НА ПЛОЩАДИ КОНТРЕСКАРП

Давно – ноябрь. Но тут перед кафе
Всё столики торчат на тротуаре
И газовых зонтов-обогревалок
Не ставят прыткие официанты…
Сидим как летом…Только неохота
Пить пиво – даже «гинеса» не надо!
Вон рядом подогретый «лёвенбрау»
Цедит компания весёлых немцев
(все – по произношенью – из Берлина).
А мы пьём кофе… Значит, всё ж зима
Исподтишка приблизилась к Парижу…
Хоть ирисы на площади цветут,
И даже сумасшедший рододендрон
Расцвёл с чего-то на смурном газоне…

Из-за окна напротив – чья-то кошка
На нас глядит… Не на часы в кафе –
На нас!
А впрочем, что ей торопиться?
Ведь вот законсервировалась осень,
И значит, март уж точно далеко.
Ведь даже листья эти под ногами
Болтают с теми, что ещё в ветвях.
И в шёпоте качаются ритмично.
Как маятники… Только Время с места
Не сдвинуть им…

А кошка наблюдает:
Навес кафе – как падуга над сценой,
Ей представляется, что мы – актёры,
А то, что зрители одновременно,
Ей невдомёк…

Вот так и наша кошка
В узорном пригородном ноябре:
Пусть вместо человеческих комедий,
Когда-то там Бальзаком сочинённых,
Ей достаются мультики сорочьи,
Зато – все время смена декораций:
То дождь косой, то пёстрый шум листвы…

А этой – полосатой и пушистой –
Тем более тут есть над чем подумать:

Ведь целый день сменяются актёры,
Хоть декорация одна и та же,
Но в экспрессионистских зеркалах
Дробясь...
А из-за стойки, в глубине,
Где моют чашки, – даже джаз какой-то...
Он тоже иногда умеет «МЯУ».

***

Запахом свежего хлеба и кофе
Отличается утренний город от вечернего,
И ещё угасающими цепочками огней…
А вечерами – в застывшем равномерном свеченье
И дома почему-то видятся в профиль,
И запах бензина – куда сильней.

Но уйдя из улиц, люди, как боги
Зажигают в сумерках за окном окно,
И превращают вопреки дневной тревоге
Не воду – кофе в золотистое вино.

***

Тут жил когда-то Эрнст Хемингуэй…

На маленькую площадь какой-то чудак
Из распахнутых настежь кривых дверей
Хромое пианино выволок не без труда…
Танцуют люди на площади в зимние холода,
И звяканьем посуды аккомпанирует кабак,

Под музыку шестидесятых соскальзывают с лица
Тени, отступая перед призраками тех лет,
Прорвавшимися сквозь ртутный сиреневый свет,
Под звёздным потолком минутного дворца.

Музыка, без сожалений растеряв обрывки слов,
Скругляет у квадратной площади углы,
Из сквера выходят кленовые стволы,
И смешивается с людским
танец стволов.

Разлетаются куда подальше чёрные дрозды –
Оттого, что вальсу – ни начала, ни конца…
Но никто не замечает рождественской звезды
На звёздном потолке минутного дворца…

* * *

Огни всё глубже тонут в лужах,
Лучи всё медленней дрожат.
Уж вовсе ничему не служит
Их отражений рваный ряд,

Уж вовсе никому не светят
Пустые дубли фонарей:
От плачущих фантомов этих
На улице ещё мокрей.

И никакого нет резона
Своим же отраженьем быть,
Чтоб в отражении газона
Свой зыбкий профиль утопить.

XII

В ЗЕРКАЛАХ

ОСКОЛОК

Зеркало облаков не отражает,
Зеркало облака приближает...

Вот лежит под кустом коринки
Угловатый осколок никчёмный, и
Шевелятся в нём листья ивы,
Или гроздья какие-то тёмные.
Пропорхнёт ли бабочка криво –
Отражённо, случайно, мгновенно
Лист слетел! Значит – мимо памяти,
Значит он из того, что бренно:
Вот проплыл, и забыт природой.
И сметён случайной погодой...

Отраженье скользнёт, сомнётся...
Шевельнёшься? Смотри не сотри!
Как его удержать?– «Раз, два, три –
Вдруг – из детства, вдруг – из колодца
Всемогущее нечто вернётся –
И магическими словами,
Чем-то вроде «застынь»? Нет: «замри!»
Превратит отраженья в память.

А что в память вошло – не изменится,
И не сузится, и не растянется...

Как старинное фото останется...

В ЗЕРКАЛАХ

1.Шенонсо

Этот замок на длинном мосту,
Эта архитектурная блажь
Не отбрасывает в пустоту
Берегов травянистый мираж.

Колыханье прибрежных трав
Незаметно в себя впусти –
И разбега реки не прервав,
Взглядом в прошлое сможешь войти.

Ведь пейзаж фильтруют года:
Вдруг покажут пустую тропу:
Отраженье в реке иногда
Отфильтровывает толпу.

В отражении – никого,
Хоть по берегам и полно.
Отраженье реальней того,
Что бывает отражено!

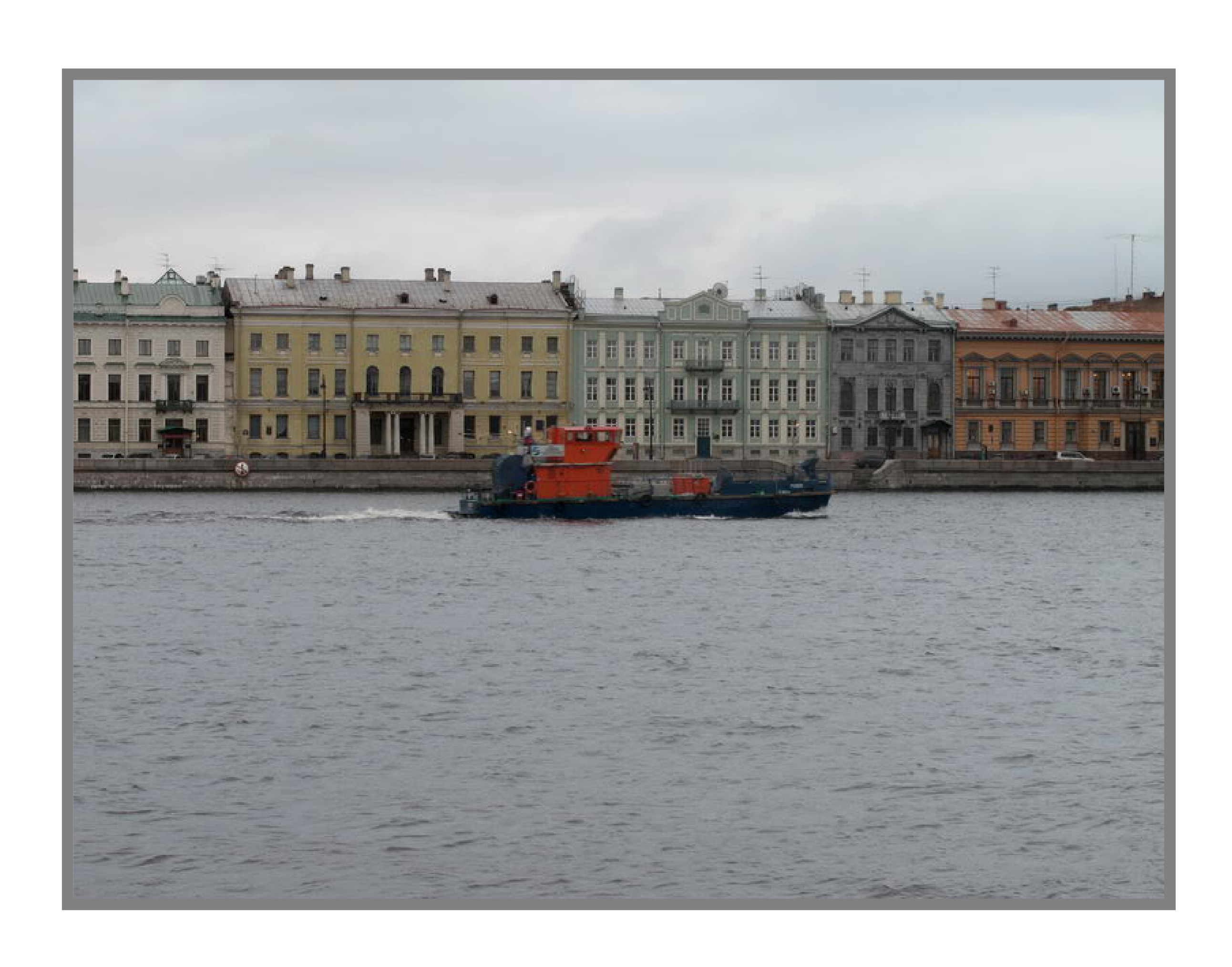
Сквозь излом капризный, речной
Ты увидишь дворец иной…

Эту повесть ушедших лет
Разглядишь – только б на берег сесть…
Впрочем, если её и нет,
Иногда чего нет – то есть.

2. Над Невой

Я не знаю когда и где
Вижу то, чего больше нет…
В чуть колышащейся воде
Возникает движенье лет.

Петербург на Венецию, нет,
Ни один уголок не похож,
И зачем повторять этот бред?
Эту, с виду красивую, ложь?
Острова – хоть туды-сюды,

Но Нева – не канал – пролив!
А лагуна или залив –
Предсказанье большой воды.

Там, где питерский строй колонн,
Там, где стены желтее крон
Незаметно всплывут со дна,
Вдруг меж ними мелькнёт белизна
И в Неве – Ка-д-Оро видна!

Разгляди же дворец иной
Сквозь изломы и рябь зыбей –
Раздробится свет фонарей,
Остающихся за спиной.
И темнея, Нева отразит
Берегов трёхсотлетний вид.

Ведь порой удаётся пробить
Отраженьем глубинный сон,
Разыскать незаметную нить,
Чтобы взглядом дворец возродить
Тот, что сотню лет, как снесён!
И тогда убедится глаз,
Что поверхность воды для нас
Сохраняет архивы времён!

3.

Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья…
Георгий Иванов

Игрушки крашеных дворцов
Венеции и Петрограда
Окажутся едва ли рядом
В альбоме…
Ведь в конце концов,
Искусство – вид амбарной книги,
В которой каждая строка
Отдельна, вроде как доска
В заборе…
Так коней квадриги,
Пусть и на фоне облаков,
Видны на крышах далеко…

Два встречных зеркала для многих
Тупик, устроенный судьбой...
Нет! Мысль приходит в диалоге
Хоть с кем-то, хоть с самим собой.

Так вот – на тему повторенья:
Представь – друг с другом говорят
Два зеркала (чёрт будет рад
Сбить без малейшего сомненья
Монэ и Фрагонара в ряд,
Или воткнуть в стихотворенье
Среди обилия цитат
О вредности цитат трактат...)

Но в зеркалах во встречных рожи –
Бесчисленны! Зеркальщик пьян?
Или сам Демиург, быть может:
Что лужица, что океан,
Да и окно – одно и то же.

Ты с чьей-то строчкой был знаком,
И вот случилось повторенье,
Но стало ль зеркало стишком?
И кто ж предстанет дураком?
Кто оказался чьей-то тенью?

Нет! Что с того, что отраженья
Грозят друг другу кулаком?
Всё двигается без движенья,
Раз зеркала одно в другом,

Всё повторяется кругом,
И у задачи нет решенья...

XIII

РИМСКОЕ

АВЕНТИНО

В центре Рима
В центре мира
Есть квадратный сад,
Он навис над центром Рима,
Зеленью неистощимой
Ослепляя взгляд,
И повсюду апельсины
На ветвях висят,

Этот холм над Римом выше,
Остальных холмов.
И внизу желтеют крыши
Городских домов,
Купола соборов – мимо! –
Где-то там торчат,
И висит над центром Рима
Апельсиновый, незримый
Колдовской квадрат,

И на древние руины
Глядя с высоты,
Там катают апельсины
Всякие коты:
Серый, чёрный, рыжий, белый,
Наглый, робкий, хитрый, смелый...
В мире рыжем и зелёном не хватает слов
Описать неторопливо
Это истинное диво –
Волейбол котов.

Рыжим по уши заляпан,
Каждым когтем прав,
Некто катит рыжей лапой
Солнце в гущу трав!
Разбегаются кругами
И шуршат травой
Апельсины под ногами
И над головой.

Так висит над центром Рима,
Но от Рима спрят...

Апельсинами палимый,
Котьей мудростью хранимый,
Яркий, праздничный, незримый
Колдовской квадрат.

И проходят люди рядом:
Низкая стена,
А калитка, что из сада,
Вовсе не видна.
За калиткой вниз дорожка
Сто шагов едва...
Видишь, пробежала кошка?
А ещё пройдешь немножко –
Деревенская дорожка,
Меж камней трава.

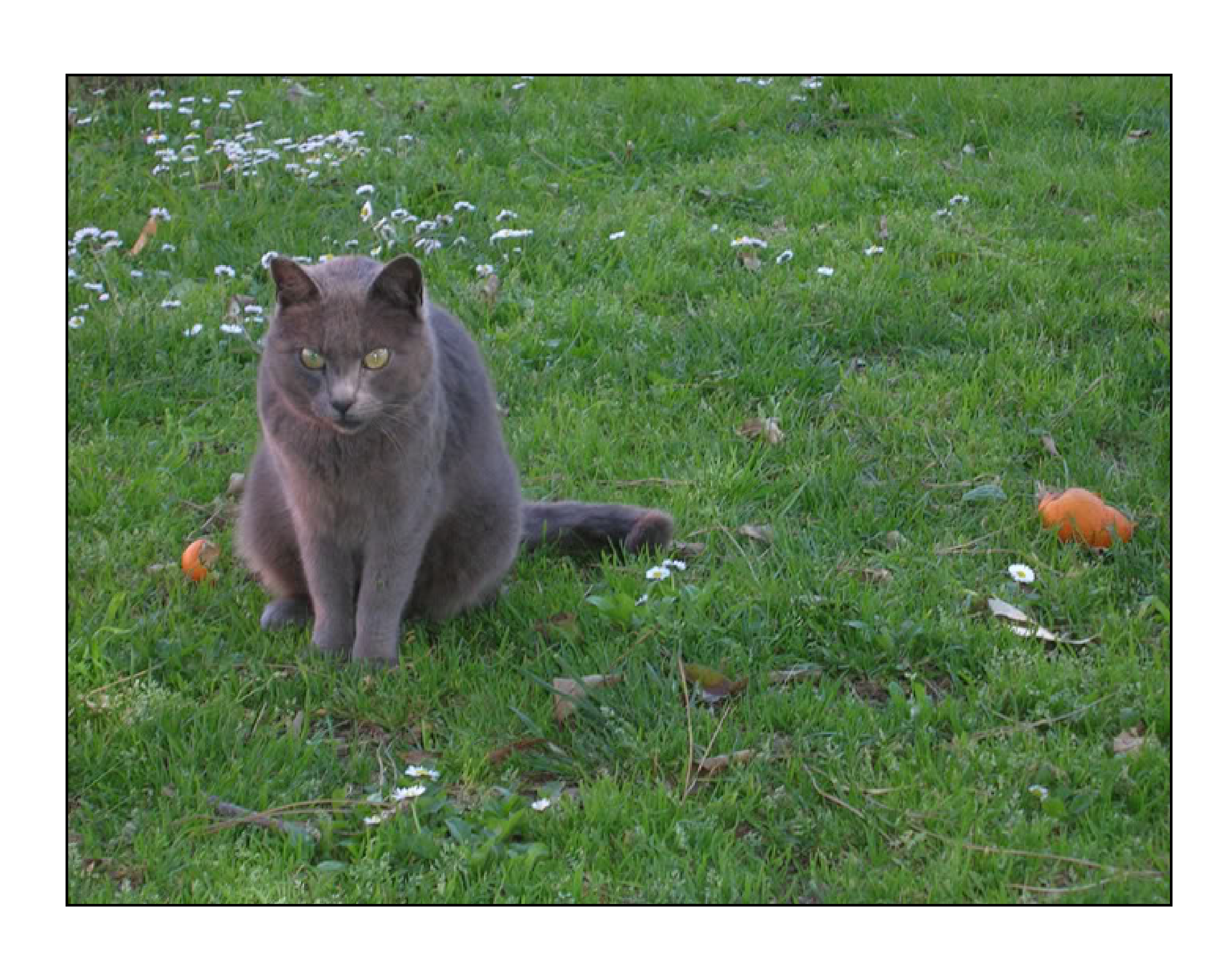
Ни палаццо, ни соборов,
Не отметит взгляд...
Тут легко скатиться в город,
А вот как – назад?
Ничего не видно снизу:
Только склон холма,
Стен облупленных карнизы,
И дома, дома...

Меж булыжниками травка
Вдоль глухой стены
Все дома, все церкви, лавки
От-го-ро-же-ны...
Как попасть на Авентино,
Этот холм холмов,
Где катают апельсины
Множества котов?

Сад исчез? Искать не пробуй
И не забывай,
Что волшебная дорога –
Эта сельская дорога,
И не всякому дорога
В тот котовый рай:

В ком хоть каплю зла людского
Заподозрит Кот,
Тот дорожку эту снова
Просто не найдёт.
Лишь немногим в сад старинный
В тот квадратный рай котиный,
Где катают апельсины
Путь укажет Кот...

Авентино, Авентино,
Не закрой проход!

NOVENTIMI ROMANI

Какой ты маленький, великий Рим –
Строка гекзаметра – и та длиннее,
Когда она сползает, буквы грея,
С Янникула. Постой, поговорим
Про Circo Massimo, и про Энея,
И как весталку увести в аллею,
Про то, что наслоения веков
Нас, любопытных, всё-таки жалея,
Оставили куски черновиков…

И можно, Форум обойдя с боков,
За два часа пешком пройти вдоль Тибра!
Мосты… Трава… Феллиньевские титры
Прикрыли трещины особняков…
Опять подвальчик. Что ж, скамейку вытри,
И выпем-ка за выпитые литры,
За то, что вот, пощажены судьбой…
Пей хоть за выкрутас колонны хитрый,
За пинии, за ангела с трубой,

За «Страшный суд» в Сикстинской… Но постой:
Кисть Микель-Анджело не зря жестока:
Ведь может быть, и вправду чьё-то око
Следит за Римом, миром и тобой?..
Не веришь тут в существованье тьмы:
Тут лето разливается без срока…
А ведь когда-то в Петербурге мы
Молились, чтобы синее барокко
Преодолело ужасы зимы…

Но я люблю узоры на стекле.
Их витражист-мороз под утро ле…
И всё же далеко не всё он может –
Вот Рим зимы не примет никогда:
Уродлив стал бы Тибр под коркой льда,
Но как его представить без азалий?
Скорей – без цезарей! Да уж не им,
Фонтаны – шумом в зеркале – сказали,
Что Amor это – Roma, то есть Рим…

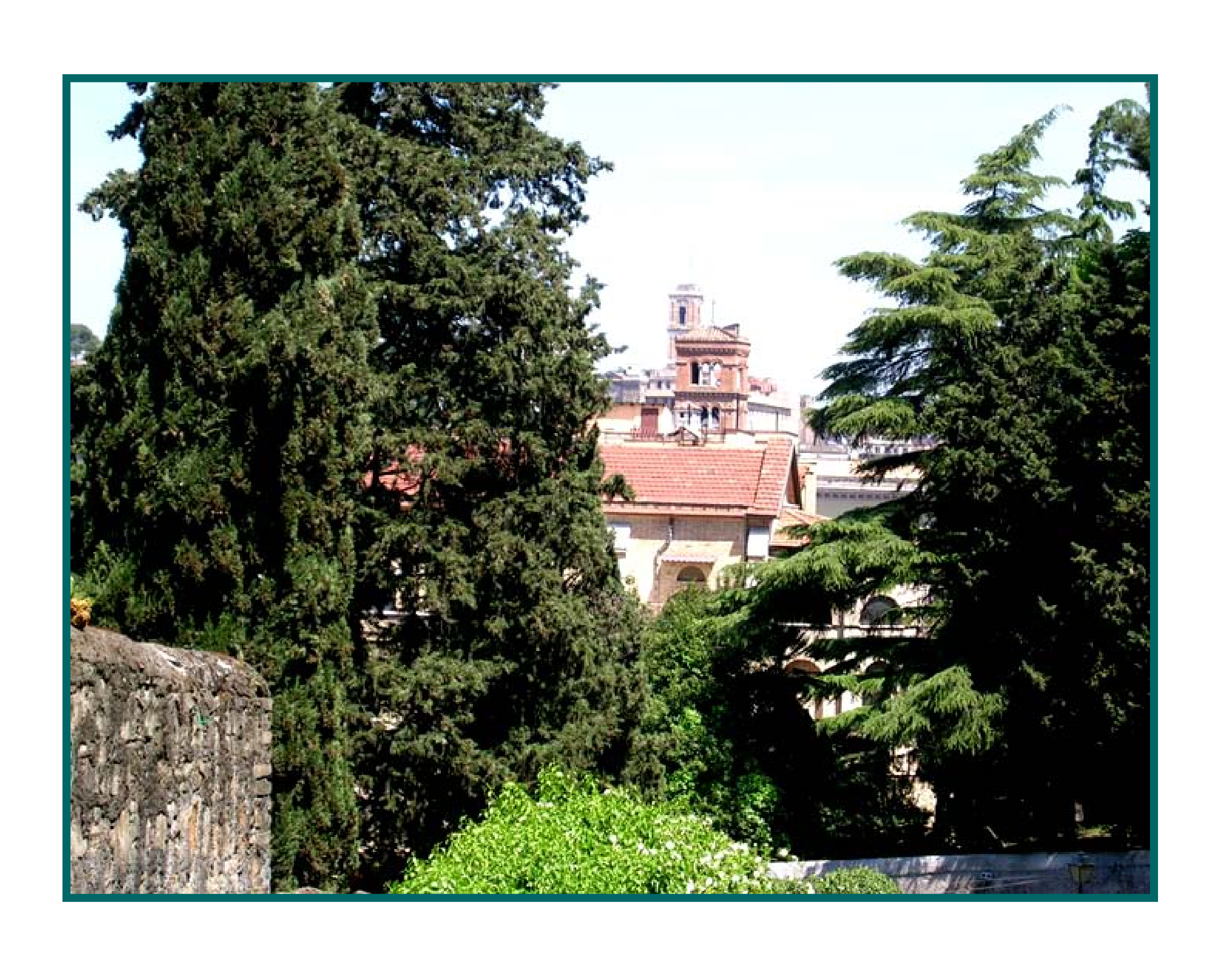
* * *

Аппиева дорога,
Ла́вровая зима,
Аппиева дорога –
Римская Колыма.

Пореем да жареным салом
Несет на третьей версте.
У крестов конца не хватало –
Распинали на букве «Т».

От устриц и лимонов
Отбросы закат золотит?
Нет, медные легионы
Отдыхают на камне плит.

Рим загорается сзади,
И ясно, что Страшный Суд –
В траттории «Quo vadis?»
Где макароны жрут…

ЭХО РИМА

Ритм Рима – медлительное уподобление ритму
наших шагов, поднимающихся на Авентино,
но видна оттуда – только рельефная карта Рима.

Лохматые пальмы как меридианы вертикальны.
Рыжее – грозит с перегруженных ветвей апельсина.
А на черную широкополую шляпу старого падре

Падают лепестки, лепестки улыбнувшегося олеандра
Ветер приносит, как запахи, ощущение ренессанса.
Город отсюда – писаный задник классического театра.

Внизу этажи, этажи жёлтой и рыжей охры.
Глохнут за ними, за Тибром, в Трастевере на берегу
голоса посуды в тавернах, глохнет трамвайный грохот,

Глохнет шуршанье машин и колокольный гул…

*

Имя Тибра – в Риме. Эхо его – Тивериада
(Галилейское море? Озеро Генисаре́т? Кине́рет?).
Маленький русский монастырь или пустынь. А рядом –

камни, сухие серые травы, да ослик серый.
Слабых медлительных волн незаметны ритмы,
камни, на берегу плеща, бормочут молитвы,

И так нереальны, так далеки от Рима
Нервные ритмы
Мечущихся над кустами у монастыря колибри…

*

Имя Равенны – к имени Рима парное:
какие бы тут Теодорихи в Тёмных веках ни гостили –
второй это город на всё государство папское.

А вот базилика Apollinare Nuovo – тень Византии.
Мозаики: «овцы», «дары волхвов», «поцелуй Иуды»…
Полная тишь. Абсолютная. Смена стилей.

Почти азиатских колонн многоярусные груды.
Но в крипте – бассейн. Живые в храме плавают рыбы!
Памятью о ловцах человеческих душ, наверно.

Вот оно раскатившееся, бескрайное эхо Рима:
И колибри над Тивериадой и рыбы в Равенне.

КАНЦОНА

Раскаленные площади дышат латынью,
На горбатые мостики римского дня
Сухо падает небо непрошеной синью,
Рвутся вверх из фонтана четыре коня...
Я вторично вхожу в ту же самую реку –
Нет дурной бесконечности у бытия,
Возвращаются годы как псы к человеку,
Возвращается ветер на круги своя.

Меж котов Колизея смешную тревогу
Сеет резкий звонок – сколько ни повторяй –
То на Старую Аппиеву дорогу
Через заросли пиний выходит трамвай...
Из молчанья преданий, из тьмы узнаванья,
Из причудливой смеси зверья и людья,
Возвращается строчка к началу посланья,
Возвращается ветер на круги своя.

В те же скалы колотится пена прилива.
Этот мраморный стол... Вот уж двадцать веков
На столешницу ставят остийское пиво,
То, которым Катулл угощал моряков.
Нет, не так уж печально у Екклезиаста:
Есть у рек берега, есть у моря края –
Разве так это страшно, что верно и часто
Возвращается ветер на круги своя?

И... седая гравюра, возникшая разом –
Тот же дождь вдоль Лебяжьей канавки бредёт,
И темнеет, намокнув, гранитная ваза,
И в тяжелой штриховке не видно пустот.
Отсверкав чешуями в рассвете жестоком,
Под мостами в тяжелых узорах литья,
Возвращаются реки, как прежде, к истокам,
Возвращается ветер на круги своя.

ТЕРМЫ КАРАКАЛЛЫ

На белые с чёрным мозаики белые с черным чайки
Усаживаются важно, и на мгновенье влажно
Становится на полу…

Чайки не улетают – чайки на месте тают:
На черном мраморе белые контуры
На века остаются в углу…

А слуги пучками кидают в тяжелые ванны лаванду,
Спорит голый философ с полуголым другим, –
А потом

Оба идут в таверну надраться, никак не подозревая,
Что элегический дистих Горация, рифму приобретая,
Станет русским стихом…

Вот и ушли они, важные!.. Им завесы подняв, мальчишки
Получили монетки влажные, и – прямиком на базар,

А я сюда эту рифму принесу в записной книжке
И прилажу, как только все они
Прекратят мне мозолить глаза,

И укреплю, –
Тут, где на белые с чёрным мозаики белые с черным чайки,
Как обычно, садятся важно, и на мгновенье – влажно
Становится на полу…

***

Замок Ангела стал музеем.
Первый век и двадцатый квиты:
Стали кошками львы Колизея,
Итальянцами стали квириты.
Итальянцы бастуют лихо,
Кошкам носят еду старушки,
По музеям ржавеют тихо
Гладиаторские игрушки.
Все руины пристойно прибраны,
Все на месте – и пицца, и пьяцца…
Но когда засыпают римляне,
Львы по крышам уходят шляться.

ИЮНЬ

…Ну чем излечиться,
Если на асфальте у соборов старых
Извели тебя, утопили
В солнечных многоцветных пожарах?

Сильвия Плат

В белом фонтане вода стеной.
Длинная пьяцца Навона.
Жарко? Так прислонись спиной,
Охладит любая колонна,
Даже если ей
только триста лет,
Опыт с жарой бороться
У нее есть, а у тебя – нет,
И ещё – как вода из колодца –
Воздух из тяжких церковных дверей
Прохладою по ногам…
Не знаю, спускался ли Пётр
с этих вытертых ступеней,
Но Микель-Анджело – там!

Поставь, если хочешь свечку. Возьми.
А лучше – стань частью от
Улиц, где смешаны боги с людьми,
И с этим светом – тот.
Ищешь ты Бога, или богов –
Этот слоёный пирог
Из семи холмов с начинкой веков
И тебе кусок приберёг:

Вдоль парапета платаны толпятся
Над желтой водой реки.
Мимо таверн, церквей, палаццо –
Весёлые каблучки!
Женский смех на руинах миров
Воистину неистребим:
Вечен Amor – а наоборот
Читается Roma – Рим.
Но это известно, само собой,
Зачитано аж до дыр –
По–русски есть перевертыш другой:
Рим – Мир.

И вот – со всех семи холмов
Катится ночь. И вот –
Неизвестно кто, зачем, у кого
Подсохшие лавры крадёт –
И смешиваются
Стен квадраты
С колоннами,
И спешиваются
Императоры,
А пешие статуи
Становятся конными.
Над ними фонарный белый шар,
И если взглянуть построже –
Неважно, форум или базар –
Почти что одно и то же!

Во все глазницы глядит на Рим,
Вокруг себя Колизей:
Вдруг снова сведут с Палатина над ним
Больших полосатых зверей?
И цезарь в ложу изволит войти
В лавровом венке?
Да нет –
Тут полосаты только коты
А лавром пахнет обед…

ПОМПЕЯ

Шуршанье ящерок по солнечным камням,
И плющ, как плащ,
под сонным ветром чуть упрям.
В осколках солнца мозаичные полы,
В пилястрах розовых зеленовата тень,
И через трещины классических затей
Шалфей пробился и лаванда и полынь.

Сметает ветер листья с мраморных собак,
Раздует каменные складки белых тог,
Какой-то надцатый, а всё же римский бог
Вдруг подойдет и спросит,
что мне здесь не так.
На фресках люди все чужие... Только тут
И с ними можно пообщаться тишиной,
Хотя они, всего вернее, не поймут,
Что не Империя за белою стеной –
Живые травы между мраморных лачуг,
Полусухой чертополох у входа в храм...

И только море не меняется ничуть,
И виноградники лопочут по утрам
Как при Антонии...

ОСТИЯ АНТИКА

Кирпичная кладка под солнцем рыжа.
Сорняк прорастает сквозь швы,
И тонкие плоские плинфы лежат,
Запёкшись, как раны травы.
Трава бесконечна. Бездумна. Свежа…

Пчелиный пронзителен звон…
Торчит в стороне от коринфских колонн
Какая-то из безголовых юнон,
За ней деревенский забор,
Твердит всей своей деревянностью он
О том, что история – вздор:
Лопух пред юноной так зелен и свеж,
Стрижи суетятся над ней,
А в мраморных складках широких одежд –
Убежища мелких теней.

Так медленно тает смола на стволе.
У пиний зонты тяжелы.
Никчёмные шишки на белом столе –
Хранительницы тишины:
Тут кружки пивные давно не стучат,
Но вырос упрямый ячмень!
Под узкими арками из кирпича
Плутает зелёная тень.

Ступени театра, спускаясь с высот,
Спешат на неслышимый крик…
Комической маски распахнутый рот,
Трагической маски парик…

Они на столпах.
И ни слов нет, ни тел.
Остатки порталов торчат,
Но серого мрамора слой облетел,
С облупленного кирпича…

За сценой вдали, наподобие ос,
Жужжат поезда…Поезда?
Нет – шёпот!
И мраморной маски вопрос:
Зачем ты забрался сюда?
Зачем?

Так давно всё тут стало другим,
И травы опять наступают на Рим:
Поход одуванчиков – неумолим,

Крапива свежа и темна…
И море
отходит, когда перед ним –
Зелёных вандалов волна!

Ступени театра проели ветра
Над ними закат – как вино,
Площадка орхестры, как время, стара.
Там сцена?
Нет – в чём-то зелёном дыра,
Падение солнечных пятен на мра-
мор греческой маски – немая игра
теней… Шепот листьев… И всё – театра-
льно..

***

Лиловый камень вместо тучи,
...Колонны тонкие, как пальцы,
В них ветер плачет монотонно.

Пригнулись травы, разбегаются.
Земля и небо всё лилово –
Готово с грохотом распасться.
Уже белы одни колонны,
Колонны тонкие, как пальцы,
Ах, как же всё случилось скоро:

Под исполинским камнем тучи
Колонны хрупкого фарфора...

FORO ROMANO

Обезглавленные аполлоны,
Капители в густоте травы,
Непристойно выглядят колонны –
Тоже иногда без головы...
Ты, идя на форум с ипподрома,
Останавливался иногда
На ступеньке голого проёма
Двери ниоткуда в никуда.

Запеклись кирпичные провалы,
Как следы прямоугольных ран,
А сквозь них глядится небывалый
Беспредельной синевы экран,
И теперь не верится, что кто-то
Даже не заметил никогда
Толщину кирпичного пролёта –
Дверь, что ниоткуда никуда.

Пару тысяч лет – совсем немного
Тут патриций гордый и квирит
Собирались к пьедесталу бога,
Августа, что вечно говорит,
Так с тех пор всё что-то говорит.

Что ж когда-то было тут? Да травка...
Козы тут паслись. Ну, а потом
Тут была, наверно, чья-то лавка,
Чья-то жизнь и чей-то скромный дом.
Ведь простая жизнь, она такая:
Ходишь незаметно, сквозь года
Сам не замечаешь, проникая
В дверь, что ниоткуда никуда.

А быть может, никакого дома
Тут и не торчало никогда –
Просто так всю жизнь она знакома,
Дверь из ниоткуда в никуда –
Жизнь без перемен, без перелома...
Лишь стена, глухая, как беда,
Небо открывает из проёма
Двери ниоткуда в никуда.

Площади? Башки веков слетают
Там, с незримой плахи палача,
Где история напоминает
Цвет запёкшегося кирпича
Вся!
От троглодита до проклятой
Тени, нам курочившей года, –
Прёт, безглавая, как торсы статуй
Тоже ниоткуда в никуда…

XIV

ПАМЯТЬ

***

А ты представь себе, что вот вчера,
Не задохнувшись ни на миг от бега,
В незапертые двери со двора
Ввалюсь я, не очистив лыж от снега,
Что время обратимое – не бред,
И неизвестно, будут или были
Те годы, что, засыпав белый след,
Мне целый мир однажды подарили –

И горизонта тесная петля
Не расползлась, а лопнула мгновенно:
Снежком и Штраусом мелькнула Вена
И вдоль дорог помчались тополя...

. . . .

А клёны превращаются в платаны,
Порастеряв кору коротких лет –
В белоколонный лондонский рассвет
Врываются парижские каштаны,
В лиловой дымке флорентийских гор
Кирпичный Амстердам возникнет разом,
А блики на аркадах Амбуаза
Развеселят пустынный Эльсинор...

Всё потому, что время – это дом,
Где «завтра» и «вчера» живут не ссорясь,
Где даже ненаписанную повесть
Прочтешь уже с началом и с концом,
Что снежный вечер был в начале дня,
Что стоит только оттолкнуться резче,
Как тут же самому себе навстречу
Направит та же самая лыжня.

ТРИПТИХ
В ЧЕСТЬ РИФМЫ

1.

Дордонь. Высокий мост. Шесть дуг:
Любая арка – полукруг,
А в половодье – полный круг,
И отраженья арок вдруг –
Рифмовка многих дуг.

Но лучше здесь молчать о том.
А то как зазвучат!
Разливы эха под мостом
Усилятся стократ,
И арки вдруг обрушат гром
Из шёпота – сюда:
Срифмуется свод со стихом,
Как с ивами – вода.

Не та река? И всё же та,
А всё таки не та:
Не зря, мол, дважды... (тра-та-та...!)
А память ведь не так проста,
Как эхо от моста!

Вон яблоня с речной струёй,
Рифмуясь каждый год,
Утопит белый стих смурной,
Но белопенною волной
Цвет яблок принесёт...

2.

Строй окон в Риме – он таков,
Что даже охра с ним
Откликнется на зов веков
Наличником любым:
Линялых стен воскреснут сны –
Ведь каждое окно,
Усиливая ритм стены,
Историей полно...
А колокольный дальний звон?
Да он – лишь для того,
Чтоб тавтологией окон,

Совсем как рифмами времён,
Спиральный смысл ВСЕГО
Раскрыть!...
Так яблоня с рекой,
Рифмуясь каждый год,
За белопенною судьбой
Смысл в яблоках найдёт...

3.

Пусть рифма – памяти полёт –
Несёт нам эхо лет:
Мир в отражениях живёт
Пока на свете – свет.

Готический сплетённый свод
Возносит ход времён,
Стремленьем стрельчатым ведёт
И рифмами колонн,
Пучками ассонансных тяг
Сплетая свет и тень!
Пусть эхо-память, как сквозняк
Пробьёт висящий день,
Просачивая сквозь витраж,
Дробя тот пёстрый свет,
В котором рифма – смыслов страж –
Хранит порядок лет...

(Коктебель, 1938 г.)

И море чёрное, витийствуя, шумит,
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.
О. М.

Я в этой комнате мальчишкой ночевал,
Не зная ни о чём, – ни этих строчек даже... –
Меня не грохот волн с постели подымал,
Не тот прибой, а тихий голос тети Маши:

Что стыд – так долго спать, что чайник, мол, вскипел,
Что чайкам сухарей пора снести, и взяться
За книжки, и что вот отец уже успел,
Пока валяюсь я, два раза искупаться.

Да, к морю головой стоял кривой топчан.
И где-то в восемь лет – ну как мне знать такое –
Что эта комнатка бывала по ночам
Каютой корабля, отчалившего к Трое!

ПОСВЯЩАЕТСЯ КИПЛИНГУ

На лужайке джигу пляшут Лис с Лисой:
Их мальчишки угостили колбасой!
(Лондонская зарисовка)

Вот вам черта 21 века:
Зверь не шарахается от человека!
У городов появились заботы:
В Лондоне лисы, в Нью-Йорке еноты.

Есть кенгуру под Парижем. Однако
Он удостоен дорожного знака:
Вон треугольник, на нём силуэт:
Крошку за лапу ведёт кенгуриха!
20 кэмэ тут, а выше – запрет!
Хватит, ребята, не ездите лихо!
Скорость снижай, и для тех кенгурей
Не забывай запасти сухарей!

В лес Рамбуйе ты собрался? Постой:
Буйволам яблочек взял бы с собой.
Хитрые нутрии просят морковки –
Выйти на пруд без морковки – неловко.
Уткам багета легко накрошить,
Только вот цаплю – ну, чем угостить?
Разве в четверг после дождичка ей
Ты накопаешь отменных червей?

* * *

...А ведь всё, что на память увозим с собой –
Оболочка того, чего нет: тень предмета и только
(Так коричневые ковры перестанут казаться листвой,
Синева неуместного неба – случайная зимняя сойка).

Ну, так как увезти то, что думаешь ты сохранить?
Даже голос, записанный звук, – тень того, чего нету...–
Где и как по пути оборвётся незримая нить,
Что разматывается за тобой
И пока ещё кажется связью предмета
С местом, где...

И останутся дни изменённого цвета.

Всё, что сорвано с места, перестаёт быть собой.
Фотографии только похожи на лица...
И конечно не память,
А тень её, калейдоскопной картонной трубой,
Тут на полке пылится.

Отчего ж тебе жаль просто выбросить то, чего нет?
Всё равно фотография –
Только тень бытия,
Упорхнувшего в вечер приморский и ранний –
Неуместна на полке!

...Память моря на мокрой руке –
Это варварски вытащенный осьминог на песке:
Не лукавое совершенство,
        а серая тряпка воспоминаний.

КРУГИ ПО ВОДЕ

Над озерцом – где-то или нигде.
Запустил я лёгкий и плоский камень,
И разбежалась она кругами, проскальзывая по воде, –
Концентрических лет прозрачная память.

За кругом круг всплывал и за годом год.
В каждом круге по негативу –
Пластинки старинного аппарата.
Зыбко, едва узнаваемо... Только вот –
Трудно всё рассмотреть, если снимок не отпечатан!...

Перемешались пейзажи, лица и города:
На Пантеон наложился Исакий – купол на купол,
А за королевами, населившими Люксембургский сад,
За этими подобиями закутанных в средневековье кукол,
Просвечивает барокко: полуголые итальянки стоят
В аллеях Летнего Сада и глядят неизвестно куда.

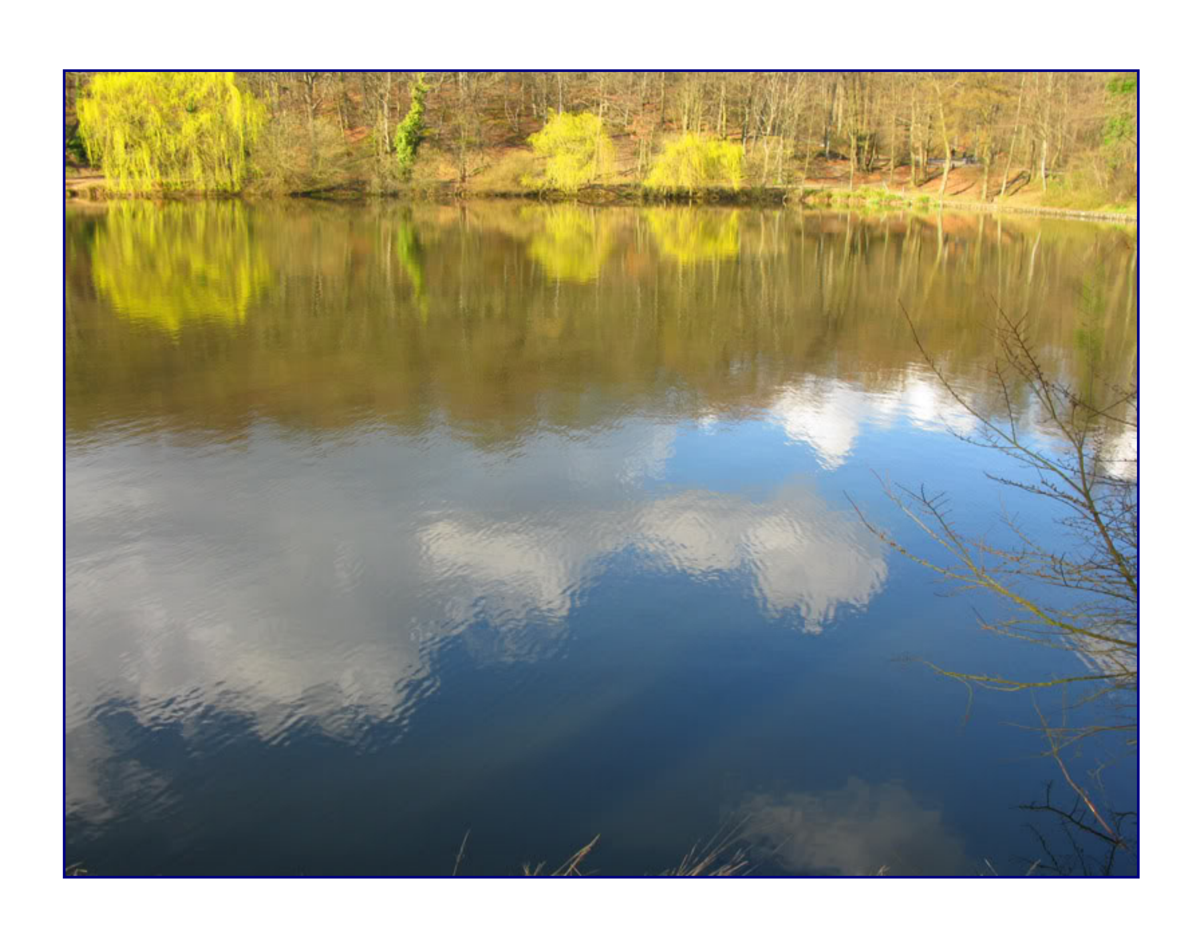
Всплывает месьё Лафонтен с маленькой на ступеньке лисой,
Но чуть поверни голову – и взгляд случайный косой
Упрётся в Крылова.
И живее он, да и зверей там побольше тоже!
Дом Книги сверкнёт, стёкла смешав, за «Самаритеном».
Где-то белые колонны лепятся к жёлтым стенам,
И стилизованные рожи с фронтонов передразнивают прохожих.

Круги расширяются. Теперь на них
Найдётся место и настоящим лицам.
То там, то тут мелькают:
Кто-то в центре кадра оказаться стремится.

От снимка к снимку он всё меньше лохмат,
Волосы цвет меняют: и не только виски...
А губы по-прежнему сложены – тот же мат –
Да над клавиатурой тень от пальцев той же руки...

Вдруг непрошенный ветер взрябит поверхность.
Над водой две ивы светятся.
И – ничего – и темно:

А если камушек запустить – так наверно,
Он снова включит вневременное кино?

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Так всё же, почему ещё в семидесятых
Те эмигранты нам казались так смешны
Тем, что в газете хвастали, как Император
В дни маслениц их звал, случалось, на блины?
Но только мне сейчас не хочется смеяться –
Не потому, что сам сегодня старше их,
А только от того, что рядом не ложатся
С той фотографией сверкания цветных...

Но вот – уже полжизни прожито в Париже.
Россия в образах видна мне только в тех,
Которые впитал в себя, когда поближе
Всё мельтешило и порой вгоняло в смех:
И царство скуки той, и раньше – годы злые,
(Хватило бы с лихвой их на десяток стран)...
Но не до смеха то, что города былые
Не совмещаются с попавшими в экран!

Хоть уймы фотографий той смурной России
Есть среди нынешних в экранной суете...
Да, чёрно-белые, к тому ж полуслепые,
Да, трудно разглядеть – но ведь реальней – те!

И сколько б ни кружил ты по мостам горбатым,
Хоть прогляди глаза – твой город стал иным...
Ты помнишь те дома, в которых жил когда-то,
И цвет фасадов их... Ну хоть дорогу к ним?
И даже, может быть, узнав резьбу на двери
Чуть перетаптываясь, потянулся к ней...
Но сделай шаг назад – и сможешь сам поверить,
Что не держал в руках ключи от тех дверей...

Тут пазлы не сложить!
Трамвай шестидесятых
С сегодняшним никак – ведь силуэт иной,
Так может ли совпасть он с теми, что когда-то...
На черно-белой, глянцевой, на озорной...
Да, пазлы не сложить. И толпы силуэтов
Сместились, спятили, полезли в облака:
Неузнаваема игра теней и света,
Где ж «строгий стройный вид»?
Вот разве что река
Останется собой – исчезнет только пена,

Что тает вон на тех ступеньках над водой…
А волны всё спешат, крутясь, как вальс Шопена,
Как тени жёлтых стен, как Летний, молодой
Сад…
Как те улицы. Да, им вернули имя,
Но кто тебе теперь докажет, что дома
На самом деле были именно такими,
Что их цвета… И что не ты сошёл с ума?
Что после тех двукратных переименований
Осталась та же суть?

Не принимай всерьёз
Карикатурный вид «правительственных зданий»,
И вместо тополей нелепый ряд берёз…
Подробности долой! Ведь всё, что облетело:
Лепнина и года – касается не нас,
И лица с этих фоток, рваных, пожелтелых
Давно совсем не те, не здесь и не сейчас…

Понять попробуй сам, что мысль крутя задаром,
Ты просто совместить пытался с дымом дым…
И что нелепость вся не в том, что стал ты старым
А в том, что всё равно остался молодым.

唐人酒楼
24 ИДЕАЛ 24
ИДЕАЛ
ФРУКТЫ
ОВОЩИ
ИДЕАЛ

МОХОВАЯ 41

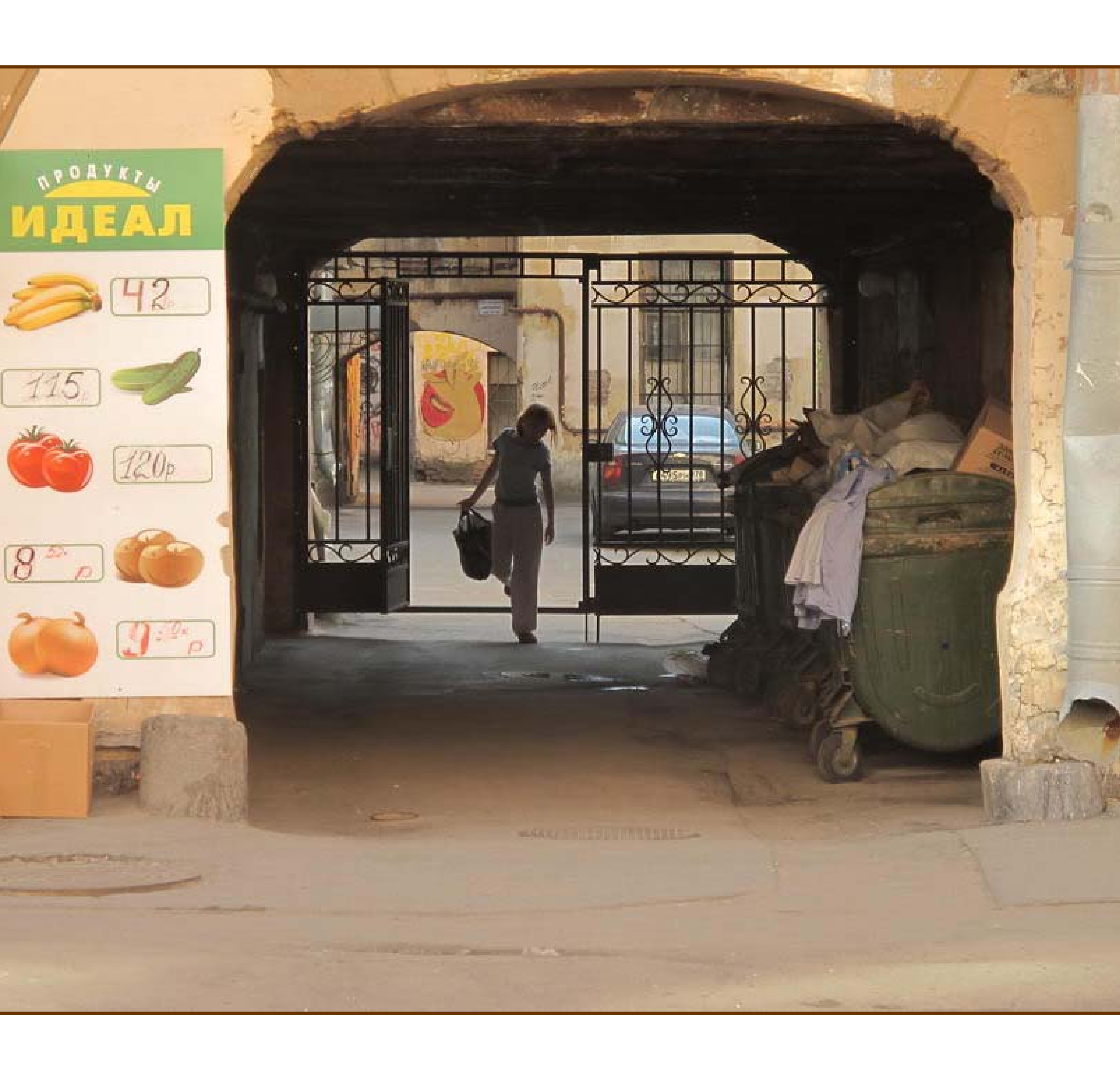
К фотографиям Мурки

1.

В стёклах – только то, что далеко,
Или – до чего нам нет и дела:
Увеличивай хоть за пределы
Эти фотографии окон –
Смотришь на окно – во весь экран,
А в окно – не заглянуть снаружи.
Только блеск холодный между рам:
Приближенье дальних стен, да лужи.
Лишь слепые отсветы в глаза
Бросит злого отраженья сила,
В собственное прошлое – нельзя:
Всё поляризовано, что было…

Не увидишь, что за жизнь теперь
В той квартире… Кто ответить может?
Там чужая и глухая дверь.
Каждое окно – чужое тоже.
И возможно, изнутри сюда
Равнодушно обернётся кто-то…
Миновали дни? Века? Года?
В чьём окне? Да наша ли забота?

Девочка в облезлые ворота
Всё выносит мусор как тогда…

ПРОДУКТЫ
ИДЕАЛ
42
115
120р

2.

Каждый двор – верней и неизменней
Всех фронтонов, всех кариатид,
Он времён полуживые тени
Дольше, чем любой архив, хранит.

Мячик… Звон соседского окошка.
Не сочтешь тут всяческой муры…
(Требуют обычной рифмы «кошка»
Эти петербургские дворы.)

Цепь дворов осталась той же самой,
Полутьма… Но из неё, как гром –
Сквер, да Цирк, да Инженерный Замок
Вдруг за третьим проходным двором!

Двор как двор. Но непременно надо
В памяти облупленной стены…
Отыскать запрятанные клады…

Ледяными глыбами блокады
Окна до сих пор ослеплены,
Улица молчит в огне и пепле,
В тёмной клетке каждого двора
Окна повторяют, что ослепли
От снарядов, рвавшихся вчера!
А потом твердят опять, что кто-то
Перепутал дни, века, года…

Девочка в облезлые ворота
Всё выносит мусор как тогда…

***

Ростов-на-Дону

Как мы боимся неузнаванья
Знакомых картин в знакомых местах!
Ведь изменилось не наше сознанье –
Смена декораций внушает страх:
Вновь ты тут. И тебе тринадцать.
Ты – тот же самый. А эти места…
Как же улице не той оказаться?
Но, ведь – не та! И река не та…

Ты «здесь и сейчас».Становится страшно,
Что всё втихаря меняют года,
Но если ты вдруг и вправду тогдашний –
То берегись забрести сюда:
Эти деревья не стали хуже.
А река? Ну, конечно, нет!
Но, ни реке, ни оградам не нужен
Ты. И значит, тебя тут нет.

……

Длинный бульвар ростовских акаций
Совсем другой, если смотришь с моста…
Ну, как посмел я сюда забраться,
Если улица не та, и река не та?
В глубоком дворе, за пятиэтажкой обычной,
С бульвара не разглядеть никак
Тот двухэтажный, старинный, кирпичный
Дедовский особняк.

И с того, за года задвинутого дома,
По новеньким окнам замутнённого стекла,
С крыши – старой, но такой незнакомой –
Подтаявшим снегом история сползла.
Ну, как бежать от её опознанья?
Всё равно ведь изловит и там, и тут!
Вот мы и боимся неузнаванья
Горстки лет, и кучки минут…

***

Марку Альтшуллеру

Не страшно выглядеть старым,
Ну, подумаешь, грива белее…
Но потомку пиратов и гусаров –
С тростью гулять по аллее?!

Не раз тут помянешь известную мать,
Бормоча недовольное «Ах ты…!»
Как же эту дурацкую палку сжимать
В руке вместо румпеля яхты?

И всё же я жизнью доволен вполне:
Как никому повезло –
Ведь сегодня ещё остаётся мне
Байдарочное весло!

Веселится Дордонь в крутых берегах –
Встречной веткой шапчонку ссади…
(Но не надо о велосипедных путях
И о тысяче вёрст позади…)

От Балтики к Чёрному – и не раз –
Оставлял я невидимый след…
А теперь – никуда – хоть крути битый час
Мой комнатный велосипед.

И с него, хоть лопни, – а не разглядеть
Над степями рассветный лак.
Что ж, в соседнем лесу на скамейке сидеть,
И…
О чём я?…
Ах, да: ну как

Наблюдать сентябрьской листвы карнавал,
Да следить за вознёю птиц
Тому, кто совсем не последним бывал
В джигитовках донских станиц?

Ржали кони, шальной коростель скрипел,
И кругом серебрился ковыль!
(Там сегодня до самых калмыцких степей
От комбайнов – жёлтая душная пыль…)

Конский запах во сне – опять и опять
Ну, так скажете – повезло?
Да, хоть радостно сколько хочешь писать,
Только кресло ведь – не седло…

Пусть архангел терзает несчастную медь
Пусть без устали дует в трубу,
Только что он сумеет тому нагудеть,
Кто не верует даже в судьбу!

Эта блядь не дала мне сидеть на коне
(Чтобы Киплинга переводил?),
И теперь помогает так весело мне,
Как Слонёнку помог Крокодил.

***

Собаке Нюше

В эту осень небо привыкло
Зажигать каждый вечер закат.
В оркестровой скрипки пиликают –
Как дубовые листья кружат,

А со сцены – воронье соло,
Воробьиный хор (далеко!),
И с готовностью невесёлой
Ветры пробуют геликон.

Ну-ка, вслушайся, если уловишь
Репетирует что-то даль,
Где-то – поезд по шпалам клавиш:
То настраивают рояль.

Мы с тобой пройдём непременно,
По паркетам листвы скользя,
За кулисы, в фойе, на сцену –
Только в зрительный зал нельзя.

Говоришь – пойдём? Но, однако,
Нам никто ещё не сказал...
И куда нам спешить, собака?
Нас не пустят в зрительный зал.

ЧЕРЕЗ СОРОК ЛЕТ…

Сова над лодкой снизилась и взмыла,
Оставя в воздухе пунктирный след –
Клок памяти о бытии ином…

В лесу бургундском через сорок лет
Сова мазнула по стеклу крылом,
Не зная, что со мной уже такое было.

И, вслед за пролетающей совой,
Сомкнулся тёмный лес над головой.
И выскочил (откуда взялся?) заяц
В свет фар, перед машиной расстилаясь,
Зад вскидывая, хвостиком дразня,
С асфальта в чащу даже не пытаясь…
Но я-то знал – свернуть ему нельзя!

Там призраком остаточного света,
Пробившимся сквозь сосен силуэты,
За озером заката головня…
В подлеске с лешими болтают лары,
И проникают, проникают фары
В глубь времени, в глубь леса, в глубь меня…

Нет бывшего – есть наслоенье лет,
Есть заяц, в темноте почти лиловый –
Есть!
Есть и будут совы, совы, совы…
Следы дождя. И предзакатный свет:
Нет прошлого – есть наслоенье лет!

И совы есть! И заяц тоже есть!
Есть лешие – они совсем не стары –
И с лешими кокетничают лары,
Над озером монистами звеня…

И проникают, проникают фары
В глубь времени. В глубь леса. В глубь меня.

Примечания

Большинство фотографий, помещенных в этой книге, сделаны Еленой Кассель. Фото на стр. 52, 256, 303, 305 – Марии Кассель. Фотографии на стр. 96 – работы Славы Швец. На стр. 73, 139 фото неизвестных авторов.

Ниже следуют примечания автора к стихотворениям «Химеры» и «Ода пестрому петуху».

1. Лицо апостола Фомы на шпиле Нотр-Дам – это портрет архитектора Вьоле-Лё-Дюка.

2. На балюстраде Нотр-Дам в компании химер есть статуя алхимика.

3. Oie (фр.) – гусь, noix (фр.) – орех.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ВЗГЛЯД НА НЕЧТО

II. ВРЕМЕНА ГОДА

III. ВОКРУГ РОЖДЕСТВА

IV. ВЕСЕННЯЯ ЗИМА

V. WHAT IS TIME?

VI. ОГЛЯНУТЬСЯ

VII. У ТЁПЛОГО МОРЯ

VIII. ДОРДОНЬ

IX. АТЛАНТИКА

X. ЛУАРА

XI. НА ПАРИЖСКИХ УЛИЦАХ

XII. В ЗЕРКАЛАХ

XIII. РИМСКОЕ

XIV. ПАМЯТЬ